ISSN 2542-2197

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

12
выпуск (880)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

ISSN 2542-2197

MSLU
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITIES

12
Issue (880)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 12 (880)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК — **доктор филологических наук, профессор**

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко — **кандидат филологических наук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK
OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 12 (880)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
GALINA G. BONDARCHUK — **Doctor of Philology, Professor**

Deputy Chief Editor
ELENA I. KARPENKO — **PhD in Philology**

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A.P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V.V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K.V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M.V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Об особенностях религиозного юмористического дискурса (на примере православной конфессии)
АНИСИМОВА Е. Е. 9

Каузативные конструкции в итальянской языковой картине мира
ГОРЯЧКИН А. Р. 18

Общее и специфическое в русском и корейском языках (на примере фразеологизмов с компонентом «душа»)
ГРАЧЕВА О. А., КОПЫЛОВА П. А. 24

Происхождение и формирование шотландского языка в свете этноязыковых контактов
ГУКАЛОВА Н. В. 32

Контент-анализ как метод исследования информационной войны (на материале репрезентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США)
КАЛИНИН О. И., ПРИХОДЬКО М. В. 39

Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования
КНЯЖЕВА Е. А., ТАУНЗЕНД К. И. 48

Основные причины создания конструированных языков
КОСТЮХИН А. А. 55

Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть – целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление)
КРАСИКОВА Е. А. 62

Типология пресс-конференций в зависимости от их персуазивного потенциала
ЛАРИНА К. А. , БОРИСОВА Е. С. 69

Антропный код культуры Испании и России через призму идиом с ономастическим компонентом
ПЫЖИКОВА А. В. 77

Ситуации и механизмы вытеснения исконных персидских военных терминов иностранными заимствованиями
РУЛЬКОВА С. М., ЛЕШИН А. Г. 83

«Мемуары Карло Гольдони»: к проблеме авторства итальянской версии
РУСТАМОВА М. Б. Г., ШКОЛЬНИКОВА О. Ю. 89

Об одной особенности семантики широкозначных существительных (на материале французского языка)
СЕМИНА И. А. 96

Структурно-семантический аспект названий турецких научных статей в контексте перевода
СЛОБОДЯНЮК В. В. 105

«Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе
ТОКАРЕВА А. Л. 111

СОДЕРЖАНИЕ

Специфика реализации категории «эмоции» в англоязычных медиатекстах (на примере публикаций на военную тематику)
ШЕВЕЛЕВА Е. О. 118

Традиция использования обобщающего мужского рода в немецком языке
ЮКЛЯЕВА Е. А. 125

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К истории литературных связей России и Западной Европы: источники и особенности интерпретации образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века
НАУМОВА Е. Е. 132

«Время убивать» как последний колониальный роман итальянской литературы
НИКОЛАЕВА Ю. И. 139

Трилогия Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат
ОСЬМИНИНА Е. А. 145

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Идентификационный потенциал руральной архитектуры Сицилии
ДОРОФЕЕВА Т. С. 151

Культурология в контексте национальной имплементации
КОЗЬЯКОВА М. И. 159

LINGUISTICS

On Specific Features of a Religious Humorous Discourse (a case study of Orthodox confession)
ANISIMOVA E. E. 9

Causative Constructions in the Italian Linguistic Worldview
GORYACHKIN A. R. 18

General and Specific in Russian and Korean (based on phraseological units with the “soul” component)
GRACHEVA O. A., KOPYLOVA P. A. 24

The Origin and Formation of the Scots Language in the Light of Ethno-Linguistic Contacts
GUKALOVA N. V. 32

Content Analysis as a Method of Information War Research
(based on the representation of the Sino-American trade war in the media discourse
of the PRC and the USA)
KALININ O. I., PRIKHODKO M. V. 39

Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective
KNYAZHEVA YE. A., TAUNZEND KS. I. 48

Key Motives for the Creation of Constructed Languages
KOSTYUHIN A. A. 55

Cognitive Dominants of the Semantic Space “part – whole” in Chinese
(English-Chinese comparison)
KRASIKOVA E. A. 62

Typology of Press Conferences Based on their Persuasive Potential
LARINA K. A., BORISOVA E. S. 69

The Anthropocentric Code of Culture in Spain and Russia through the Prism
of Idioms with Onomastic Component
PYZHIKOVA A. V. 77

Situations and Mechanisms of Displacement of Native Persian Military Terms by Foreign Borrowings
RULKOVA S. M., LESHIN A. G. 83

"Memoirs of Carlo Goldoni": To the Problem of Authorship of the Italian Version
RUSTAMOVA M. B. GYZI, SHKOLNIKOVA O. YU. 89

French Wide-Meaning Nouns: Semantic Perspective
SEMINA I. A. 96

Translating Turkish Academic Paper Titles: Structural and Semantic Perspective
SLOBODYANYUK V. V. 105

CONTENTS

«Liquid Fear»: *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* Metaphors in Contemporary Italian Literature
TOKAREVA A. L. 111

Representation of the Category of 'Emotions' in English Media Texts on the Military Topic
SHEVELEVA E. O. 118

Tradition of Generic Masculine Usage in German Language
YUKLYAEVA E. A. 125

LITERARY STUDIES

On the Issue of Literary Connections between Russia and Western Europe: Sources and Interpretation of Legend of the Wandering Jew in Russian Literature in the First Half of the 19th Century
NAUMOVA E. E. 132

"A Time to Kill" as the Last Colonial Novel of Italian Literature
NIKOLAEVA IU. I. 139

D. S. Merezhkovsky' Trilogy "The Unknown Jesus" as a Religious and Philosophical Treatise
OSMININA E. A. 145

CULTUROLOGY

Identification Potential of the Rural Architecture of Sicily
DOROFEEVA T. S. 151

Cultural Studies in the Context of National Implementation
KOZYAKOVA M. I. 159

Научная статья
УДК 81. 112

Об особенностях религиозного юмористического дискурса (на примере православной конфессии)

Е. Е. Анисимова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
letanisimova@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к религиозному юмористическому дискурсу. В ней рассматриваются особенности юмора в религиозной сфере, раскрывается сущность данного вида дискурса, устанавливаются его функции, акторы и сюжеты, языковые особенности. В статье выявляются основные лингвокультурологические типажи православного религиозного дискурса (батюшка, бабушка, дама), а также определяются универсальные и специфические для исследуемого дискурса приемы и языковые средства создания комического.

Ключевые слова: юмористический, религиозный, православный, дискурс, лингвопрагматический, лингвокультурологический

Для цитирования: Анисимова Е. Е. Об особенностях религиозного юмористического дискурса (на примере православной конфессии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 9–17.

Original article

On Specific Features of a Religious Humorous Discourse (a case study of Orthodox confession)

Elena E. Anisimova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
letanisimova@mail.ru

Abstract. The paper considers items connected with the study of a humorous religious discourse. The paper addresses specific features of humor in the sphere of religion, reveals the points of a religious humorous discourse, defines functions, factors, subjects and characteristic linguistic properties. The paper defines basic linguo-cultural models of the Orthodox religious discourse (Father, granny, dame), as well as defines universal and specific for the discourse concerned methods and means of comic image creation.

Keywords: humorous, religious, Orthodox, discourse, linguo-pragmatic, linguo-cultural

For citation: Anisimova, E. E. (2023). On specific features of a religious humorous discourse (a case study of Orthodox confession). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 9–17.

ВВЕДЕНИЕ

Веселое сердце благотворно, как врачевство,
а унылый дух кости сушит
Притча 17:22

Юмор как особый тип осмысления действительности, являясь предметом междисциплинарного исследования (с позиции философии, психологии, социологии, культурологии, эстетики, литературоведения и др.), вызывает живой интерес у лингвистов. До сих пор в лингвистике нет однозначного толкования понятия «юмористический дискурс». Наибольшее распространение в языковедческих исследованиях получило определение данного понятия, предложенное В. И. Карасиком. По мнению ученого, «юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик, 2004, с. 304]. Основными признаками этого дискурса являются:

1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора;
2) юмористическая тональность общения;
3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

За последние годы юмористический дискурс всесторонне изучался на материале различных языков и лингвокультур [Лендваи, 2001; Шмелева, Шмелев, 2002; Кулинич, 2004; Миловская, 2011; Рохлина, 2017; Фернандес Санчес, 2017], в разных сферах коммуникации: политической [Желтухина, 2000], медицинской [Казакова, 2013], деловой [Ратмайр, 2007] и др. Дискуссионным является вопрос о допустимости юмористического дискурса в религиозной сфере коммуникации. Лингвисты обычно дают отрицательный ответ на данный вопрос. Так, В. Я. Пропп отмечает, что «область религии и область смеха взаимоисключаются» [Пропп, 1976, с. 22], А. М. Морозова утверждает, что религиозный дискурс максимально закрыт для юмора [Морозова, 2013]. Подобный взгляд, однако, опровергается самими представителями Церкви, которые считают, что юмор в религиозной сфере коммуникации не только допустим, но и желателен. Речь идет о светлом, благотворном юморе, о чувстве юмора, который позволяет избавиться от уныния, гордыни, преодолеть сложную жизненную ситуацию и даже боль и страдание. По словам Иоанна Златоуста: «Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение...»[1]

В предисловии к сборнику «Улыбнись. Смешные истории из жизни священников и мирян», где собраны забавные истории из жизни православных, подчеркиваются особенности юмора в религиозной среде: «Православный юмор – это когда православные смеются над самими собой, своими поступками, над смешными эпизодами, связанными с жизнью православных, но не над Богом или святыми. В юморе не должно быть цинизма. Здесь очень тонкая грань, иначе есть риск впасть в кощунство по отношению к Богу»[2].

Юмор в религиозной сфере не допускает унижения человека, злой насмешки над ним, здесь табуированы многие темы, растиражированные в светской жизни, в бездне Интернета, например, секс, супружеская неверность, практически нет анекдотов о политике, недопустимо применение грубой нецензурной лексики и т. п. О возрастающем интересе к юмору в сфере религии свидетельствуют изданные в последние годы сборники юмористических историй из жизни верующих[3], православные сайты[4], послужившие материалом для настоящего исследования.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Как отмечают ученые, в основе комического лежит внутреннее противоречие, заключающееся в несоответствии между тем, что явление есть на самом деле и тем, на что оно претендует [Борев, 1965]. Соединение несовместимого, неожиданное сближение и сопоставление явлений, различных и взаимоисключающих друг друга, вызывает у адресата эффект обманутого ожидания и смех [Дземидок, 1974]. В религиозной сфере внутреннее противоречие проявляется в несоответствии между обыденным и религиозным, низменным и высоким, греховностью человека и его претензией на устремленность к миру горнему, между несовершенным состоянием церковной жизни и Евангельскими истинами.

Религиозный юмористический дискурс (РЮД) представляет собой совокупность текстов комического содержания, соотносимых с денотативной областью «религия, церковь», целью которых является

[1] Смеяться, право, не грешно… Юмор православных священников и мирян. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2022. С. 3.

[2] Улыбнись. Смешные истории из жизни священников и мирян. М.: Новая мысль, 2017. С. 4.

[3] Улыбнись. М.: Новая мысль, 2017 ; Улыбнись, обнимая ежика! Смешные истории из приходской жизни и не только. М.: Новая мысль, 2020.

[4] URL: https://ok.ru/prav.jumor ; https://pravoslavie.fm ; http://forum.pravoslavie-today.com ; http://www.mirny-hram/ru ; https//vk.com/topic-11857957_25321201

безобидно, мягко высмеять недолжные явления в среде верующих (грехи человека, несообразности в церковной жизни и т. п.), вызвать смеховую реакцию у адресата, создать благоприятную эмоциональную атмосферу, способствовать исправлению существующих недостатков. Наряду с функцией осмеяния и эмоционально-психологической функцией (снятия психологического напряжения, создания хорошего настроения) в РЮД в отличие от светского юмористического дискурса особую значимость приобретает назидательная функция, направленная на воспитание человека. Так, забавная история нередко приобретает здесь характер поучительной притчи, а шутливый афоризм помогает раскрыть смысл религиозной истины, может послужить стимулом к совершению хорошего поступка, самосовершенствованию. Являясь продуктом православного фольклора, феноменом повседневного общения, РЮД относится к периферийному, но достаточно значимому дискурсу в религиозной коммуникации, тесно взаимодействующему с религиозно-бытовым и религиозно-художественным дискурсами [Анисимова, 2019].

РЮД носит внутрицерковный характер, он функционирует и уместен в среде верующих, но не всегда может быть воспринят и понят людьми далекими от веры, так как церковный юмор, как и юмор в целом, относится к народному смеховому началу, адресантом РЮД, как правило, является анонимный коллективный автор, что не исключает индивидуального авторского РЮД. В качестве конкретных адресантов при этом выступают создатели юмористических историй, обычно священнослужители, занимающиеся художественным творчеством, например, протоиерей Александр Авдюгин, протодиакон Сергей Шалберов, нередко адресанты представлены опосредованно: в РЮД приводятся их остроумные изречения, например: *Серьезные шутки протоиерея Димитрия Смирнова,* или они являются рассказчиками забавных историй из своей или чужой жизни, например: *Истории от митрополита Питирима* (*Нечаева*). Адресатом РЮД выступает аудитория, объединенная общностью конфессионального мировоззрения, знанием церковной жизни, что обеспечивает необходимую интерпретационную базу для восприятия православного юмора, узнаваемость описанных комических ситуаций.

В РЮД находят отражение комические ситуации, забавные эпизоды, встречающиеся:

а) в среде самих представителей Церкви (священников, членов клира, монахов, семинаристов и др.);
б) во взаимодействии священнослужителей с мирянами;
в) в общении православных священнослужителей с представителями других конфессий и атеистами;
г) в общении мирян друг с другом;
д) в контактах верующих с потусторонним миром – Богом, апостолами, ангелами, а также инфернальными силами.

Ситуативный контекст определяет тематику, излюбленные сюжеты, модели смехового поведения, представленные в РЮД. Так, применительно к внутригрупповому общению священнослужителей здесь нередко юмористически обыгрываются взаимоотношения между церковным священноначалием и подчиненными, нестандартные ситуации в богослужении. Темой историй общения священника с мирянами обычно является бездуховность, потребительское отношение последних к Церкви. В смешном, жалком виде в историях изображаются иноверные и атеисты, которых священнослужитель обезоруживает метким словом в защиту православия и заставляет ретироваться. В отношении к общению мирян между собой в историях обычно порицаются их слабости, связанные с нарушением заповедей, церковных установлений в быту, например, нарушением поста. В историях о встрече мирян с Богом и ангелами часто звучит тема беспочвенных притязаний человека на особые земные блага и на преференции в загробном мире; инфернальный мир представлен в историях бесами-искусителями, которых люди нередко при совершении грехов превосходят в своей изобретательности.

Среди многообразия акторов в РЮД вырабатываются свои лингвокультурные типажи – обобщенные типы личности, выделяемые на основе социокультурных и этнокультурных стереотипов, принятых в церковной среде [Карасик, Ярмахова, 2006]. Так, излюбленным положительным героем РЮД выступают батюшка, пекущийся о своих чадах и шутливо обличающий их слабости, грехи, а подчас и сам попадающий в смешные ситуации. Данный лингвокультурный типаж обозначается в историях антропонимами: *батюшка, священник, священнослужитель, реже поп*. При этом часто используются определения, указывающие на возраст типажа, его семейное и материальное положение, место и стаж служения, черты характера и т. п., например:

> сельский батюшка; священник небогатого сельского прихода; тюремный священник; недавно рукоположенный священник; многодетный батюшка; молодой ревностный священник; молодой и застенчивый батюшка; молодой батюшка, не без юмора человек; прозорливый батюшка; пожилой мудрый опытный священник; батюшка – светлейшей души человек.

Среди мирян, представленных в РЮД «людьми из народа», особой популярностью пользуется колоритный лингвокультурный типаж пожилой женщины, обычно прихожанки, охотно вступающей в обсуждение церковных вопросов со священником и окружающими и приводящей их своими утверждениями и поведением в полное недоумение. В историях данный типаж обозначается антропонимами: *старушка, бабушка, бабка, бабулька, бабуля, бабуленька, бабулечка, бабуся,* нередко они конкретизируются определениями, например:

богомольная бабушка; старушка-паломница; благодарная бабуля; шустрая бабуленька; всезнающая бабуля; бабушка, которая все знает; бабуля – одуванчик; старушка – божий одуванчик.

Характерным для РЮД является лингвокультурный типаж мужчины, далекого от Церкви, но волей случая соприкоснувшегося с религией и проявляющего в ее вопросах полнейший инфантилизм. Данный типаж отражает различные социальные слои общества, возрастные группы и маркируется следующими антропонимами часто с определениями, например:

крутой, здоровый мужчина; солидный господин; один бизнесмен; один олигарх; новый русский; мужик средних лет; обалдевший мужик; пьяненький мужик; выпивший мужичонка; хамоватого вида молодой человек.

Особое место в ЮРД занимает лингвокультурный типаж «женщины-захожанки», претендующей на принадлежность к элитарным слоям общества, которая лишь изредка заглядывает в церковь, но стремится установить в ней свои порядки. Данный лингвокультурный типаж вызывает отрицательные ассоциации у церковных служащих, что маркируется соответствующей лексикой, например:

мадам; дамочка средних лет; нарядная дама; импозантная дама в бриллиантах; дамочка, буквально пышущая злобой; тетка.

Соединение в РЮД религиозной сферы общения со сферой обиходно-бытового общения, где представлены речевые характеристики, стиль общения разных социальных групп, а также отражение в этом дискурсе реалий современного мира, связанных с использованием верующими, особенно молодежью, Интернета, новейших технологий, обусловливают его гибридный характер, чрезвычайное разнообразие его номинативного поля. В РЮД представлены различные слои лексики:

1) лексика религиозной сферы коммуникации:
   а) религиозная лексика терминологического характера, служащая для обозначения:
      – священнослужителей:
        диакон, епископ, наместник, пономарь;
      – церковных праздников:
        Пасха, Рождество;
      – таинств, обрядов, церковных служб:
        крещение, соборование, отпевание, заупокойная лития, всенощное бдение;
      – действий, совершаемых в церкви:
        благословлять, исповедовать, окроплять, кадить;
      – одеяний, предметов культа, книг, используемых в богослужении:
        ряса, омофор, палица, митра, епитрахиль, амвон, кадило, Апостол;
      – храма, его частей:
        алтарь, паперть, свечной ящик;
   б) церковнославянизмы:
      стезя, десница, очи, вкушение, врата, лобызаться;
   в) церковная просторечная лексика:
      покрестить, нехристь, святая водичка, потрапезничать, утешиться (*чем-л., кагорчиком*), бес попутал;
   г) обращения и речевые формулы, принятые в церковной среде, цитаты из старославянских молитвенных текстов:
      Отче! Святой отец! Братья и сестры! Матушка! Мир всем! Ступай с Богом! Елицы оглашенные, изыдите…
2) лексика обиходно-бытовой сферы общения:
   а) разговорная лексика:
      стрепня, хлебать, выпендриться, дать деру, показать кукиш, обматерить, перемывать кому-л. кости;
   б) жаргонизмы из словоупотребления деклассированных элементов:
      братан, заказать кого-либо, кинуть кого-либо, бабло, банковать, шмон, контрольный выстрел;
3) лексика интернет-общения:
   а) нейтральная лексика, например:
      операционная система, социальные сети, айпад, блог, чат, форум, смартфон, Instagram, Windows;

б) стилистически сниженная лексика:
лайкать, комментить, постить, флудить, банить.

Акторы историй в РЮД, а также место и время происходящих событий носят обычно условный, обобщенный характер, о чем часто сигнализируют языковые средства с неопределенно-личной семантикой, например:

одна раба Божия, один брат, некий псаломщик, в одном из храмов, в некоем монастыре, однажды, как-то.

Идентификация актора / акторов осуществляется, как правило, когда речь идет о высказываниях, забавных случаях из жизни исторических лиц, известных персоналий в церковной жизни (иерархов Церкви, проповедников, старцев и др.). Иногда в историях приводятся имена собственные, например, *архимандрит Венедикт*, реже лишь один инициал имени героя, например, *отец С., трудник В.*, *сестра К.*, а также конкретизируются локусы, например, *в скиту Оптиной, в Ярославской области*, что придает рассказанному жизненную достоверность. Этому же служат фразы в зачине историй, например, *случай из жизни; реальная история, реальный случай; реальный эпизод из жизни*.

Предметом осмеяния в РЮД являются человеческие слабости, недостатки: фарисейство (внешнее благочестие), человекоугодничество, суеверия, духовная лень, невежество в религиозных вопросах, неблагодарность Богу, рвение не по уму (особенно у новоначальных), замена духовной жизни виртуальным миром Интернета и т. п.

В РЮД применяются разнообразные приемы и языковые средства создания комического эффекта. Рассмотрим наиболее характерные для данного дискурса:

1) использование языковых средств из возвышенной сферы религии применительно к сниженной сфере повседневного общения, банальным жизненным ситуациям:
   а) применение терминологической религиозной лексики, например:

   Мать сыну: «Ты почему «Основы православной культуры» прогуливаешь? Конец четверти уже, а у тебя оценка – между епитимьей и анафемой!»

   б) употребление возвышенных церковнославянизмов, например:

   Батюшку спросили:
   – Что вы делаете, когда у вас ломается машина?
   – Ну, я выхожу, возлагаю руки на багажник и … толкаю!

   в) использование цитат, аллюзий из Священного Писания, например:

   Купил холодильник с новыми технологиями… Пытаюсь открыть после 18:00, а у него из динамика:
   – Не хлебом единым будет жив человек. Терпение – мать добродетели. Будет день – будет пища.

2) обыгрывание ошибок, допускаемых нецерковными людьми в употреблении религиозной лексики. Они проявляются:
   а) в употреблении актором вместо религиозно маркированной лексемы слова-заменителя, знакомого ему из обыденной жизни, но противоречащего по смыслу ситуации церковного общения. Примером может служить неуместное употребление слова *жертвоприношение*, ассоциируемое с дохристианскими и варварскими обычаями, вместо религиозной лексемы *пожертвование* в следующих контекстах:

   Приходит женщина, приносит продукты на канун.
   – Где тут у вас стол для жертвоприношений?

   Храм. Крестины. Мужик с ребенком в одной руке и пачкой денег в другой: «Где у вас тут жертвоприношение совершить можно?»

   б) в перестройке и переосмыслении религиозно маркированного слова, словосочетания по образцу близкого по внешнему облику более знакомого слова из нецерковного обихода. Например: *неусыпная психиатрия, неусыпаемый пластырь* вместо религиозной номинации *Неусыпаемый Псалтырь* Неусыпаемая Псалтирь; *просто комедия* вместо *проскомидия*. Приведем пример:

   Вопрос в храме:
   – Где тут можно заказать неусыпаемый пластырь?

   в) в искажении имен собственных, принятых в Церкви, но трудно воспринимаемых нецерковными людьми:
      – личных имен: вместо имени *Флорентия* употребление *Флоренция*, вместо *Досифей – Фарисей*;
      – названий икон: *Забери мои проблемы* вместо *Утоли мои печали*; *Огнестрельная* вместо *Семистрельная*; *Чтобы хорошо покушать* вместо *Достойно есть*;

г) в нарушении сочетаемости религиозно маркированной лексемы, например, в следующем контексте, где рефлексивный глагол *приложиться к чему-л.* употребляется как общеупотребительный переходный глагол *приложить что-л. к чему-л.*:

После литургии одна бабулька немножко замешкалась, не успела приложиться ко кресту, подходит к батюшке со словами: «Батюшка, приложите меня к кресту, я не успела…»

д) в употреблении вместо религиозно маркированной лексемы ее синонима или близкого по значению слова из иной сферы коммуникации, что вызывает ложные ассоциации. Примером может служить употребление словосочетания *крестовый поход* вместо религиозного *крестный ход* в следующем контексте:

Одна женщина рассказала так о паломнической поездке:
– Там такая благодать, я окунулась в святой источник, приложилась к мощам и сходила в «крестовый поход».

Немая сцена и вопрос:
– Не водили ли вас на Чудское озеро?

3) использование приема двойного смысла:

– Батюшка, а что можно *принять* от беспокойства?
– *Примите* волю Божию!
– Если тебя ***греет*** *мысль о собственных добродетелях, знай*: это ***греется*** твоя сковородка…

Данный прием достаточно часто используется при осмеянии неразумного, чрезмерного увлечения некоторыми верующими Интернетом, а также модными трендами в массмедиа:

– Вы *поститесь*?
– Еще как! С самого утра – уже тридцать *постов* в «Фейсбуке»!

– Дети, а вы знаете, как надо правильно *поститься*?
– Знаем!
– И как же?
– Комментить и лайкать! Комментить и лайкать!

Один батюшка рассказывал: «Знаете, как у нас называют священников, которые активно раздают интервью, ведут блоги, выступают на телевидении? *Поп-звезда*.

4) употребление алогичных высказываний, части которых противоречат друг другу по смыслу:

Из дневника новоначального инока: «Так хочется всем рассказать, что я ушел в безмолвие!»

Молится молодая женщина:
– Господи, научи меня терпению, пожалуйста. И побыстрее!!!

5) применение риторической фигуры хиазм:

– *Грешен?*
– Грешен, отче. Лень одолевает.
– Бороться надобно с ленью.
– Так лень бороться, батюшка.

– Как поживаете?
– Вашими молитвами!
– Так не молимся же.
– Вот так и живем…

6) использование антонимов:

– Батюшка, у меня дар *открылся*!
– Какой?
– Видения чужих прегрешений.
– Благословляю *закрыть*.

7) применение лексических окказионализмов. Данный прием используется для характеристики речи незадачливых персонажей-мирян, например, кающихся на исповеди у священника:

– Отче, меня духовно заказали!
– Да вы что, серьезно? И кто же заказал?
– Жены мои бывшие.
– Сколько их было?
– Четверо.
– И как «заказали»?
– Собрались вместе и панихиду по мне заказали! *Распанихидните* меня!

– Батюшка, я это… *блинанием* согрешил.
– А это как?
– Ну, я, понимаете …всё время «Блин» говорю …

8) нарушение грамматических норм языка, обычно в детских анекдотах:

Малыш обращается к Богу:
– Господи, пусть будет всё так, как Ты захочешь. Но *хоти* так, как хочу я!

9) применение «ударной» непредсказуемой финальной реплики, разрушающей серьезную тональность общения и раскрывающей комическую сущность происходящего или несущей нагрузку назидательности. Данная реплика формулируется в виде:
   а) вопросительного предложения, в том числе риторического:

      – А покропите нам, батюшка, квартиру святой водичкой, чтобы всё грешное ушло.
      – А сами-то где жить будете?

   б) повествовательного предложения, в том числе односоставного, нередко включающего формулы церковного этикета:

      Выходят из храма после службы две прихожанки. На дороге лужа, и проезжающая машина обливает одну из них грязью.
      – Ах ты… Чтоб тебя… (*ругается на чем свет стоит*.)
      – Так это же батюшка!
      – *Ой, благодать-то какая*!!!

      – Маша, гости уходят. Что нужно сказать?
      – *Слава Богу*.

   в) побудительного предложения, например:

      – Можно ли спастись? – вопрошает послушник.
      – Практически невозможно, – отвечает отец Савва, – но попробовать стоит…
      – С чего же начать?
      – Позвони маме.

10) использование сентенций, в которых в назидательную форму облекается шутливое содержание. Обычно данный прием встречается в историях, где одним из акторов является старец, от которого ожидается поучение, мудрый совет:

    Один старец сказал: «Бог дал нам два уха и только один рот для того, чтобы мы говорили вдвое меньше, чем слушаем».

    Священнику, который собирался произнести проповедь, один старец сказал: «Запомни, брат: проповедь никогда не будет плохой, если слушатели найдут ее короче, чем ожидали».

11) стилизация текста религиозной сферы коммуникации, в которых передается комическое содержание, чем усиливается юмористическое воздействие на адресата. Обычно для этого используются модели таких типов текста, как заповедь, молитва, притча, исповедь, записка (*о поминовении*), объявление и др.:

    Сегодня для себя создала новую заповедь: «Не обижай меня, да не обижен будешь!»

    Молитва женщины: «Боже, дай мне мудрости жить с мужем, дай мне терпение кротко переносить его плохое поведение, дай мне надежду верить, что все исправится … но силы мне не давай, а то побью его, достал!»

    Реальный случай. В храме на молебне батюшка читает записки и поминает: «О здравии Петра, Ирины, Николая… и всех православных христиан, кроме тех, кто крал наш кирпич…»

    Объявление во дворе храма о приглашении на беседу-чаепитие, тема: «Страшен ли Страшный суд».

    Плакат в церкви: «Водитель, помни! Твой личный ангел-хранитель летает со скоростью не более 90 км / ч».

12) стилизация высокого церковного стиля применительно к реалиям современного мира, бытовым явлениям, заслуживающим осуждения. Обычно это ведет к смешению языковых средств разной стилевой принадлежности. Примером может служить шутливый «чин исповеди блогера», где намеренное столкновение возвышенных церковнославянизмов, оборотов церковного красноречия и сниженной разговорной лексики, модных слов, специальной лексики из обихода интернет-пользователей, лексических окказионализмов служит высмеиванию интернет-зависимости, наблюдаемой даже в среде священнослужителей, например:

    По обычном начале, молитвах и увещевании пастырь, обращаясь к кающемуся , глаголет: «Рцы ми, чадо: блог ведешь с благословения отца духовного (аще иерей – с благословения архирейского) или самочинно? Ради чего ведешь – не ради ли суетной людской славы? Не порочишь ли своими постами своими священноначалие? Не вещаешь ли чего вопреки словам архипастырским или соборным? Слова епископские на кощуны не используешь ли? Не постишь ли картинок мерзостных, страшных или блудных? Еретиков или безбожников во френдах не имеешь ли? Ради блога не оставил ли семью, обязанностей церковных в небрежении? Рцы убо ми, чадо: аще соблазнил кого бложением своим? Не

флудил ли? Не банил ли ближнего безвинно, по неприязни? Не склонен ли к троллингу или флешмобу? Нечестивым «олбанским» языком не глаголал ли? Не ставил ли на юзерпики личин богомерзких или кощунов?»

Рассмотренные приемы и средства создания комического эффекта, имеющие как универсальный характер, так и типичные для религиозной сферы общения, позволяют высветить смешное, несуразное в жизни, поведении современных верующих, людей, приходящих в церковь, что должно побудить их улыбнуться и критически взглянуть на себя и на свои поступки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, РЮД является особым лингвопрагматическим и лингвокультурным феноменом, отражающим смеховую картину мира православных верующих. Для РЮД характерны свои сюжеты, модели комического поведения, акторы, лингвокультурные типажы, языковые особенности, а также излюбленные приемы и средства создания комического эффекта. Перспективным, на наш взгляд, представляется дальнейшее изучение РЮД на материале других языков и конфессий, что послужит вкладом в дискурсологию, лингвокультурологию, этнолингвистику, религиоведение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
2. Лендваи Э. Прагматические механизмы современного русского анекдота: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. М., 2001.
3. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СГЛУ, 2004.
5. Милославская Н. Д. Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2011.
6. Рохлина Т. А. Языковая репрезентация комического в жанрах немецкой смеховой культуры (на примере немецкого прозаического шванка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.
7. Фернандес Санчес Ю. В. Юмористический дискурс в испанской и бакской лингвокультурах: сопоставительный анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2017.
8. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Казакова Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2013
10. Ратмайр Р. Смех в деловом общении: комизм и вежливость// Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 164–174.
11. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.
12. Морозова А.М. Дискурсивная специфика реализации юмористической тональности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
13. Борев Ю. Б. Трагическое и комическое и проблемы литературы: автореф. дис. … д-ра. филол. наук. М., 1963.
14. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974.
15. Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
16. Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.

REFERENCE

1. Karasik V. (2004) Yazy'kovoj krug: lichnost', koncept, diskurs = Lingual sphere: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
2. Lendvai E'yu. (2001): Pragmaticheskie mechanizmy' sovremennogo anekdota = Pragmatic mechanisms of modern Russian jokes: abstract of senior doctorate in philology. Moscow. (In Russ.)
3. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. (2002). Russkij anekdot. Tekst I rechevoj zhanr = Russian jokes. Texte and genre. M.:Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'. (In Russ.)
4. Kulinich V.F. (2004) Lingvokulturologiya yumora (na materiale anglijskogo yazy'ka) = Linguo-cultural studies of humor (a case studies of the English language). Samara: Isd-vo SGLU. (In Russ.)
5. Miloslavskaya N.L. (2011) Nemezkij by'tovoj anekdot kak specificheskiy tip yumotisticheskogo diskursa = Common German language jokes as a specific type of humorous discourse: abstract of PhD in Philology. Ivanovo. (In Russ.)

6. Roxlina T. A. (2017): Yazy'kovaya reprezentaciya komicheskogo v zhanrax nemeczkoj smexovoj kultury' (na primere nemeckogo shwanka) = Representation of comic images in the German joking in the context of prosaic schwank): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Fernandes Santes Yu. V. (2017) Yumoristicheskij diskurs v ispanskoj i bakskoj lingvokul'turax: sopostavitel'ny'j analiz = Humorous discourse in the Spanish and Basque linguistic culture: comparative analysis : abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Zheltuxina M. P. (2000) Komicheskoe v politicheskom diskurse XX veka. Russkie i nemeczkie politiki = Comic images in political discourse of the late 20th century. Russian and German politicians abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Kazakova D. V. (2013) Kategoriya komicheskogo v medicinskom diskurse = The humor in a medical discourse: abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
10. Ratmair R. (2007) Smex v delovom obshhenii: komizm I vezhlivost' = Laughter in business communication: comedy and politeness. In: Logic lingual analysis.Lingual mechanisms of comic images. Moscow: Indrik. P 164–174.
11. Propp V.Ja. (1976) Problemy' komizma i smexa = Problems of the funny side and laugh. Moscow: Iskusstvo.
12. Morosova A. M. (2013) Diskursivnaya specifika realizacii jumoristcheskoj tonalnosti = Specific discourse features of the humorous tonality realization: abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
13. Borev Yu. B. (1963) Tragicheskoe I komicheskoe I problemy' literatury' = Tragedy and humor and problems of literature: abstract of senior doctorate in philology. Moscow. (In Russ.)
14. Dsemidok B. (1974) O komicheskom = About the comic. Moscow: Progress. (In Russ.)
15. Anisimova E. E. (2019) Religiozny'j diskurs: funkcional'ny'j I antropologicheskij aspekty' = Religious discourse: functional and anthropological aspects. Moscow: MSLU. (In Russ.)
16. Karasik V. , Jarmaxova E. (2006) Lingvokulturny' tipazh "anglijskij chudak" = Specific linguo-cultural model "English freak/old fellow. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Елена Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Elena Evgenievna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Grammar and History of The German Language
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08. 2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18. 10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1

Каузативные конструкции в итальянской языковой картине мира

А. Р. Горячкин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
goryackin.alexey@mail.ru

Аннотация. В фокусе исследования автора находятся каузативные конструкции, их место и роль в итальянской языковой картине мира. Анализируя ситуацию в современном итальянском языке, автор прослеживает механизм использования итальянских каузативных конструкций при моделировании языковой картины мира и выявляет ее особенности, создаваемые таким способом. Актуальность исследования определяется неполнотой имеющихся на сегодняшний день описаний грамматического компонента итальянской языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, грамматика, каузативные конструкции, каузирование, субъектно-объектные отношения, непрямое действие, анимизм, аналитизм

Для цитирования: Горячкин А. Р. Каузативные конструкции в итальянской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 18–23.

Original article

Causative Constructions in the Italian Linguistic Worldview

Alexei R. Goryachkin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
goryackin.alexey@mail.ru

Abstract. The article looks into place and role of causative constructions in the Italian linguistic worldview. Analyzing the situation in the modern Italian language, the author traces the mechanism of the use of Italian causative constructions in modeling the linguistic picture of the world and reveals its features created in this way. The relevance of the study is determined by the lack of completeness in the present-day descriptions of the grammatical component of the Italian linguistic worldview.

Keywords: linguistic worldview, grammar, causative constructions, causation, subject-object relation, indirect action, animism, analyticism

For citation: Goryachkin, A. R. (2023). Causative constructions in the Italian linguistic worldview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 18–23.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день можно сказать, что итальянская языковая картина мира (ЯКМ) привлекает внимание как российских, так и зарубежных лингвистов. Итальянская ЯКМ изучена далеко не полностью, но уже получены интересные результаты, дающие представление о ее отдельных элементах и особенностях не только лексического, но и грамматического характера. Данные особенности в немалой степени связаны с системой итальянского глагола и с ее неотъемлемой частью – каузативными конструкциями.

В отечественной лингвистике интерес к итальянским каузативным конструкциям наблюдается уже давно. Во второй половине XX века на них обратила внимание Т. Б. Алисова в своей работе «Очерки синтаксиса современного итальянского языка». В данной монографии конструкции непрямого действия были выделены как одна из существующих в итальянском языке моделей предикатов и подробно проанализированы в структурно-семантическом плане, что имело огромное значение для понимания не только их сути, но и механизмов их функционирования [Алисова, 1971].

В начале XXI столетия событием стало исследование Ю. А. Рылова «Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки». Рассматривая семантические доминанты русской и итальянской ЯКМ, автор также уделяет внимание грамматике и, в частности, месту и роли каузативных конструкций в глагольной системе итальянского языка [Рылов, 2006].

Важную роль сыграло исследование Р. А. Говорухо «Когезия в итальянском и русском текстах: пассивные и каузативные модели». В работе, выполненной на материале корпуса параллельных текстов, конструкции опосредованного действия рассмотрены как аналитические каузативы. При этом внимание уделяется и их функциональным особенностям, что немаловажно для изучения данных моделей в контексте итальянской ЯКМ [Говорухо, 2010].

Однако в целом авторы опубликованных работ исследуют не столько грамматический, сколько лексико-семантический компонент итальянской ЯКМ, обращая особое внимание на ее отражение в итальянской фразеологии. Примером тому является статья Т. А. Дьяченко «Специфика итальянской и русской языковых картин мира» [Дьяченко, 2019]. Нередко в подобных исследованиях фразеология различных языков анализируется в сравнении, и таким образом выявляются сходство и различия ЯКМ. Типичным примером стала статья Д. А. Сергеевой и А. П. Зюбиной «Языковая картина мира во фразеологии (на материале итальянского, английского и русского языков)» [Сергеева, Зюбина, 2021].

Похожая ситуация наблюдается и в зарубежной лингвистике. Каузативные конструкции и правила их употребления описаны во многих грамматиках современного итальянского языка. Эта тема нашла отражение в работах таких итальянских авторов, как Л. Серианни (L. Serianni, 1989), М. Сенсини (M. Sensini, 2005), Ф. Ронкорони (F. Roncoroni, 2005), Дж. Патота (G. Patota, 2006). Конструкции непрямого действия подробно исследовала датский лингвист Г. Скитте (G. Skytte, 1983). Вопросу об описании ЯКМ прошлого с помощью различных итальянских глаголов посвятила свою статью польский лингвист А. Паличук (A. Paliczuk, 2018). При этом, в статьях зарубежных авторов прослеживается особый интерес к фразеологии. В частности, А. Паличук и А. Пастуха-Блин (A. Paliczuk, A. Pastucha-Blin, 2017) пишут о том, как в процессе межъязыковой коммуникации фразеологизмы становятся источником ошибок, связанных с различиями в ЯКМ. Нередко отдельные фрагменты итальянской ЯКМ выявляются и описываются в сравнении с другими языками в рамках изучения ЯКМ как научной проблемы в целом. Примерами тому являются статьи Л. Геберт (L. Gebert, 2006), А. Ролло (A. Rollo, 2015). Грамматический аспект ЯКМ затрагивается не так часто: существующие в языке инфинитивные (в частности, каузативные) конструкции обычно не рассматриваются как базовые глагольные доминанты, выстраивающие определенную картину реальности.

Цель нашей статьи – уточнить роль и функциональные особенности каузативных конструкций в итальянской ЯКМ. В этой связи мы ставим перед собой следующие задачи:

1) проанализировать функциональные возможности каузативных конструкций как грамматического ресурса;
2) определить специфику итальянской ЯКМ, создаваемой таким способом;
3) проследить данную специфику в сравнении с русским языком, не имеющим полного грамматического аналога каузативной конструкции.

Очевидно, что при выборе методологии нашего исследования мы не можем ограничиться одной лишь структурной лингвистикой. В данном случае мы будем применять сравнительно-сопоставительный метод, а также метод моделирования и концептуальный анализ языковых единиц, поскольку мы затрагиваем вопрос о языковой концептуализации мира. В то же время нам предстоит разобраться в тонкостях субъектно-объектных отношений и

предикативных связей. Это означает, что в определенной мере нам придется воспользоваться методом формализации и методом непосредственно составляющих.

Итальянские каузативные конструкции являются грамматическим ресурсом с огромными функциональными возможностями, они широко употребляются как в письменном языке, так и в устной речи. Для нашего исследования мы отбирали примеры из разных источников, отражающие богатую жанровую и стилевую палитру современного итальянского языка.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

М. А. Лазарев отмечает интересный исторический факт: даже сам Лео Вайсгербер, предложивший термин *языковая картина мира*, этим термином «пользовался всегда, не давая конкретного определения, но вместе с этим, пытался наполнить его динамичным содержанием» [Лазарев, 2014, с. 466].

Анализируя лингвофилософскую концепцию Л. Вайсгербера, Е. Г. Ваганова выделяет ее ключевые аспекты, один из которых заключается в том, что ЯКМ «четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремиологический багаж» [Ваганова, 2015, с. 22]. В соответствии с этой концепцией, ЯКМ – это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [там же].

Важно понять, что языковая картина мира создается не только на лексическом уровне: ЯКМ затрагивает весь языковой строй, включая морфологию, синтаксис и ряд фонетических явлений. Данная точка зрения представляется нам вполне убедительной, так как именно она подтверждается многими лингвистическими исследованиями: языковые категории влияют на то, как человек воспринимает пространство и время, самого себя и других людей.

Очевидно, что существующие в языке грамматические ресурсы также играют заметную роль в формировании картины мира конкретного языка, поскольку они определенным образом описывают и структурируют воспринимаемый внешний мир: на структурном уровне это наиболее характерные (или даже единственно возможные) способы выражения действий, фактов и явлений окружающей действительности. Для того чтобы выстроить в сознании определенную картину мира, необходимы не только слова: возводимая конструкция должна иметь прочный каркас. Специфика той или иной ЯКМ определяется не только лексико-семантическим фактором: огромное значение имеет также грамматическая составляющая. Очень точно подметила Н. Н. Шпильная: «Если в лексико-семантическом пространстве языка содержится информация о том, какие фрагменты внеязыковой ситуации являются значимыми для носителей языка, то в семантико-грамматическом пространстве языка хранится информация о том, как носители языка воспринимают внеязыковой мир» [Шпильная, 2017, с. 22]. В любом языке есть конкретные грамматические ресурсы, обладающие заметным потенциалом для создания модели мира.

КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ

В итальянском языке одним из таких ресурсов, вне всякого сомнения, являются так называемые каузативные конструкции, т. е. конструкции непрямого (опосредованного) действия. Исследуя данное грамматическое явление в сравнении с русским языком, мы постоянно обнаруживаем серьезные различия в способах описания однотипных ситуаций: в двух ЯКМ опосредованные действия вербализуются по-разному, и эти различия бывают настолько заметны, что создают немалые трудности при изучении итальянского и русского языков как иностранных. Чтобы использовать этот грамматический ресурс, нужно учиться видеть мир другими глазами, нужно учиться структурировать окружающую реальность иными способами, непривычными и неестественными для русского человека.

Прежде всего это касается особенностей предикации. По сравнению с русской фразой итальянское предложение строится совершенно иначе:

Из-за шума ничего не слышно. –
Il rumore non fa sentire nulla.

От неожиданности он вздрогнул. –
La sorpresa lo fece sobbalzare.

Я от этого не в восторге. –
La cosa non mi fa esultare.

В итальянских примерах причина действия (то, что стимулировало или спровоцировало

совершение данного действия) становится субъектом (подлежащим), а следствие (достигнутый или достигаемый результат) занимает позицию дополнения. В начале XXI столетия эту характерную особенность итальянского синтаксиса в его функциональном аспекте четко проследил Ф. С. Страньеро, отметивший высокую продуктивность этой грамматической модели: «в итальянском языке практически перед любым глаголом можно поставить *fare* или *lasciare*, чтобы создать подобную каузативность»[1] [Straniero, 2008, с. 20]. При этом имеет значение еще один факт: подлежащими часто становятся неодушевленные предметы или понятия, которые при таком моделировании совершают те же действия, которые обычно совершают люди. На это обстоятельство указывает, в частности, Л. А. Петрова, отметившая в своей работе «Итальянская грамматика», что каузирующим субъектом в каузативной конструкции может быть неодушевленный предмет [Петрова, 2009]. Это означает, что перед нами примеры так называемого грамматического анимизма, который при анализе итальянской языковой картины мира никак нельзя обойти вниманием.

Можно предположить, что подобный анимизм обусловлен не одной лишь степенью вариативности синтаксиса, не только структурно-языковыми, но и другими факторами ментально-психологического характера. Мы можем говорить о том, что в итальянской ментальности сложилась определенная картина мира, в которой анимизм в большинстве случаев воспринимается как обычное явление, как вполне естественная часть общей языковой картины и вполне привычный способ ее моделирования.

Что же касается проявления данного анимизма при каузировании, здесь он еще заметнее, поскольку сами каузативные конструкции в итальянском языке развиты в большей степени и создаются постоянно. Это весьма частотный, активно используемый грамматический ресурс. Перевод таких предложений на русский язык часто требует перегруппировки компонентно-логической структуры всей фразы с изменением субъектно-объектных отношений и предикативных связей.

Переводческий аспект проблемы в данном случае, безусловно, важен. Перевод таких фраз на русский язык может быть различным и всегда зависит от контекста или речевой ситуации. При этом имеет значение не только узкий, но и широкий контекст с учетом как языковых, так и внеязыковых факторов. Каузативная конструкция может переводиться при помощи русских глаголов *заставить, вынудить*; *помочь, способствовать*; *просить, приказать*; *распорядиться, велеть*. Каждый из них выражает волеизъявление с теми или иными смысловыми оттенками и требует инфинитива второго смыслового глагола (*заставить* ***что-либо сделать***; *помочь* ***что-либо сделать***; *просить* ***что-либо сделать***). Это необходимо, чтобы выразить вторую, не менее значимую сему, без которой невозможна смысловая целостность и завершенность. Но дело в том, что в русском языке существуют такие приставочные глаголы (*впустить, выпустить, накормить* и др.), которые способны выразить обе семы и не требуют никакого добавления: они сообщают не только *что* произошло, но и *как* произошло. В подобных случаях для перевода каузативной конструкции бывает достаточно одного приставочного русского глагола, привязанного к данной коммуникативной ситуации. Одна из характерных особенностей русского глагола заключается в его большей избирательности, большей привязанности к языковому контексту. Так или иначе все возможные переводы данной конструкции вытекают из ее общей семантики: *сделать так, чтобы что-либо произошло*; *способствовать совершению какого-либо действия*.

При сравнении русской глагольной системы с итальянской именно в функциональном аспекте мы обнаруживаем, что довольно большому количеству русских глаголов могут соответствовать (или даже всегда соответствуют) итальянские каузативные конструкции. Семантику, которую в ряде случаев можно выразить одним русским глаголом, на итальянском языке нужно выражать аналитическим способом путем соединения в единое целое двух смысловых компонентов:

впустить (*дать войти*) – far entrare (*букв.*: 'сделать так, чтобы человек вошел')
выпустить (*разрешить выйти*) – far uscire (*букв.*: 'сделать так, чтобы человек вышел')
сообщить, проинформировать (*дать знать*) – far sapere (*букв.*: ' сделать так, чтобы узнали')
показать – far vedere (*букв.*: 'сделать так, чтоб увидели')

Очевидно, что при подобном моделировании окружающая реальность определенным образом осмысливается, такой способ ее описания является результатом некоторого (пусть даже неосознанного) наблюдения и попытки сконструировать то или иное действие средствами итальянского языка.

Однако у данной проблемы есть также структурно-языковой аспект, представляющий не меньший интерес: каузативные конструкции четко выстраивают действия в их соотнесенности и

[1] Зд. и далее перевод наш. – *А. Г.*

взаимообусловленности. Лучше всего это можно проследить на одной из трех основных грамматических моделей – ***аналитическая каузативная конструкция с тремя дополнениями***:

> Ti si è rotto il portatile? Te lo *faccio riparare* da mio fratello. – У тебя сломался ноутбук? Я попрошу моего брата – он тебе починит.

Согласно языковой норме, в случае с тремя дополнениями логические падежи расставляются по четкой схеме: одно дополнение (O_1) употребляется в винительном падеже, другое (O_2) – в дательном, а третье (O_3) – в творительном (вводится предлогом *da*), что мы и видим в данном примере. Итальянская грамматика позволяет нам выстроить данный микроконтекст без глагола *просить* (*chiedere*). Данное значение берет на себя первый глагол *fare*, который выражает только действие-стимул (*я сделаю так, чтобы совершилось еще одно конкретное действие*). Второе действие будет совершать другой человек (в данном случае – *мой брат*). Таким образом, если подвергнуть данную фразу логическому анализу и проследить особенности предикации, в ней два логических сказуемых (P_1 и P_2), у каждого из которых есть свое логическое подлежащее. Логическим субъектом (S_1) первого предиката (*faccio*) являюсь *я* (*io*). Как нам известно, согласно итальянской языковой норме, личное местоимение в функции подлежащего, если оно не находится под логическим ударением и не выражает дополнительных смысловых и эмоциональных оттенков, обычно опускается и лишь мыслится в рамках микроконтекста. Логическим субъектом (S_2) второго предиката (*riparare*) является *брат* (*fratello*), но при анализе по компонентам синтаксической структуры предложения *брат* оказывается одновременно и третьим дополнением (O_3). Таким образом, одно из трех дополнений является одновременно и вторым логическим подлежащим. Именно это дополнение (O_3) в данной синтаксической конструкции попадает в *творительный падеж* (вводится предлогом *da*). В буквальном переводе: 'Я сделаю <u>*тебе*</u> <u>*его*</u> починить <u>*моим братом*</u>'. У носителей итальянского языка в потоке устной речи фраза, построенная по каузативной модели с тремя дополнениями, рождается спонтанно, без особых усилий. Но подобная фраза сильно отличается от русской по своей структуре. Такой вариант является весьма трудным и непривычным для русской ментальности и не соответствует русской синтаксической норме, поскольку русский вариант вербализации данной мысли совсем другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышесказанного мы можем сделать три важных вывода.

1. Являясь типичным проявлением грамматического анимизма, каузативные конструкции играют важную роль в моделировании языковой картины мира, определяя ее специфику. По сравнению с русской языковой картиной мира итальянская ЯКМ более анимистична. В то время как в русском языке границы между действиями, совершаемыми людьми, и действиями, совершаемыми неодушевленными предметами и понятиями, просматриваются довольно отчетливо, в итальянском эта грань нередко стирается. Мы не подвергаем сомнению, что носители итальянского языка осознают одушевленность / неодушевленность субъекта действия, но в обоих случаях употребление глагола в активном залоге с прямым дополнением оказывается вполне возможным, т. е. на уровне реализуемых категорий глагола различия не наблюдаются. И при этом ничто не мешает выразить опосредованное действие, каузированное неодушевленным подлежащим.

2. В итальянской языковой картине мира действие-стимул и действие-результат (достигнутый или желаемый) представляют собой единое структурно-языковое целое, выражающее конкретную семантику. При этом событийная ситуация вербализована таким образом, что каждый раз в создаваемой фразе четко просматриваются оба логических субъекта (S_1 и S_2) и оба логических предиката (P_1 и P_2). Именно грамматика выстраивает звенья логической цепи и показывает их причинно-следственную связь: первый субъект добивается, чтобы второй субъект совершил конкретное действие (или же препятствует его совершению, если данная конструкция употреблена с отрицанием). Даже если итальянский глагол не привязан к конкретной коммуникативной ситуации в такой степени, как это нередко бывает в русском языке, логическая цепочка с ее основными звеньями прорисована в четких контурах.

3. Объединяя два глагола в единое смысловое целое, каузативные конструкции проявляют своеобразный аналитизм, присущий итальянскому языковому строю. В итальянской ЯКМ неизбежно отражается аналитическое выстраивание реальности в сознании носителей языка, и этот аналитизм заметен не только на лексико-семантическом, но и на структурно-грамматическом уровне (может быть, даже в первую очередь). В результате, из поколения в поколение передается определенный тип ментального восприятия и моделирования внешнего мира при помощи конкретных языковых средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М.: Издательство Московского университета, 1971.
2. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М: Гнозис, 2006.
3. Говорухо Р. А. Когезия в итальянском и русском текстах: пассивные и каузативные модели // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2010. Вып. 2. С. 128–157. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/11.pdf
4. Дьяченко Т. А. Специфика итальянской и русской языковых картин мира // Гуманитарные исследования. 2019. № 3 (71). С. 73–76.
5. Сергеева Д. В., Зюбина А. П. Языковая картина мира во фразеологии (на материале итальянского, английского и русского языков) // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики: сборник материалов вузовской конференции с международным участием. М.: МПГУ, 21 апреля 2021 г. М.: Спутник+, 2021. С. 87–92.
6. Лазарев М. А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // Гуманитарное пространство: международный альманах. 2014. Т. 3. № 3. С. 465–475.
7. Ваганова Е. Г. Языковая картина мира: онтологический анализ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 20–29.
8. Шпильная Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017.
9. Straniero F. S. Elementi di grammatica constrastiva russo-italiano. Roma: ARACNE, 2008.
10. Петрова Л. А. Итальянская грамматика. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009.

REFERENCES

1. Alisova, T. B. (1971). Ocherki sintaksisa sovremennogo ital'yanskogo yazyka (semanticheskaya i grammaticheskaya struktura prostogo predlozheniya) = Essays on Modern Italian Syntax (semantic and grammatical structure of simple sentence). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
2. Rylov, Yu. A. (2006). Aspekty yazykovoi kartiny mira: ital'yanskii i russkii yazyki = Aspects of the linguistic worldview: Italian and Russian languages. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
3. Govorukho, R. A. (2010). Cohesion in Italian and Russian texts: passive and causative models. Linguistics and language teaching, 2, 128–157. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/11.pdf (In Russ.)
4. D'yachenko, T. A. (2019). Specifics of Italian and Russian Linguistic picture of the world. Humanitarian Researches, 3(71), 73–76. (In Russ.)
5. Sergeeva, D. V., Zyubina, A. P. (2021). Linguistic World-Image in phraseology (based on the Italian, English and Russian languages). Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo yazykoznaniya i lingvodidaktiki (pp. 87–92): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
6. Lazarev, M. A. (2014). Language picture of the world: analysis of theoretical approaches. Humanity Space: international almanac, 3(3), 465–475. (In Russ.)
7. Vaganova, E. G. (2015). Language worldview: ontological analyses. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, 1(19), 20–29. (In Russ.)
8. Shpil'naya, N. N. (2017). Yazykovaya kartina mira v strukture rechemyslitel'noi deyatel'nosti = The Linguistic Picture of the World in the Structure of Thinking and Speech-making. Moscow: LENAND. (In Russ.)
9. Straniero, F. S. (2008). Elementi di grammatica constrastiva russo-italiano. Roma: ARACNE. (In Ital.)
10. Petrova, L. A. (2009). Ital'yanskaya grammatika = Italian Grammar. Moscow: AST: Astrel'; Vladimir: VKT. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горячкин Алексей Романович

старший преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goryachkin Alexei Romanovich

Senior Lecturer of the Italian Language Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'366.574

Общее и специфическое в русском и корейском языках (на примере фразеологизмов с компонентом «душа»)

О. А. Грачева[1], П. А. Копылова[2]

[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, oagra@hotmail.com*
[2]*Институт русского языка Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, kpafiles@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются фразеологические единицы русского и корейского языков с компонентом «душа», которые дают ключ к пониманию национально-культурной специфики языков и осмыслению образов национальной картины мира. В ходе исследования была разработана методика описания фразеологизмов с учетом их структуры и семантики. На основе сходства и противопоставления фразеосем была предпринята попытка установления синонимических и антонимических отношений между фразеологическими единицами.

Ключевые слова: фразеологизмы неприятия, фразеологизмы приятия, индифферентные фразеологизмы, фразеосема, национально-культурная специфика языка

Для цитирования: Грачева О. А., Копылова П. А. Общее и специфическое в русском и корейском языках (на примере фразеологизмов с компонентом «душа») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023.Вып. 12 (880). С. 24–31.

Original article

General and Specific in Russian and Korean (based on phraseological units with the "soul" component)

Olga A. Gracheva[1], Polina A. Kopylova[2]

[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, oagra@hotmail.com*
[2]*Institute of the Russian Language of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, kpafiles@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of phraseological units with the component "soul" in the Russian and Korean languages, which provide the key to understanding the national and cultural specifics of languages, to understanding the images underlying phraseological units. A methodology for describing phraseological units has been developed, which includes techniques for distributing phraseological units into groups based on their structure and semantics. The article attempts to establish relations of synonymy and antonymy between these phraseological units on the basis of similarity / opposition of phraseosemes in both languages.

Keywords: phraseological units of rejection, phraseological units of acceptance, indifferent phraseological units, phraseoseme, national-cultural specificity of the language

For citation: Gracheva, O. A., Kopylova, P. A. (2023). General and specific in Russian and Korean (based on phraseological units with the "soul" component). Vestnik of Moscow State Linguistic University. The Humanities, 12(880), 24–31.

ВВЕДЕНИЕ

«Язык – это важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. А совокупность этих знаний, запечатленных в языковых формах, представляет собой языковую картину мира. Как известно, у разных наций она разная. Это позволяет говорить о национально-культурной специфике каждого отдельного языка» [Михайлова, 2008, с. 73]. Лингвистика обязана сравнивать изучаемые объекты с целью установления общего и специфического в языках. Именно фразеология помогает глубже понять культуру и историю страны сквозь призму национального языка. Наиболее удачное определение фразеологической единицы было дано А. И. Фёдоровым: «Фразеологическая единица есть раздельнооформленная, воспроизводимая, устойчивая в употреблении и в структурно-семантическом отношении единица, образованная в результате семантического переосмысления» [Фёдоров, 1980, с. 92].

Фразеологизмы всегда привлекали внимание ученых, которые интересовались истоками их происхождения и внутренней формы, подчеркивали их национальную специфику, связанную с особенностями мировосприятия этносами. Исследователи на основании проведенных изысканий происхождения идиом корейского языка пришли к выводу, что «механизм образования идиомы всегда национально оригинален, логически и эстетически безукоризнен» [Пальшина, Цыденова, 2016, с. 21]. Это объясняется тем, что фразеологизм является средоточием семантических, лексических, структурных, стилистических, морфологических, синтаксических аспектов изучения.

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению и сравнению фразеологизмов в разных языках с компонентом «душа». Представления, возникающие у человека при познании мира и себя в нем по поводу такого сакрального понятия, как «душа», не могли не найти отражения во фразеологии, тем более что именно в этих языковых единицах, как наиболее метафорически отражающих действительность, ярко проявляется национальная самобытность языка. По словам Л. В. Варданяна, «слово “душа” ярко представлено во фразеологизмах, в которых находят свое отражение народная мудрость и смекалка, нравственные ценности и идеалы, способы мышления и выражения созданных образов, специфика чувствования и посвящения окружающих в содержание переживаний» [Варданян, 2006, с. 202].

Теоретически значимо и актуально нам представляется исследование фразеологических оборотов с компонентом «душа» с точки зрения их структуры и семантики. Однако такие работы, в которых проводился бы сравнительный анализ подобных фразеологизмов по данным параметрам в русском и корейском языках и определялась бы их внутренняя форма с учетом экстралингвистических факторов, к сожалению, отсутствуют.

Цель исследования – разработать понятия и методику выявления специфичности русских и корейских фразеологизмов с компонентом «душа». Методологической основой исследования стали межъязыковое сравнение, структурно-семантический анализ, этнолингвистический анализ, лингвокультурологическое описание, а также количественный анализ. Для репрезентации плана выражения и плана содержания изучаемых фразеологических оборотов используются специально разработанные понятия: фразеологизмы-предложения, фразеологизмы-словосочетания, фразеологизмы с вариативным компонентом, фразеологизмы неприятия, фразеологизмы приятия, индифферентные фразеологизмы, внутренняя форма фразеологизма / компонента, фразеологизмы-синонимы, фразеологизмы-антонимы. Структура и значения фразеологических словосочетаний, их коннотация – объект данного исследования.

Выбранный компонент «душа» в русских и корейских фразеологизмах неслучаен. Фразеологизмы с этим компонентом стоят особняком в силу сакральности самого понятия «душа».

Материал по русским фразеологизмам был тщательно отобран с учетом их частотности из «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молоткова[1], «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова[2], по корейским фразеологизмам – из книги Ю. П. Когая «Фразеологизмы корейского языка»[3] и «Фразеологического словаря корейского языка» Пак Ен Джуе и Чой Ген Бон.

СТРУКТУРНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Количественный анализ русских и корейских фразеологизмов с компонентом «душа» показал, что в корейском языке таких единиц насчитывается – 71, а в русском – 44. Стоит отметить разнообразие языковых средств выражения русских фразеологизмов по сравнению с корейскими. Каждый язык обладает определенными грамматическими средствами. Русский язык, будучи синтетическим

[1] Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. третье, стреот. М.: Советская энциклопедия, 1978.

[2] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov?ysclid=lp00mq5agm509439734

[3] Когай Ю. П. Фразеологизмы корейского языка. Астана, 2014.

и флективным, с развитой морфологической системой, с порядком слов, отвечающим алгоритму «тема–рема» в предложении, широко пользуется разнообразными способами нужного выражения смыслов. В изолированном агглютинативном корейском языке в предложении с порядком слов SOV весьма активен фразеологический глагол, несущий основную смысловую нагрузку. Сравнивая фразеологизмы с компонентом «душа» в русском и корейском языках, нужно отметить как сходства, так и различия в их структурах. Как в том, так и в другом языке наличествуют фразеологизмы-предложения и фразеологизмы-словосочетания. Особенностью корейского языка выступают фразеологические предложения-поговорки и предложения-словосочетания. Кроме того, если место слова *душа* в одних русских фразеологизмах может быть постоянным, а в других – варьироваться, то в корейском языке компонент «душа» («маым») – в препозиции, в редких случаях – в постпозиции без изменения смысла.

В обоих языках могут встречаться двусоставные предложения, в которых слово *душа* – подлежащее *душа в пятки ушла*:

Пример	마음이 콩알만 해지다 Маыми конгальман хэжида.
Буквальный перевод	*Душа стала бобом.*
Значение	тревожно

Однако предложения, в которых компонент «душа» во фразеологизмах второстепенный член, в русском и корейском языках отличаются: в русском это чаще односоставные безличные предложения и слово *душа* выступает обстоятельством (*камень с души свалился*) или дополнением (*ни одной живой души*) при разнообразии предлогов, в корейском языке слово *душа*, как правило, прямое дополнение:

Пример	마음을 사다 маымыль сада
Буквальный перевод	*купить душу*
Значение	привлечь чье-либо внимание

Что касается фразеологизмов-словосочетаний, здесь наблюдается существенное отличие: в русском языке они входят в состав предложения как сказуемостные, где между компонентом «душа» и глаголом прослеживается подчинительная связь управления, причем используется в разных падежах *стоять над душой*, в корейском языке такие словосочетания уже представляют собой предложения:

Пример	고운 마음 гоун маым
Буквальный перевод	*красивая душа*
Значение	добросердечный человек

Точкой соприкосновения обоих языков можно считать случаи, где структура словосочетания имеет вид «существительное + существительное», например, в русском – *в глубине души* – и в корейском:

Пример	마음 고생 маым госенг
Буквальный перевод	*невзгоды души*
Значение	(*душевные*) переживания

В корейском языке отсутствует такое явление, как вариативные фразеологизмы, которые есть в русском языке *без души делать / работать / относиться*.

Сравнение семантики фразеологизмов с компонентом «душа» в русском и корейском языках оказалось плодотворным. В обоих языках семантика фразеологизмов разнообразна и представлена фразеологизмами с негативной коннотацией (неприятия), фразеологизмы с позитивной коннотацией (приятия) и индифферентные фразеологизмы.

Количественный состав фразеосем в языках отличается: в русском – 9, в корейском – 17. Объединяют оба языка такие фразеосемы, как *беспокойство, страдание, неприязнь, облегчение, открытость, лад, добросердечие*, специфичны для каждого языка следующие семы: в русском – *отсутствие, испуг, любовь, полнота и глубина проявления чувств*, в корейском – *бездушие, слабость характера, отсутствие и наличие интереса, желания, память*. Следовательно, наднациональное свойство души – *беспокоиться, страдать, не принимать того, что претит душе, испытывать облегчение и успокоение после потрясения, быть добросердечным*; национальное свойство русской души – полно и глубоко проявлять свои чувства, а национальное свойство корейской души – проявлять / не проявлять интерес, ладить, помнить, порицать бездушие и слабость характера.

В русском и корейском языках со словом *душа* есть похожие фразеологические семантические поля (см. табл. 1).

Таблица 1

ФРАЗЕОСЕМЫ В РУССКОМ И КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКАХ

РУССКИЙ ЯЗЫК	КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК
Беспокойство	
• душа болит • болеть душой • душа не на месте • душа в пятки ушла • душа замирает	• душа болит • душа мучительная (*тяжело на душе*) • невзгоды души, (*душевные*) переживания • душа неспокойная • душа стала бобом (*тревожно*) • использовать душу (*беспокоиться*) • душа тревожная (*неспокойно на душе*) • спутать душу (*смятение чувств*) • отдавать душу (*тревожиться*; *беспокоиться*) • нет возможности сдерживать душу (*сам не свой*) • душа не ставится (*душа не на месте*) • душа тяжелая (*тяжело на душе*) • быть натянутым в душе (*стать напряженным*, *тревожиться за кого-то*) • душа употребляется (*доходить умом*, *беспокоиться*)
Неприязнь	
• накипело на душе • душа не лежит • не по душе	• нет в душе (*не нравиться, не лежит душа)* • когда душа далеко, «близкое место тоже далеко» (*если дружба не крепкая, они вместе поняли, что далеко находятся друг от друга*) • душа не идет (*душа не лежит к кому-/чему-л.*)
Страдание, причинение страданий, оскорбление, вмешательство, огорчение	
• плевать / плюнуть в душу, душу вымотать • лезть / влезть в душу • тянуть за душу • вытянуть (всю) душу • стоять над душой • душу бередить / разбередить	• портить душу (*страдать от чего-то, мучиться от чего-то*) • рана души (*живая рана*) • душа сладкая (*испытывать досаду*)
Чувство облегчения, успокоения, умиротворения	
• камень с души свалился • душу отводить / отвести • бальзам на душу	• положить душу (*успокоиться перестать беспокоиться*) • душа развязана (*гнев смягчился, гнев испарился*) • развязывать душу (*расслабиться*) • душа сгнила (*осадок осел*) • душа тонет
Открытость, добросердечие, доверие, красота, молодость души	
• добрая душа • душа нараспашку • изливать / излить душу	• душа хорошая (*хороший человек*) • только душа жива (*тело стало старым, а душа остается молодой*) • душа широкая (*великодушный благородный человек*) • дать душу (*открыть душу*)
Чувство любви, лада, радости	
• души не чаять • душа радуется • душа в душу	• проходить на душу (*принимать друг друга*) • душа покладистая (*послушный человек*) • душа идет друг с другом (*подходить к кому-л., чему-л.*) • соединив души (*дружно единодушно*)

РУССКИЙ ЯЗЫК	КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК
Проявление лицемерия, коварства	
–	• скрывать во внутри души (*затаить в сердце*)
Желанное действие	
• за милую душу	• душа рождается (*желать что-л. делать*) • есть душу (*решить или решиться на какой-л. поступок*) • душа как труба (*душа горит желанием*) • когда есть душа, можно сделать всё (*при желании можно сделать всё*)
Сильная степень волнения	
• душа замирает	• затягивать душу (*с замиранием сердца*)
Потаенное, искреннее чувство	
• в глубине души	• вылинять внутри души (*задушевный человек, искренний*)

Только русскому языку присуща фразеосема – *максимальная полнота и глубина проявления чувств*, которая выражается следующими фразеологизмами:

душу положить на что-либо, до глубины души, всей душой, всеми фибрами души, вкладывать / вложить душу во что-л., душой и телом, без души, ни одной живой души, за душой ничего нет, в чём душа держится.

Только корейскому языку присуща фразеосема – *наличие интереса / памяти*, которые выражаются следующими фразеологизмами:

входить в душу, душа стала полной, отнимать душу, склонять душу / оставить на душе, быть завязанным в душе.

Вышеприведенные русские и корейские фразеологизмы подчеркивают национальную специфику языков, менталитет их носителей. Особенностью фразеологизмов любого языка является внутренняя форма, которая способствует пониманию образа и лежит в основе фразеологизма. Эта форма сугубо национальная, связанная с условиями жизни и деятельности конкретного этноса, его мировоззрением и нравственными установками.

В русском языке внутренняя форма фразеологизмов с компонентом «душа» в большинстве случаев прозрачна, например:

накипело на душе, в чем душа держится, душа в пятки ушла, душа болит, лезть / влезть в душу, душу вымотать / выматывать, душа нараспашку.

Однако есть фразеологизмы, где для понимания образа необходимо обращение к этимологическому словарю:

1) *душу бередить / разбередить* внутренняя форма связывается с болью, раной (ср.: *ведредь – болячка*, *рана*, *нарыв*);
2) *душа радуется* (внутренняя форма связывается с *red / rod – весёлый*, *бодрый*);
3) *бальзам на душу* (внутренняя форма связывается с ароматическим веществом, содержащим эфирные масла и смолы, которое обладает целебными свойствами);
4) *души не чаять* (внутренняя форма связывается с *чуять*, *чувствовать*, *чаяти* – «слышать; ожидать, надеяться», корень присутствует в современных словах: *отчаяться*, *нечаянно*, *невзначай*): раньше глагол был частотным, но затем вышел из употребления. Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – о невозможности познать душу другого. Другая интерпретация – любить, ничего не ожидая взамен, чувствовать.

В корейском языке также присутствуют фразеологизмы с компонентом «душа», где образ легко узнаваем, возможен перенос ассоциаций по смежности:

- душа болит
- душа мучительная
- душа покладистая (*послушный человек*)
- соединив души (*дружно*)

Однако в корейском языке есть фразеологизмы, появившиеся в результате метафоризации,

проделавшей сложный путь к конечному образу внутренней формы, например:

- спутать душу (*быть в смятении чувств*)
- развязанная душа (*гнев испарился*)
- затягивать душу (*с замиранием сердца*)
- есть душу (*решиться на какой-либо поступок*)
- купить душу (*привлечь чье-либо внимание*)
- качать душу (*растрогать*)
- рисовать внутри души (*представлять себе в уме*)
- портить душу (*страдать от чьего-л.*)
- отдавать душу (*тревожиться*)
- душа сгнила (*успокоиться, осадок осел*)
- душа тонет (*успокаиваться*)

Данные фразеологизмы характеризуют истинно национальный образ мыслей корейцев, их взгляд на определенные явления и представления об окружающем их мире, в то время как исследователи, стараются определить, какова должна быть связь плана содержания фразеологизма с планом его выражения, какой образ положить в основу фразеологизма, а это достигается путем длительного подбора и использования подобной связи в рамках картины мира этноса.

Анализ фразеологизмов каждой из трех групп и выделение в них фразеосем позволило на основании отождествления и взаимоисключения последних установить синонимический (изофункциональный) ряд фразеологизмов с компонентом «душа» и антонимический ряд. Синонимичными будут те фразеологизмы, которые обладают семантической близостью, имеют тождественное (что является редкостью) или близкое значение, но отличаются его оттенками, образуя изофункциональный ряд. Антонимичными будут те фразеологизмы, которые семантически противопоставляются. Например, синонимический (изофункциональный) ряд русских и корейских фразеологизмов, выражающих беспокойство (см. выше):

- русские фразеологизмы-антонимы:

лицемерие	открытость
кривить душой	*душа нараспашку*

- корейские фразеологизмы-антонимы (*неприязнь – приязнь*):

Пример	마음이 가지 않는다 Маыми гади аннында
Буквальный перевод	*душа не идет*
Значение	душа не лежит к кому-л., чему-л. сема – *неприязнь*

не лежит душа к учебе

Пример	마음에 있다 Маымэ итда
Буквальный перевод	*есть в душе*
Значение	нравится, хочется сема – *приятие*

Существует ряд корейских фразеологизмов, для осознания которых требуются фоновые, экстралингвистические знания. Рассмотрим несколько примеров.

Соевые бобы играют важную роль для корейцев. В Корее сою едят вместе с рисом, без нее нельзя приготовить национальный соевый соус или соевую пасту; эти специи чрезвычайно важны для корейских блюд. Вкус блюда из сои меняется в зависимости от способа ее выращивания в течение года. Поля сои можно было увидеть повсюду, что и стало образной основой фразеологизмов.

Пример	마음이 콩알만 해지다 Маыми конгальман хэжида.
Буквальный перевод	*Душа стала бобом*
Значение	тревожно

Пример	마음이 콩밭에 가있다 Маыми конгватэ гаитда
Буквальный перевод	*душа ушла в бобовое поле*
Значение	пропал интерес

В Корее самая популярная еда – рис. Корейцы выращивают его на огромных плантациях, где обитают береговички (улитки). Работая в поле, крестьяне видели их и считали, что они похожи на душу. Отсюда появился такой фразеологизм.

Пример	마음이 우렁이 속 같다 Маыми уронги сок гатда
Буквальный перевод	*душа как внутри береговичка*
Значение	трудно узнать, он неизвестный человек

В сознании корейцев дым, заполнявший печь (агуни), ассоциировался с мечтой, желанием,

а когда дым выходил и рассеивался, – с потерей мечты.

Пример	마음은 굴뚝같다 Маымын гульдукгатта
Буквальный перевод	*душа как труба*
Значение	душа горит желанием

В корейской традиции с воротником связывается представление о серьезном, добропорядочном человеке.

Пример	마음이 바르고 고와야 옷깃이 바로 선다 Маыми варго гоая отгиси варо сонда
Буквальный перевод	*когда душа хорошая и красивая, ворот правильно стоит*
Значение	хороший человек, хорошо выглядит

Данные фразеологизмы отражают национальную картину мира и особенности менталитета.

Общими для русского и корейского языков являются такие фразеосемы, как *беспокойство, страдание, неприязнь, облегчение, открытость, лад, добросердечие*. Специфичными для русского языка – семы: *отсутствие, испуг, любовь, полнота и глубина проявления чувств*; для корейского – *бездушие, слабость характера, отсутствие и наличие интереса, желания, память*. Наднациональное свойство души – беспокоиться, страдать, не принимать того, что претит ей, испытывать облегчение и успокоение после потрясения, быть добросердечным; национальное свойство русской души – полно и глубоко проявлять свои чувства, в то время как национальное свойство корейской души – проявлять / не проявлять интерес, ладить, помнить, порицать бездушие и слабость характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение к понятию «душа» у обеих наций священное: это тот внутренний нравственный огонь жизни, без которого сама жизнь невозможна. Душа сокровенна: она живая, ибо любит, радуется и замирает, болит, страдает и успокаивается, возмущается, когда ее оскорбляют, откровенничает, когда в ладу с родственной душой. Это русская душа.

Душа рождается, горит желанием и решительностью, беспокоится, страдает, находится в смятении чувств и успокаивается, привлекает внимание и теряет интерес, помнит и умеет ладить. Это корейская душа.

Душа в обоих языках – центр человеческой вселенной, начало начал, causa causarum, солнце, одухотворяющее всё, мерило нравственных, этических и эстетических ценностей. В русских фразеологизмах душа действует самостоятельно, причем ее действия активные, однако присутствуют внешние силы, которые стараются причинить ей вред. В корейских фразеологизмах душе дается много эпитетов и душа сама распоряжается собой без внешнего воздействия.

В этом заключается культурно-национальное миропонимание. Фразеологические единицы русского и корейского языков отличаются друг от друга разными образами, смысловым наполнением и определенной формой. Каждый из языков во фразеологизмах с компонентом «душа» имеет свои самобытные способы выражения эмоций и чувств. Малочисленность и небольшой диапазон смыслов русских фразеологизмов с компонентом «душа» компенсируется такими параметрами их характеристики, как «глубина» и «крайняя степень эмоциональности», что достигается созданием образов при участии стилистически маркированных лексико-грамматических средств. Корейский язык изобилует фразеологизмами с компонентом «душа», и его характеризует «широта» смыслов, однако при всей экспрессивной гамме образов корейский язык эмоционально сдержан. Для осознания фразеологизмов требуются фоновые, экстралингвистические знания. «Выявить эту "когнитивную память" – значит обнаружить культурно-национальную окраску единиц фразеологии, установить связь их культурных коннотаций с миропониманием народа, а тем самым – определить еще один участок взаимодействия языка и культуры» [Телия, 1993, с. 306].

Анализ русских и корейских фразеологизмов с компонентом «душа» дает ключ к пониманию национально-культурной специфики языков, к осмыслению образов, положенных в основу фразеологизмов, выявлению общего и специфического через язык в выражении отношения русского и корейского этносов к душе и миру. Перспективным для дальнейшего изучения фразеологизмов с компонентом «душа» является использование предложенного подхода к выявлению специфичности структуры и семантики фразеологизмов на материале русского и корейского языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлова М. В. Лингвокультура во фразеологизмах корейского языка // ГИСДВ. Культурология. Филология. 2008. С. 73–74.
2. Федоров А. И. Сибирская диалектическая фразеология. Новосибирск: Сиб. отд-ние: Наука, 1980.
3. Пальшина У. С., Цыденова Д. С. Источники происхождения идиом корейского языка // Вестник Бурятского государственного университета: Язык. Литература. Культура 2016. Вып. 3. С. 15–21.
4. Варданян Л. В. Концепт «душа» в английских, русских и эрзянских фразеологизмах // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 201–204.
5. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.

REFERENCES

1. Mikhailova, M. V. (2008). The culture of linguistic in the phraseological fund of the Korean language. In GISDV. Cultural Studies. Philology (pp. 73–74). (In Russ.)
2. Fedorov, A. I. (1980). Siberian dialectical phraseology. Novosibirsk: Siberian Branch: Nauka. (In Russ.)
3. Palshina, U. S., Tsydenova, D. S. (2016). Origins of idioms in Korean language. Vestnik of Buryat State University: Language. Literature. Culture, 3, 15–21. (In Russ.)
4. Vardanyan, L. V. (2006). Concept of “soul” in English, Russian and Erzya phraseological units. Integration of Education, 4, 201–204. (In Russ.)
5. Telia, V. N. (1993). Cultural and national connotations of phraseological units (from worldview to worldview). Slavic linguistics (pp. 302–314): XI International Congress of Slavists. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грачева Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка как иностранного
Института международных образовательных программ
Московского государственного лингвистического университета

Копылова Полина Александровна

старший педагог дополнительного образования кафедры русского языка и лингвокультурологии
Института русского языка Российского университета дружбы народов

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Gracheva Olga Alekseevna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language
at the Institute of International Educational Programs, Moscow State Linguistic University

Kopylova Polina Aleksandrovna

Senior Teacher of Additional Education, Department of the Russian Language and Linguoculturology
Institute of the Russian Language, Peoples’ Friendship University of Russia

Статья поступила в редакцию	21.08. 2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18. 10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'27

Происхождение и формирование шотландского языка в свете этноязыковых контактов

Н. В. Гукалова

Южный федеральный университет, Таганрог, Россия
nadegda-ni@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа ряда фактов социально-политической истории средневековой Шотландии, в значительной мере повлиявших на язык и способствовавших языковым контактам, а также динамики развития языковой ситуации, установлены условия, интенсивность и длительность таких контактов, а также оценен их вклад в лексических состав шотландского языка. Результатом исследования явился вывод автора о том, что рассматриваемый период крайне важен для истории шотландского языка, так как именно в это время сформировались условия, способствовавшие образованию шотландского языка на древнеанглийской (нортумбрийской) диалектной основе, а также появились предпосылки для возникновения собственной литературы.

Ключевые слова: языковые контакты, историческая социолингвистика, шотландский язык, старошотландский, нортумбрийский диалект, гэльский язык, нормандизация

Для цитирования: Гукалова Н. В. Происхождение и формирование шотландского языка в свете этноязыковых контактов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 32–38.

Original article

The Origin and Formation of the Scots language in the Light of Ethno-linguistic Contacts

Nadezhda V. Gukalova

Southern Federal University, Taganrog, Russia
nadegda-ni@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a number of facts of the social history of Medieval Scotland, which significantly influenced the language and contributed to language contacts, as well as considering the dynamics of the development of the language situation, the conditions, intensity and duration of such contacts are established, and their contribution to the vocabulary of the Scots language is assessed. The result of the study was the author's conclusion that the period under consideration is extremely important for the history of Scots, since it was at that very time when the conditions for the formation of the Scots language and its own literature were formed and the contribution for its separation from Old English, the northern dialects of which became the dialect base of the Scots language, was made.

Keywords: language contacts, historical sociolinguistics, Scottish, Older Scots, Northumbrian dialect, Gaelic, Normanization

For citation: Gukalova, N.V. (2023). The Origin and Formation of the Scots language in the Light of Ethno-linguistic Contacts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 32–38.

ВВЕДЕНИЕ

Рассматриваемый в статье временной период затрагивает ступень долитературного развития (1100–1375) в периодизации истории шотландского языка по А. Эйткину [Aitken, 1985]. В целом данному этапу истории Шотландии была характерна высокая динамика миграции населения, изменение демографической ситуации, этнического состава населения, активизация языковых контактов, в частности, с народами из географически отдаленных регионов, что было связанно с развитием торговли. Кроме того, в Шотландском королевстве эпохи высокого Средневековья в условиях продолжающихся внешних и внутренних конфликтов укреплялось централизованное государство. Формирование и развитие шотландского языка проходило на фоне ожесточенной борьбы средневековых государств и этнических общностей Британских островов. История сформировала облик и идентичность народов, населяющих современные Англию и Шотландию, их языки, определила сегодняшний статус этих идиомов. Целью исследования является изучение роли социально-политической истории Шотландии в языковом строительстве, изменениях, происходивших в шотландском языке, и описание специфики основ шотландской идентичности и формирования национального языка.

ЯЗЫК И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ШОТЛАНДСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Противостояние двух наиболее многочисленных этнолингвистических групп населения Шотландии: гэлов и шотландцев англосаксонского происхождения, имеет под собой глубокие исторические корни. В исторической науке существует отдельный историографический подход, связанный с описанием истории сосуществования гэлов и англосаксов, населяющих территории королевства Альба и затем Шотландского королевства в терминах репрессий, этнических притеснений и всяческого подавления воли гэльского народа и даже порабощения, и напротив героизации горцев, противостоящих нормандской экспансии и создания образа непримиримого соперничества двух народов.

Так, период с 1093 по 1286 год описывается некоторыми историками как эпоха ожесточенной борьбы шотландских гэлов с враждебной королевской династией, ориентированной на Англию, и сопротивления усиливающемуся нормандскому влиянию. Ряд ученых характеризуют эпоху правления династии Кэнмор (1058–1286) проведением политики, связанной с гонениями на коренное гэльское население не только в равнинной Шотландии, но и в северных исконных регионах.

Дж. Патерсон отмечает, что для сохранения независимости Шотландского королевства и усиления роли короля, Малькольм III (1058–1093) начинает заменять подданных (рыцарей и крупных феодалов), настроенных против нововведений, чаще всего это были именно гэлы, на безземельных рыцарей англо-нормандского происхождения, переселявшихся в Шотландию в поисках «лучшей доли» и представлявших собой новую организованную силу в условиях становления феодализма и военно-ленной системы [Paterson, 1855]. Однако, как утверждает автор, это не привело к резкому скачку распространения древнеанглийских диалектов на территории Шотландии в короткие сроки; гэльский продолжал оставаться основным средством общения в государстве, чему мы находим множество убедительных подтверждений.

Реформаторская деятельность Малькольма III и его супруги Маргарет оценивается многими историками как оказавшая огромное влияние на развитие страны. Малькольм III и его приемники проводили политику, направленную на нормандизацию Шотландии. Фактически, это было копирование любых идей и форм институций, ведения канцелярских записей и хроник по нормандскому образцу и на англо-нормандском языке.

В исторической науке существует периодизация, в соответствии с которой средневековая история Шотландии представлена двумя этапами: кельтским (Celtic) и германским (Teutonic). Однако такой подход является устаревшим и не выдерживающим на сегодняшний день критики. Согласно данной периодизации центральным событием, служащим точкой бифуркации, является женитьба Малькольма III на Маргарет, имеющей англосаксонское происхождение, после чего Шотландское королевство якобы попадает под влияние Англии [Hammond, 2006]. Такая концепция имеет глубокие корни в шотландской историографии, уходящие в XIX век и более ранние эпохи, основанная отчасти на заблуждениях и отчасти на стремлении отмежеваться от гэльского прошлого своего государства, а также ассоциировать себя с наиболее развитыми в цивилизационном аспекте англосаксами и норманнами. Стоит отметить в этой связи, что сам факт такого разотождествления себя с «хайлендерами» уже достаточно красноречив.

Вместе с тем невозможно отрицать важности влияния, которое было оказано на развитие Шотландии в период правления Малькольма III, Маргарет и чреды их преемников, которые осуществляли последовательную, осмысленную политику, способствующую укреплению шотландской монархии

и централизации власти, чему сопутствовало фактическое уничтожение самоуправления на местах и покорение ряда гэльских регионов: Галлоуэя (1160), Кейтнесса (1196), Аргайла (1222) и Мори (1160). Также мы находим подтверждения изгнания кельтов (гэлов) из богатой провинции Мори и заселения ее смешанными этносами юга одним из последних королей этой династии – Малькольмом VI (1153–1165) [Skene, 1876].

Необходимо отметить, что попытки подчинения королевской власти Шотландии гэльского народа и знати имело характер комплексного воздействия, и оно затрагивало многие сферы жизни данной общности. Наряду с захватом и установлением контроля над исконными территориями, еще одним важнейшим фактором противостояния было воздействие на духовную элиту. Пожалуй, наиболее существенным событием этой эпохи в данном отношении являлись преобразования в церковной сфере Шотландии, проведенные королевой-консортом Маргаритой. В соответствии с одним из историографических подходов, реформы Маргариты связываются с разрушением кельтской церкви, которая являлась средоточием культурной жизни социума, и имела значительное влияние на развитие культуры и языка. По степени своей важности данную институцию можно было сравнить лишь с влиянием двора.

Следующим фактором, игравшим весомую роль в сохранении языка, культуры и идентичности, был клановый строй кельтов. В высоком Средневековье всё сильнее становились заметны внутренние предпосылки к разложению кланового строя гэлов. И в период правления Давида I (1124–1153) данные процессы были ускорены целенаправленной политикой монарха, продолжавшего линию Малькольма III. Принцип этой политики состоял в том, чтобы путем приема на службу и жалования земель рыцарям англосаксонского или англо-нормандского происхождения в исконных гэльских областях, замещать местную элиту феодалами лояльными королю, что подрывало клановый уклад гэльского общества [Федосов, 1996].

Такая политика била в саму суть клановых отношений горцев. Как утверждает историк В. Ю. Апрыщенко: «Клановые связи как социальный институт могли реализовываться лишь в том случае, если в основе их лежали отношения владения определенной территорией, порождающие такие явления, как “клановая собственность на землю”, “межклановая вражда” <…> клан без земли считался “разбитым кланом”…» [Апрыщенко, 2006, с. 49] Всё это, в свою очередь, способствовало постепенному распространению старошотландского языка и росту его престижа за счет смены элиты этнолингвистической общности.

Факты притеснения гэлов и гэльского языка мы находим и в более поздние периоды истории. Во второй половине XIV века шотландские короли проводили политику, связанную с поддержкой литературы, написанной на старошотландском, и отвергали гэльскую письменность как чуждую шотландскому королевскому двору [The Impact of Latin Culture …, 2018]. Патронаж гэльской поэзии и письменности осуществлялся только местной знатью и клиром, а гэльская литература развивалась при местных дворах графов и герцогов и не была востребована ни у простого населения, ни у элиты равнинной Шотландии [Mapstone, 1991]. По мнению Дж. Д. Маклюра, со смертью короля Александра III в 1286 году гэльский язык окончательно утрачивает свое влияние при дворе, в то время как на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового времени он продолжал оставаться родным идиомом для людей, проживающих на почти половине территории Шотландского королевства [McClure, 1995a, с. 5].

Как отмечает А. Е. Павленко: «Конечно, несмотря на вытеснение гэльского языка с равнинной части страны и углублявшееся отчуждение между двумя культурами, их общение и взаимное влияние не могло полностью прекратиться. Об этом свидетельствуют гэльские лексические заимствования, имеющиеся в скотс (шотландском языке. – *Н. Г.*), а также свидетельства современников о присутствии выходцев из Хайленда, в том или ином качестве участвовавших в жизни общества. Вероятно, гэльский язык был распространен в некоторых районах северо-восточной Шотландии вплоть до конца XVI в.» [Павленко А., Павленко Г., с. 101]. Так рассмотренные выше примеры ярко показывают степень влияния политической власти и двора на национальный язык и его эволюцию. В силу особенностей исторического развития, географического положения и сформировавшихся взаимоотношений между данными этническими группами населения, а также укоренившихся стереотипов, и даже своего рода стигматизации гэлов, гэльский язык не смог стать идиомом, объединившим всё население Шотландии. Как справедливо заметил Дж. Патерсон: «…кажется невозможным, чтобы англосаксонский язык мог стать родным языком большей части страны в течение следующего столетия, не говоря уже о том, чтобы стать средством того неповторимого жанра лирической поэзии, которым отличается Шотландия, зародыш которого, несомненно, существовал в Шотландии в большей или меньшей степени примерно в период, о котором идет речь»[1] [Paterson, 1855, с. 71].

[1]Зд. и далее перевод наш. – *Н. Г.*

Возвращаясь к проблеме нормандизации и распространения влияния Английского королевства на Шотландию, необходимо отметить, что в силу длительности рассматриваемого нами периода (1100–1375), можно выделить несколько периодов отношений с Англией, первый характеризовался относительно мирным сосуществованием двух королевств, второй можно связать с началом и ходом Первой войны за независимость (1296–1328).

Введение системы бургов, ставшее вехой в развитии феодального строя и государственного устройства Шотландии, и в целом внутренняя политика, проводимая королем Шотландии Давидом I (1124–1153), способствовали налаживанию торговли, которая впоследствии привела к активному перемещению населения, его смешению и пролиферации языковых контактов. Однако нормандизация Шотландии, как отмечалось выше, началась еще при его предшественниках: отце Малькольме III и матери Маргарите, которая принадлежала английскому королевскому роду. Маргарита не знала гэльского языка, поэтому языком королевской семьи стал англо-скандинавский. Кроме того, она привела ко двору английскую свиту, что оказало впоследствии огромное влияние на развитие шотландского государства.

Давид I, проведший всю юность при английском дворе Генриха I, придя к власти, также стремился реформировать Шотландское королевство по нормандскому образцу, от законов, системы государственного управления, двора до культуры и Церкви, стараясь не отрекаться от кельтских традиций. Кроме введения системы бургов, Давид I также привлекал к службе англо-нормандских рыцарей, даровал им земли в Шотландии [Федосов, 1996], что затем сказывалось на этническом составе местной аристократии в укрепляющимся государстве. Жалование наделов франкоговорящим баронам, влекло за собой также и переселение принадлежавших им крестьян, для которых родным языком были диалекты англо-скандинавского. Торговые привилегии в бургах привлекали купцов из Фландрии, Рейнских земель, Франции, а также восточной части Англии [The Edinburg ..., 2003]. Процесс нормандизации был продолжен и старшими братьями Давида I.

ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

С разрывом отношений с Англией значительно снизились масштаб и интенсивность англо-нормандского влияния на язык и культуру Шотландии, вместе с тем уже в период позднего Средневековья появились весомые предпосылки для выстраивания союзнических отношений с Французским королевством, находящимся в этот период в конфронтации с Англией. Вследствие этих изменений, наблюдалось повышение динамики языковых контактов с группами населения центральной части Франции, в особенности французской аристократией, говорившей на парижском диалекте. В целом нормандский период в Шотландии отличался от аналогичного периода в Англии тем, что в Шотландском королевстве сохранялась англосаксонская элита и собственная династия. Следствием таких обстоятельств было относительно слабое влияние нормандского языка на старошотландский и меньшее количество нормандских заимствований по сравнению со среднеанглийским языком.

Наличие аристократии, говорившей на языке, который был родным для основной массы населения, оказало огромное влияние на возможность обособления языка и создало условия для трансформации нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка в идиом, выработавший собственную письменную и литературную традицию и являющийся одним из двух национальных языков современных шотландцев, который в настоящее время имеет статус регионального.

Англо-нормандский и французский вместе с тем были одними из основных ресурсов пополнения лексического состава старошотландского языка, что касалось и долитературного периода, и в особенности этапа расцвета придворной поэзии. А. Эйткин отмечает, что основная масса заимствований из англо-нормандского, относящихся к общеупотребительной лексике, а не словам, связанным, например, с образом жизни аристократии, вероятно, вошли в оборот еще в долитературный период шотландского языка (1100–1375), т. е. данный пласт заимствований был связан с процессами нормандизации и политикой шотландских правителей, а не с хронологически более поздним союзом Шотландии и Франции, как это можно было бы предположить [Aitken, 1954].

Из чего можно сделать вывод о том, что заимствования из англо-нормандского и французского проходили в два этапа: сначала, в долитературный период заимствования ассимилировались в народной речи (старошотландской), а на этапе развития литературы и письменности, заимствования пополняли во многом лишь социолект шотландской придворной аристократии, при этом основное влияние на последний оказывал именно парижский диалект среднефранцузского языка.

Интересен в этой связи факт, касающийся процессов заимствований из гэльского языка. Согласно исследованиям А. Эйткена, количество заимствований

лексики из гэльского языка в шотландский крайне мало, хотя, по утверждению ученого, условия для заимствований были более чем благоприятными в XI–XII веках, учитывая фактор этнической смешанности населения и многоязычия шотландской аристократии [Aitken, 1954]. Чаще всего заимствовались слова, обозначающие реалии, отражающие образ жизни гэлов, а также лексика, описывающая рельеф местности, ландшафт и топонимы. Фактически степень заимствований из гэльского является меньшей, чем степень влияния среднефранцузского, древнескандинавского и даже средненижненемецкого. Дж. Д. Маклюр обращает внимание на тот факт, что данное утверждение является истинным лишь для языка литературной традиции равнинной Шотландии и для наддиалектного литературного варианта известно как «лаланс» (Lallans). В диалектах севера Шотландии, ареал распространения которых находится в тесной близости к регионам с гэльскоговорящим населением, общее число лексических заимствований насчитывает сотни слов, а влияние гэльского языка на данную диалектную группу, по мнению автора, слишком приуменьшено учеными [MacClure, 1995b]. Кроме того, беря во внимание факт отсутствия у шотландского языка на сегодняшний день языковой нормы и рассматривая данный идиом в контексте всей полноты его территориальной, социальной и временной вариативности, выдвигаемое рядом исследователей утверждение будет выглядеть гораздо менее категорично.

Однако, что касается в целом старошотландского языка (1100–1700), можно судить о нем во многом лишь по сохранившимся памятникам средневековой литературы, тексты которой являются весьма неоднородными по используемой авторами орфографии, лексике и грамматике, а также затрагивающие продолжительный по длительности период, включающий в себя несколько пластов исторического развития шотландского языка.

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОГО

Необходимо отметить, что древнескандинавский язык (Old Norse language) явился одним из основных и, вероятно, самым значимым источником пополнения лексического состава старошотландского языка, в особенности на ранних этапах его существования. Однако механизм и условия влияния древнескандинавского существенно отличались от воздействия англо-нормандского языка на старошотландский. Поскольку он в меньшей степени «насаждался сверху» и его влияние оказалось отложенным, так как оно происходило из-за большого числа переселенцев, принесших с собой собственный идиом еще в долитературный период шотландского языка, в то время как, следы этого влияния мы находим позднее, уже в памятниках средневековой и ренессансной придворной поэзии. В то же время, весьма примечательным является то, что мы не наблюдаем свидетельств о массовом заимствовании языковых элементов из древнескандинавского в шотландских документах и памятниках письменности периода скандинавских завоеваний [Flom, 1966].

Безусловно, влияние древнескандинавского было заметно и в IX–XI веках, что говорит о том, что данный идиом значительно повлиял на эволюцию нортумбрийского диалекта, иными словами, на язык коренного населения, который и стал «прародителем» старошотландского языка. Данный диалект, наряду с другими диалектами древнеанглийского языка, подвергался непосредственному влиянию древнескандинавского. По утверждению Дж. Флома, древнескандинавский язык оказал большое влияние на целый макроареал, так как большое количество скандинавских заимствований мы находим и в гэльском, и в ирландском, и в равнинном шотландском языках. Ученый также указывает на возможность того, что некоторые из подобных заимствований попали в шотландский язык через гэльский, а не непосредственно из древнескандинавского, вместе с тем подчеркивая, что в поэме «Брюс» Дж. Барбура (ок. 1320–1395), а также в поэзии У. Данбара (ок. 1460–1520) и А. Монтгомери (ок. 1550–1598), относящихся к хронологически более позднему периоду, скандинавские элементы очень заметны [Flom, 1966].

По иной гипотезе, заимствование широкого пласта лексики и иное влияние, в частности в аспекте фонетических изменений, связано не с заселением равнинной территории скандинавами и их ассимиляции с исконным населением юга Шотландии, а со вторичным заимствованием, сопряженным с заселением территорий Шотландии английскими переселенцами с севера Англии и из других ее регионов. Так, английские переселенцы принесли с собой уже усвоенные ими черты древнескандинавской речи, которую некоторые исследователи называют также англо-скандинавским языком, и именно этот идиом оказал наибольшее влияние на старошотландский язык, а точнее, на его диалектную основу – нортумбрийский диалект древнеанглийского языка на завершающей стадии его существования [Aitken, 1954].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, идиом, формировавшийся в данный период на территории равнинной Шотландии,

стал основой для образования в дальнейшем шотландского языка, близкородственного английскому. При этом, как было отмечено выше, становление шотландского языка происходило в условиях интенсивной конкуренции с другими языками и диалектами, распространенными в рассматриваемом регионе. Параллельно с обретением политической самостоятельности Шотландией в Первой войне за независимость, также продолжалось постепенное вытеснение исконного кельтского населения с территории равнинной Шотландии на запад и северо-запад острова, и как следствие, происходило неуклонное сокращение ареала гэльского языка и культуры и вместе с тем расширение ареала англосаксонской речи. Уже ко второй половине XIV века регион горной Шотландии воспринимался жителями равнины как обособленная и отчужденная область, а у населения укоренилось четкое осознание различий между двумя народами. Как утверждает А. Е. Павленко: «На протяжении этого длительного периода формировались образы "хайлендера" и "лоулендера" как самостоятельные социокультурные стереотипы, причем, судя уже по ранним свидетельствам, преимущественно как стереотипы антагонистические» [Павленко, 2003, с. 136].

Итак, специфика социального развития сформировала многие условия, которые способствовали изменениям в языке средневековой Шотландии и появлению предпосылок для развития литературы и письменности. В этом отношении, основным фактором для появления данного процесса можно назвать обретение политической независимости и попытка построения централизованного государства.

По аналогии с представлением о современном шотландском как о «языковом континууме, полюсами которого являются разговорная речь сельских жителей наиболее консервативных регионов, с одной стороны, и литературный шотландский национальный вариант английского языка (*Scottish Standard English*) – с другой» [The Edinburg Companion to Scots, 2003, с. 2], долитературный период старошотландского языка также, безусловно, можно охарактеризовать как континуум. Однако такому континууму было свойственно не только наличие многообразия диалектных вариантов с отсутствием четких границ их распространения, но и сосуществование с конкурирующими дальнеродственными и близкородственными идиомами (гэльским языком, древнескандинавским и англо-скандинавскими диалектами, нормандским, англо-нормандскими диалектами, диалектами среднефранцузского, средневековыми фламандским и нижненемецким, средненидерландским и латынью), которые активно использовались различными этноязыковыми общностями на данной территории. Так, формирование шотландского языка происходило в условиях тесных языковых контактов и миграции населения, а языковой ситуации рассматриваемого региона в данный период была свойственна изменчивость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aitken A. J. A History of Scots // Collected Writings on the Scots Language / Ed. by C. Macafee. 1985. Scots Language Centre URL:http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_(1984).
2. Paterson J. The Origins of the Scots and the Scottish language: An inquiry preliminary to the proper understanding of Scottish history and literature. Edinburgh, 1855.
3. Hammond M. H. Ethnicity and the Writing of Medieval Scottish history // The Scottish Historical Review. 2006. 85 (1). P.1–27.
4. Skene W. F. Celtic Scotland: A History of Ancient Alban. Vol. 1. Edinburgh. 1876.
5. Федосов Д. Г. Рождение в битвах: Шотландия до конца XIV века – М., ИВИ РАН, 1996.
6. Апрыщенко Ю. В. Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2006.
7. The Impact of Latin Culture on Medieval and Early Modern Scottish Writing / Ed. by A. Petrina and I. Johnson. Western Michigan University. 2018.
8. Mapstone S. Was there a Court Literature in Fifteenth-century Scotland? // Studies in Scottish Literature: Vol. 26.1991. Iss. 1. P. 410–422.
9. McClure J. D. Lowland Scots: an ambivalent national tongue // Scots and its Literature / Ed. by J. D. McClure. Amsterdam – Philadelphia, 1995. P. 5–20.
10. Павленко А.Е., Павленко Г.В. Роль этнокультурных стереотипов в социальной истории регионального языка равнинной Шотландии // Вестник Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко. Вып. 131, 2015. С. 100–103.
11. The Edinburg Companion to Scots / Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. Edinburgh University Press, 2003.
12. Aitken A.J. Sources of the vocabulary of Older Scots // Collected Writings on the Scots Language / Ed. by C. Macafee. 1954. P. 1–14.
13. MacClure J. D. What Scots owes to Gaelic // Scots and its Literature / Ed. by J. D. MacClure. Amsterdam-Philadelphia, 1995. P. 68–85.

14. Flom G. T. Scandinavian influence on Southern Lowland Scotch: a contribution to the study of the linguistic relations of English and Scandinavian. AMS Press inc.: New York, 1966.
15. Павленко А. Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). СПб.: Наука, 2003.

REFERENCES

1. Aitken, A. J. (1985). A History of Scots. In Macafee, C. (ed.), Collected Writings on the Scots Language. Scots Language Centre. http://medio.scotslanguage.com/library/document/aitken/Scots_and_English_in_Scotland_(1984).
2. Paterson, J. (1855). The Origins of the Scots and the Scottish language: An inquiry preliminary to the proper understanding of Scottish history and literature. Edinburgh.
3. Hammond, M. H. (2006). Ethnicity and the Writing of Medieval Scottish history. The Scottish Historical Review, 85(1), 1–27.
4. Skene, W. F. (1876). Celtic Scotland: A History of Ancient Alban (vol. 1). Edinburgh.
5. Fedosov, D. G. (1996). Rozhdenie v bitvax: Shotlandiya do koncza XIV veka = Birth in battles: Scotland to the end of the 16th century. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Apryshchenko, Yu. V. (2006). Klanovaya sistema Gornoj Shotlandii: tradicii i modernizaciya = The clan system of the Highlands of Scotland: traditions and modernization. Rostov-on-Don: Rostov University Press. (In Russ.)
7. Petrina, A., Johnson, I. (Eds.). (2018). The Impact of Latin Culture on Medieval and Early Modern Scottish Writing. Western Michigan University.
8. Mapstone, S. (1991). Was there a Court Literature in Fifteenth-century Scotland? Studies in Scottish Literature, 26(1), 410–422.
9. McClure, J. D. (1995a). Lowland Scots: an ambivalent national tongue. In McClure, J. D. (ed.), Scots and its Literature (pp. 5–20). Amsterdam – Philadelphia.
10. Pavlenko, A. E., Pavlenko, G. V. (2015). Rol` e`tnokul`turny`x stereotipov v social`noj istorii regional`nogo yazy`ka ravninnoj Shotlandii = The role of ethno-cultural stereotypes in the social history of the regional language of Lowland Scotland. Bulletin of the Chernihiv National Pedagogical University, 131, 100–103. (In Russ.)
11. Corbett, J., et al. (2003). The Edinburg Companion to Scots. Edinburgh University Press.
12. Aitken, A. J. (1954). Sources of the vocabulary of Older Scots. In Macafee, C. (ed.), Collected Writings on the Scots Language (pp. 1–14).
13. MacClure, J. D. (1995b). What Scots owes to Gaelic. In McClure, J. D. (ed.), Scots and its Literature (pp. 68–85). Amsterdam – Philadelphia.
14. Flom, G. T. (1966). Scandinavian influence on Southern Lowland Scotch: a contribution to the study of the linguistic relations of English and Scandinavian. New York: AMS Press Inc.
15. Pavlenko, A. E. (2003). Regional`ny`j yazy`k i ego status (na materiale yazy`kovoj situacii v ravninnoj Shotlandii) = Regional language and its status (based on the material of the language situation in lowland Scotland). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гукалова Надежда Владимировна

ассистент Института компьютерных технологий и информационной безопасности
Южного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gukalova Nadezhda Vladimirovna

Assistant Lecturer at the Institute of Computer Technology and Information Security
Southern Federal University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-139

Контент-анализ как метод исследования информационной войны (на материале репрезентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США)

О. И. Калинин[1], М. В. Приходько[2]

[1,2]*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*
[1]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*okalinin.lingua@gmail.com*
[2]*marko007@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения контент-анализа в исследовании информационной войны, изучаемой на нескольких уровнях информационного воздействия. Инструментальный уровень информационной войны актуализирован на лексическом уровне и может быть исследован посредством критического дискурс-анализа, основанного на количественном и качественном контент-анализе. Результаты подтверждают успешность использования описанного подхода и демонстрируют особенности дискурсивной реализации торговой войны между КНР и США.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная война, контент-анализ, медиадискурс, торговая война

Для цитирования: Калинин О. И., Приходько М. В. Контент-анализ как метод исследования информационной войны (на материале репрезентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 39–47.

Original article

Content analysis as a method of information war research (based on the representation of the Sino-American trade war in the media discourse of the PRC and the USA)

Oleg I. Kalinin[1], Mark V. Prikhodko[2]

[1,2]*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia*
[1]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*okalinin.lingua@gmail.com*
[2]*marko007@mail.ru*

Abstract. The article studies the problem if content analysis is applicable to research information warfare, considered at several levels of information impact. The instrumental level is actualized at the lexical level and can be studied through critical discourse analysis based on quantitative and qualitative content analysis. The results confirm the applicability of the described approach and demonstrate the features of the "US-China trade war" discourse.

Keywords: information impact, information warfare, content analysis, media discourse, trade war

For citation: Kalinin, O. I., Prikhodko, M. V. (2023). Content analysis as a method of information war research (based on the representation of the Sino-American trade war in the media discourse of the PRC and the USA). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 39–47.

ВВЕДЕНИЕ

События последнего времени явно продемонстрировали, что информация превратилась в средство контроля и управления массовым сознанием. В этой связи массовая медиакоммуникация как в форме традиционных, так и новых СМИ может быть рассмотрена как перманентно осуществляемое информационное воздействие. В этой связи «информационная война и смежные с ней понятия и явления представляются нам важным предметом исследования лингвистики, где последняя может проявить себя как поистине «наука стратегического значения» [Калинин, Князева, 2023, с.442].

Отметим, что медиадискурс представляется одной из наиболее продуктивных форм информационного воздействия, так как общественное мнение, во многом определяющее направления принятия политических и экономических решений, в значительной степени формируется посредством медиадискурса, который, как известно, не только отражает социальную действительность, но и конструирует ее. Представления о медиадискурсе как об особом типе речевой коммуникации и целенаправленном социальном действии предполагают актуальность рассмотрения дискурсивной формы информационной войны.

Рассматривая дискурс как «единство языковой формы, значения и действия в социальном контексте» [Калинин, 2018, с.13], мы полагаем, что одна из основных функций дискурса – это продуктивная репрезентация окружающего мира в формально-языковых структурах, что делает дискурс одним из инструментов познания мира и конструирования концептуальной картины мира человека. При этом на современном этапе развития информационных технологий роль СМИ в вопросах конструирования мира посредством медиа становится более очевидной, чем простая репрезентация, поскольку «социальный контекст однозначно подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми условностями и доступными ему интеллектуальными ресурсами» [История понятий, история дискурса, история менталитета, 2010, с. 13]. Как следствие, анализ медиадискурса, представляется значимым методологическим подходом при изучении информационной войны.

Многообразие концептуальных подходов и методических приемов к дискурс-анализу создает очевидную сложность. В этой связи мы ставим целью нашего исследования описание возможностей использования качественно-количественного контент-анализа для изучения информационной войны (*далее* ИВ).

Для достижения данной цели мы решаем ряд последовательных задач:

1) описание уровневой структуры ИВ и рассмотрение контент-анализа как одного из возможных методов исследования ИВ;
2) апробация возможностей качественно-количественного контент-анализа как метода исследования ИВ на материале репрезентации китайско-американской торговой войны в медиадискурсе КНР и США.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ НА ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМ УРОВНЕ

В нашем предыдущем исследовании мы описали уровневую модель ИВ как когнитивно-дискурсивного явления [Приходько, 2013]. Информационная война представляет собой сложносистемное когнитивно-дискурсивное явление, определяющееся перманентным многоуровневым информационным воздействием. Стратегической целью информационного воздействия выступает внесение изменений в концептуальную картину мира реципиента, так как «ИВ разворачивается в коммуникативном пространстве – пространстве эпистемологическом, смысловом, в котором языковые средства порождают, передают и хранят смыслы, способные трансформировать действительность в сознании реципиента» [Сидорова, Муравлёва, 2021, с. 34].

При этом минимальной единицей информационного воздействия является текст в его дискурсивной обусловленности, что представляет собой инструментальный уровень информационного воздействия. Несколько текстов, объединенных тематически, темпорально и прагматически, или один текст в совокупности с экстралингвистическими факторами его производства составляют дискурс, что представляет собой тактический уровень информационного воздействия [Приходько, 2023].

В этой связи одним из возможных подходов к изучению ИВ представляется критический дискурс-анализ [Simpson, Mayr, Statham, 2018; Wodak, 2011] видится предложенная Н. Фэйркло трехмерная модель, в которой речевой случай (коммуникативное событие) представлен в трех измерениях:

1) произнесенный / написанный текст (семантические, синтаксические и другие его особенности);
2) дискурсивная практика производства текста (контекст создания сообщения);
3) обрамляющая дискурсивную практику социальная действительность [Fairclough, 2013].

Подобная теоретическая основа проведения критического дискурс-анализа, являющаяся одной из возможных, предполагает исследование текстового уровня дискурса, а именно: выявление наиболее значимых с точки зрения частотности и смыслопорождения лексических единиц. Так мы приходим к уже известному и в значительной степени апробированному методу контент-анализа, который предполагает исследование лексического уровня информационного воздействия, т. е. выявление потенциально воздействующих лексических единиц, частотное использование которых предполагает достижение стратегической цели ИВ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты информационных сообщений, опубликованных на наиболее посещаемых новостных интернет-сайтах китайского и американского сегментов Интернета, освещающих политическую и экономическую обстановку в указанных странах с середины 2018 года до конца 2019 года. В фокусе нашего внимания оказалась ситуация «торговой войны» между США и Китаем. Общее количество текстов по данной тематике составило 100 единиц (около 150 тыс. иероглифов и более 50 тыс. слов).

Методология исследования заключается в проведении лингвопрагматического анализа текста, направленного на выявление общих лингвистических и прагматических характеристик текстов дискурса ИВ. Методологический инструментарий ограничен проведением контент-анализа, который включает два этапа:

1) ***количественный контент-анализ*** предполагает использование специального программного обеспечения для составления списка наиболее частотных лексем;
2) ***качественный контент-анализ*** состоит в группировании частотных лексем по тематическим блокам, выявлении смысловых закономерностей в их употреблении.

Для проведения контент-анализа нами использовалась программа для построения конкорданса и анализа текста AntConc (Build 3.5.8) [Anthony, 2013]. Выбранное программное обеспечение (*далее* ПО) обладает широким функционалом для проведения подробного анализа больших объемов текстовой информации и выявления заданных пользователем лексических единиц и их сочетаний.

Основной функцией ПО стала функция «Word List», которая позволяет быстро провести подсчет лексем корпуса. Результат представляется в виде упорядоченного списка, который дает возможность наглядно определить частотность всех лексем.

После проведения количественного анализа мы разделили наиболее частотные лексемы на тематические группы, внутри которых проводили дальнейший качественный анализ частотности каждой лексической единицы. Значимым этапом в нашем исследовании стал качественный анализ отдельных предложений, которые отражают позиции автора медиасообщения относительно торговой войны.

Кроме того, в ходе количественного анализа частотности лексем в собранных корпусах нами учитывались те лексические единицы, которые употреблялись 10 раз и более. В отдельных случаях мы обращали внимание на лексемы, частотность употребления которых ниже заявленной с целью изучения их окружения.

В результате проведения анализа нами был выделен перечень наиболее частотной и значимой с точки зрения изучаемого события лексики. Все полученные лексемы, кроме служебных, общеупотребительных и не имеющих коннотативного и эмоционально окрашенного значения, были разделены на несколько тематических разделов: государство и власть, география, военное дело, экономика.

Согласно результатам анализа (см. табл. 1), в данной тематической группе в текстах американских и китайских СМИ показатели лексики, называющей личность Д. Трампа и наименование его должности употребляются намного чаще, чем личность и должность Си Цзиньпина. Так, рейтинг частотности имени президента США в американских текстах занимает 15-е место, имя Си Цзиньпина – 400-е место. Такие показатели дают основания полагать, что президент США репрезентируется как медийная личность в контексте торговой войны, как один из основных ее факторов, а его личная роль в развитии событий по сравнению с руководителем такого же уровня со стороны КНР в медиадискурсе приобретает большое значение. Однако это не отрицает того, что СМИ КНР могут умышленно дистанцировать личность Си Цзиньпина от событий торговой войны в целях сохранения его репутации. Применимо к этому, стоит отметить факт низкой частотности употребления лексемы 中国共产党 (*КПК*), что также может относиться к попытке китайской прессы отделить власть от событий торговой войны. Сопоставив рейтинги словоупотреблений применительно к теме власти, отметим, что в китайских СМИ наблюдается высокая частотность обращения к лексеме 政策 (*политический курс*). Это позволяет судить о роли установленного политического курса, задающего ориентиры в развитии страны и подчеркивающего его плановость, отсутствие спонтанности и зависимости от внезапных шокирующих решений одного человека или

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
КИТАЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ

КНР			США		
Рейтинг	Частотность	Лексема	Рейтинг	Частотность	Лексема
38	186	特朗普	15	423	trump
400	28	习近平	183	36	xi
			456	15	jinping
1572	6	总书记	320	21	secretary
432	26	主席	1700	3	chairman
205	47	总统	48	149	president
55	142	政策	48	149	president
2372	3	中国共产党	62	115	administration

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
КИТАЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ГЕОГРАФИЯ

КНР			США		
Рейтинг	Частотность	Лексема	Рейтинг	Частотность	Лексема
2	159	中国	8	922	china
57	139	中方	17	368	chinese
592	19	中国政府	5108	1	sino
3	1495	美国	24	281	american
40	182	美方	30	233	states
209	47	美国政府	31	229	united
862	13	美国公司	144	46	america
1019	11	美国商务部			
1098	10	美资			
120	70	日本	188	34	japan
380	30	欧洲	200	33	korea
423	27	欧盟	264	25	europe
748	15	德国	293	22	hong
763	15	英国	344	19	kong
770	15	韩国	360	18	canada
975	11	加拿大	374	18	mexico
1062	10	印度	398	17	european
1245	8	俄罗斯	403	17	japanese
1268	8	墨西哥	472	15	singapore
1659	6	非洲	478	15	vietnam
4197	2	香港	582	12	korean
2694	3	法国	614	11	asian
			658	10	argentina
			665	10	brazil
			766	9	malaysia
			828	8	germany
			1010	6	canadian
			1066	6	iran

КНР			США		
Рейтинг	Частотность	Лексема	Рейтинг	Частотность	Лексема
2497 4541 2208	3 1 4	台湾 中国台湾 港澳台侨	408 5303	17 1	taiwan taiwanese
4197 4549	2 1	香港 中国香港	293 344	22 19	hong kong
28 31 35 250 638	222 207 201 41 18	世界 全球 国际 全球化 多边	77 78 117 1247 1513	90 88 54 5 4	global world international globalization multilateral
92 100 129	88 81 66	关系 中美关系 经贸关系	379 434	18 16	relations relationship

группы лиц. При этом американские СМИ концентрируют внимание реципиента на администрации президента США, привлекая основное внимание именно к ней и ее представителям, что персонифицирует события торговой войны для американской аудитории.

Согласно результатам анализа (см. табл. 2), названия стран США и Китая являются наиболее частотными по употреблению для новостных текстов обеих стран, но пропорциональное значение числа словоупотреблений различается. Так, и китайские, и американские СМИ одинаково часто используют слова со значением *Китай* и *китайский*, при этом наименование страны *США* и *Америка* (или *американский*) часто используется в китайских новостях, но редко в американских. Такое наблюдение дает основания судить о том, что американские СМИ создают дискурсивную реальность, для которой Китай связан с динамикой торговой войны гораздо больше, чем США. Предположительно, это делается для того, чтобы сфокусировать внимание реципиента на вопросах, связанных с действиями китайской стороны. При этом китайские новостные тексты оказываются более интроспективны за счет высокой частотности употребления лексики, связанной с Китаем.

Помимо основных участников торговой войны в текстах СМИ обеих сторон упоминаются и другие. Так, частотность упоминаний Японии, Южной Кореи и Европы (в качестве части света) пропорционально идентична, что может указывать на одинаковую вовлеченность в происходящие события. При этом для китайского новостного дискурса более релевантно упоминание Англии, России, Индии и даже Африки как части света, а для американского – более характерно апеллировать к Сингапуру, Вьетнаму, Гонконгу, Аргентине, Бразилии, Малайзии и Ирану. Допускаем, что СМИ обеих стран, ссылаясь на разные страны в новостных текстах, демонстрируют свою шкалу приоритетов в вопросах международного экономического сотрудничества. Так, частотность лексемы 关系 (*отношения*) в китайских новостях заметно выше, чем аналогичное *relations* (или *relationship*) в американском. Данное наблюдение говорит о том, что Китай в контексте торговой войны поддерживает свою вовлеченность в отношения с другими странами и подчеркивает высокую значимость феномена «отношений». Это также подтверждается устойчиво высокой ролью концептуального значения «гуаньси» (т. е. отношения) в глазах китайской аудитории. Кроме того, отмечается упоминание нового концепта китайской лингвокультуры – Сообщество единой судьбы (命运共同体), которое предполагает инклюзивность стран всего мира в дело создания человечества с общими целями и устремлениями.

Рассматривая результаты сравнения употребления лексем, связанных с пониманием мира и глобальных процессов, мы наблюдаем, что лексемы 世界 (*мир*), 全球 (*мировой, во всем мире*), 国际 (*международный*) имеют заметно более высокие показатели с аналогичными лексемами в американском дискурсе, что позволяет судить о взгляде китайских СМИ на торговую войну как на крупномасштабное явление, имеющее глобальное значение. В то время как для США, вероятно, торговая война представляется более значимым относительно локальным событием в парадигме отношений США – КНР, возможно, из-за личных

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
КИТАЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ВОЕННОЕ ДЕЛО

КНР			США		
Рейтинг	Частотность	Лексема	Рейтинг	Частотность	Лексема
13	376	贸易战	36	206	war
24	243	摩擦	311	21	fight
101	81	竞争	487	14	conflict
847	13	战争	718	10	wars
1008	11	斗争			
101	81	竞争	36	206	war
103	79	应对	205	32	hit
159	56	反制	225	30	threat
160	56	坚持	269	25	tensions
164	54	维护	311	21	fight
168	53	挑战	313	21	hurt
184	49	保护	384	18	threatened
241	42	冲击	474	15	target
364	31	打压	487	14	conflict
403	28	加强	488	14	damage
422	27	战	512	14	threats
704	16	反击	557	13	tat
712	16	捍卫	559	13	tit
847	13	战争	654	11	threatening
872	13	霸凌	706	10	retaliate
918	12	报复			
991	11	对抗			
1008	11	斗争			
71	107	战略	509	14	strategic
			713	10	strategy
2604	3	战术	989	7	tactics
			5300	1	tactic
1247	8	军事	1078	6	military
5039	1	军事力量			
2194	4	武器	1363	5	weapons
6841	1	核武器			

интересов президента США, что допустимо предположить исходя из высокой частотности обращения к его личности.

Также необходимо заметить, что в американских новостных текстах чаще, чем в китайских, встречаются наименования Тайваня и Гонконга. Это, возможно, объясняется тем, что американские СМИ рассматривают эти два субъекта отдельно от Китая. Такая установка противоречит официальной позиции Пекина, заключенной в политическом слогане «Одна страна – две системы» (一国两制).

Рассматривая показатели употребления лексики, описывающей противостояние сторон в борьбе (см. табл. 3), наблюдаем одинаковый уровень употребления синонимов, следовательно, торговая война для аудитории обеих стран интерпретируется именно как война, борьба, противостояние, битва, драка. При этом необходимо отметить существенное различие: в китайских новостных текстах чаще можно встретить 战略 (*стратегия, стратегический*), а в американских *tactics* или *tactic* (*тактика, тактический*). Это может свидетельствовать о том, что китайский новостной дискурс более

сосредоточен на стратегических аспектах торговой войны, которые, будучи крупнее по масштабам, затрагивают больше участников и т. д. В то время как для США эти экономические трения представляют собой локальный характер. Отметим, что для обеих сторон исключается тема силового воздействия друг на друга, торговая война остается лишь противостоянием экономик. Об этом свидетельствуют очень низкие показатели употребления лексем 军事 (*военный*) и 武器 (*оружие*), а также *military* (*военный*) и *weapons* (*вооружение*).

Несмотря на вышесказанное, для текстов обеих стран характерно использование военизированной лексики с одним различием: лексика, связанная с борьбой, сопротивлением, отстаиванием, защитой и провокациями чаще встречается в текстах китайских СМИ, при этом американский дискурс характеризуется лексикой со значением агрессивного настроения: *бить, угрожать, драться, ранить, напряженность, цель, конфликт, урон*. Это может косвенно свидетельствовать об «агрессивном» настроении американских СМИ, транслирующих соответствующее настроение своему реципиенту.

Рассматривая показатели употребления экономической лексики (см. табл. 4), мы наблюдаем ее высокую частотность в новостных текстах СМИ обеих стран, поскольку тема торговой войны освещает основные вопросы, напрямую связанные с экономической деятельностью. При этом представляется возможным сделать замечание, заключающееся в разнице тематических акцентов США и Китая. Так, в китайских новостных текстах наблюдается большое количество лексем: *экономика*

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
КИТАЙСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ЭКОНОМИКА

КНР			США		
Рейтинг	Частотность	Лексема	Рейтинг	Частотность	Лексема
11	526	经济	11	637	trade
12	515	贸易	46	152	economic
20	262	经贸	63	115	economy
208	47	经济体	150	44	trading
89	90	进口	76	93	imports
1222	9	进口商品	274	24	import
1916	5	进口关税	580	12	imported
			757	9	importing
43	177	出口	84	80	exports
783	14	出口额	272	24	export
829	13	出口商品	1231	5	exporting
867	13	进出口			
1052	10	出口品			
82	98	投资	133	49	investment
917	12	投资者	430	16	investors
1098	10	美资	581	12	investments
2073	4	外国投资	1835	3	invest
2379	3	中资	1836	3	investing
16	311	关税	14	429	tariffs
572	20	征税	96	75	tariff
929	12	税率	2898	2	tariffed
1916	5	进口关税			
360	31	华为	171	37	huawei
1101	10	苹果	1381	4	apple
312	35	大豆	213	31	soybeans
			407	17	soybean

(经济), *торговля* (贸易) и *торгово-экономический* (经贸). В то же время в американских новостных текстах единственная лексема по частоте употребления может соотноситься с вышеуказанными лексемами текстов СМИ КНР – *trade* (*торговля*). Остальные лексемы *economy* (*экономика*), *economic* (*экономический*) хотя и являются частотными, число их употреблений намного ниже. Это позволяет нам предположить, что для американских СМИ торговая война рассматривается как отдельно взятое событие, частично способное оказывать влияние на экономику в целом. При этом для Китая торговая война представлена с точки зрения ее экономической, торговой и торгово-экономической ценности.

Также, изучив показатели употребления лексем *импорт* (进口, *import*) и *экспорт* (出口, *export*) в новостных текстах США и КНР, наблюдаем, что в китайских СМИ тематический акцент смещен в сторону экспорта, а в американском – импорта. Предположительно, это связано с приоритетами в вопросах экономической деятельности. В то же время лексема 投资 (*инвестиция*) в китайских новостях употребляется в два раза чаще, чем *investment* (*инвестиция*) в американских. Это говорит о большой сфокусированности на экономических вопросах, связанных с инвестициями. Наиболее частотной лексемой, связанной с экономикой, в американских новостных текстах является *tariff* (*налог, пошлина*), что вместе с показателями употребления лексемы *trade* (*торговля*) может говорить о большой значимости темы торговых пошлин на товары в информационном дискурсе США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный метод анализа лингвистического материала является простым инструментом и не дает полного понимания о воздействии на концептуальную сферу массового адресата в рамках информационного воздействия в медиадискурсе, поскольку в значительной степени исключает анализ социального контекста и, следовательно, обладает определенной долей погрешности. Однако его использование позволяет составить базовое представление содержательной стороны сложившегося дискурса торговой войны между КНР и США и демонстрирует возможности использования качественно-количественного контент-анализа как метода исследования ИВ.

Учитывая промежуточные выводы по каждому тематическому направлению, представляется целесообразным объединить их: так, торговая война характеризуется агрессивной риторикой со стороны США, ярко фокусируемой на медийной личности президента США Дональда Трампа и его администрации. Они используют данное событие как показательную для всего мира «карательную» операцию в отношении Китая. В рамках данной риторики Гонконг и Тайвань как отдельные регионы Китая испытывают на себе особое внимание с американской стороны. Д. Трамп использует методы повышения таможенных пошлин на импортируемые из Китая товары. Для медиадискурса США свойственна стратегия, характеризующаяся позицией нападения в локальном противостоянии с Китаем.

Со стороны Китая ситуация характеризуется защитной риторикой, дистанцированностью власти от торговой войны, вероятно, для сохранения репутации политиков. В то же время акцентируется внимание на плановости экономики, позволяющей способствовать ее планомерному и поступательному развитию. При этом большое внимание уделяется объяснению данного события с опорой на концепцию «Сообщества единой судьбы». Исключается использование силовых методов, торговая война рассматривается лишь как взаимопротивостояние экономических систем. Новостной дискурс КНР характеризуется защитной позицией, задача которой транслировать концепт «торговая война» в качестве противостояния стратегического размаха.

Таким образом, использование контент-анализа как базового метода исследования инструментального уровня ИВ продемонстрировало свою валидность. Выявление частотной лексики, ее систематизация и кластеризация по тематическому признаку и последующий анализ могут быть признаны базовым этапом в системном исследовании ИВ как когнитивно-дискурсивного феномена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Калинин О. И,. Князева, Е.Г. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 441–446.
2. Калинин, О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: КноРус, 2018.
3. История понятий, история дискурса, история менталитета : сборник статей ; пер. с нем. / гл. ред. Х. Э. Бёдекер. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
4. Приходько, М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 57–71.

5. Сидорова Н. А., Муравлёва В. Р. Коммуникативная ситуация «информационная война»: прагматика и лингвистика. Москва: ИП Колмогоров Игорь Александрович, 2021.
6. Simpson P., Mayr A., Statham S. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Language and Power. Second edition. New York: Routledge, 2018. P. 58–65.
7. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Discursive Pragmatics. Amsterdam: John Benjamines Publishing Company, 2011. P. 50–70.
8. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language. Abingdon: Routledge, 2013.
9. Anthony L. A critical look at software tools in corpus linguistics // Linguistic Research, 2013. Vol. 30. № 2. P. 141–161.

REFERENCES

1. Kalinin, O. I., Knyazeva, E. G. (2023). Cognitive-discursive approach to information war. Cognitive Studies of Language, 3(54), 441–446. (In Russ.)
2. Kalinin, O. I. (2018). Osnovy` lingvopragmaticheskogo issledovaniya politicheskogo imidzha = Fundamentals of linguo-pragmatic study of language. Moscow: KnoRus. (In Russ.)
3. Byodeker, H. E. (Ed.) (2010). Istoriya ponyatij, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta = History of terms, history of discourse, history of mentality. Digest of articles, transl. from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
4. Prikhodko, M. V. (2023). Linguistic model of information war: structural elements and impact levels. Vestnik of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 3, 57–71. (In Russ.)
5. Sidorova, N. A., Muravlyova, V. R. (2021). Kommunikativnaya situaciya "informacionnaya vojna": pragmatika i lingvistika = Communicative situation "information war": pragmatics and linguistics. Moscow: IE Kolmogorov Igor` Aleksandrovich. (In Russ.)
6. Simpson, P., Mayr A., Statham, S. (2018). Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In Language and Power (pp. 58–65). Second edition. New York: Routledge.
7. Wodak, R. (2011). Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. In Discursive Pragmatics (pp. 50–70). Amsterdam: John Benjamines Publishing Company.
8. Fairclough, N. (2013). Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language. Abingdon: Routledge.
9. Anthony, L. (2013). A critical look at software tools in corpus linguistics. Linguistic Research, 30(2), 141–161.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинин Олег Игоревич
доктор филологических наук
доцент 36-й кафедры
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
доцент кафедры китайского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Приходько Марк Владимирович
адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kalinin Oleg Igorevich
Doctor of Philology (Dr. habil.)
Associate Professor at the 36th Department
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Associate Professor at the Chinese Language Department, Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Prikhodko Mark Vladimirovich
Adjunct, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	10.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	30.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования

Е. А. Княжева[1], К. И. Таунзенд[2]

[1]*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*knel@cs.vsu.ru*
[2]*townsendX@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты диахронического анализа феномена оценки качества перевода на материале метапереводческого дискурса XVIII в. Ретроспективный взгляд на данную проблему и дискурсивный анализ исторических документов позволили выявить неизменность требований к содержательной стороне и приоритет языковых критериев в оценке качества перевода научного труда по древней истории, что было обусловлено культурной прагматикой переводческой ситуации в России восемнадцатого столетия.

Ключевые слова: оценка качества перевода, конвенциональная норма, переводческая ситуация XVIII века, критерии оценки, рецензирование переводов, самооценка переводчика

Для цитирования: Княжева Е. А., Таунзенд К. И. Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 48–54.

Original article

Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective

Yelena A. Knyazheva[1], Ksenia I. Taunzend[2]

[1]*Voronezh State University, Voronezh, Russia*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*knel@cs.vsu.ru*
[2]*townsendX@yandex.ru*

Abstract. The paper presents the diachronic approach to translation quality assessment treated as 18th century meta-translational discourse. A retrospective view of the phenomenon through the discourse analysis of historical documents has revealed, firstly, the immutable law of content equivalence and, secondly, the priority of linguistic criteria in assessing the translation quality of a scientific work on ancient history. The latter factor is determined by the cultural pragmatics of the 18th century translation situation in Russia.

Keywords: translation quality assessment, conventional norm, 18th century translation situation, assessment criteria, translation review, translator's self-assessment.

For citation: Knyazheva, Ye. A., Taunzend, K. I. (2023). Assessment of Specialized Translation Quality: Diachronic Perspective Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 48–54.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что сама формулировка данной проблемы – *оценка качества перевода* – связана, прежде всего, с современным этапом развития перевода и переводоведения, актуальность диахронического аспекта ее исследования несомненна. И объясняется это не только тем, что доступный на сегодняшний день фактический материал является мало изученным. Введенные в научный оборот исторические документы, в которых зафиксированы результаты критического анализа переводов, представляют интерес по целому ряду причин. Во-первых, данный аспект является интегральной составляющей проблемы оценки качества перевода (*далее* ОКП) в целом, поскольку владение исторической информацией во многом помогает дополнить наши знания о формировании традиций переводческой критики, которые не потеряли своего значения и сегодня. Во-вторых, анализ суждений оценивающей стороны (*далее* ОС), представленных в имеющихся на сегодняшний день документах, позволяет получить уточненные данные об источниках и путях формирования переводческой нормы рассматриваемого исторического периода. В-третьих, изучение оценочных определений, которые использовались ОС в критических отзывах (рецензиях), дает представление о характерной для конкретной эпохи концептуализации понятий *правильный / неправильный перевод*. В-четвертых, анализ критических отзывов на перевод позволяет выделить основные критерии оценки перевода (в данном случае не формализованные, а скорее, понимаемые интуитивно). И в-пятых, исследование фактического материала рецензий на перевод XVIII века, а также и письменных ответов переводчиков на критические замечания ОС, позволяет получить представление об этической и интерпретационной позиции участников конкретного переводческого процесса.

Материалом настоящего исследования является метапереводческий дискурс XVIII века, который, согласно трактовке В. Б. Кашкина, включает разнообразный спектр устных и письменных текстов – предисловий к переводам, рецензий, сносок, примечаний, размышлений о переводе, отражающих обыденные и научные представления. Эти аспекты и жанры объединяет их расположение вне собственно текста перевода как объекта критики [Кашкин, 2010]. Таким образом, в зоне внимания оказываются сохранившиеся до наших дней рецензии и официальные заключения о переводах, которые выполнялись российскими переводчиками XVIII века.

В первую очередь отметим три по-своему ярких и интересных случая явно выраженной оценки качества перевода, представленных в документах рассматриваемой эпохи: в отзыве российских академиков на перевод труда по истории (1750 г.), в рапорте переводчика Синода с замечаниями на перевод религиозного сочинения (1775 г.) и в рецензии на русский перевод сентиментального романа, опубликованной в журнале за 1791 год. Эти случаи различаются и по составу участников с обеих сторон (переводчиков и оценивающих перевод лиц), и по характеру текстов переводов, а также по институциональным и прочим прагматическим параметрам. Тем не менее между ними прослеживаются и общие черты, заметные на теоретическом уровне анализа феномена ОКП. И поскольку для философско-гносеологического обобщения любого явления (в данном случае явления ОКП) требуется сначала тщательное феноменологическое изучение отдельных его аспектов, данная работа видится авторами как первая часть цикла статей, посвященных ретроспективному исследованию ОКП текстов различной функциональной направленности.

В настоящей статье проблема ОКП специальной литературы будет рассмотрена на материале рецензий и официального заключения о переводе многотомного сочинения Плутарха «Жития славных мужей». Этот перевод был осуществлен переводчиком Академии наук, коллежским асессором Сергеем Саввичем Волчковым летом 1750 года с французского перевода Дациера. Результаты разбора и критического анализа перевода С. С. Волчкова зафиксированы в заключении Академии наук 1750 года, представленном в рапорте И. И. Тауберта, а также в критических отзывах М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского 1750–1751 годов. Исходя из широкой трактовки метапереводческого дискурса, нами были также рассмотрены представляющие значительный интерес ответы переводчика на критические замечания академиков, содержащиеся в письме С. С. Волчкова в Академию наук от 29 октября 1750 года.

Изучение проблемы ОКП традиционно осуществляется с использованием метода сравнения оценочных суждений с текстами перевода и оригинала. Однако при исследовании диахронического аспекта ОКП мы применяли дискурсивный метод из аппарата лингвистики, а также диахронический и ретроспективный методы из арсенала исторической науки.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время многие исследователи связывают эволюцию взглядов на перевод и его оценку

с так называемой конвенциональной нормой, т. е. характерной для определенного исторического периода системы представлений о том, каким должен быть правильный перевод [Комисаров, 1990]. Исходя из этого, можно предположить, что суждения оценивающей перевод стороны основываются на установлении соответствия или же несоответствия конвенциональной норме перевода. Однако, на наш взгляд, в своем «чистом виде» конвенциональная норма существует как достаточно обобщенное понятие, ведь формирование переводческой нормы – процесс постепенный и длительный. Описание доминирующих взглядов на перевод, характерных для конкретной эпохи, как правило, относится к какому-либо историческому периоду в целом, в то время как более узкий срез эмпирических данных, зачастую представляет достаточно противоречивую картину.

В настоящее время основными оценочными определениями и соответствующими категориями, через которые описываются результаты перевода, являются понятия эквивалентности и адекватности. Однако нельзя не признать, что подход такого рода в большей степени характерен для теоретических исследований и неизбежно ведет к необходимости уточнения концептуальной стороны данных понятий [Княжева, 2018]. Как известно, в классических работах В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера, Ю. В. Ванникова, В. Колера, М. Бейкер, Ю. Хаус, К. Райс, Г. Фермеера и др. понятия эквивалентности и адекватности рассматриваются с различных позиций. Когда же речь идет о разборе и анализе конкретных результатов перевода, например в той же учебной сфере, то основой для оценочной деятельности является нормативный раздел переводоведения, ориентированный на систематизацию правил и переводческих рекомендаций.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Возвращаясь к переводческой ситуации XVIII века, отметим, что в данном случае нам не приходится говорить о переводческой теории как таковой, однако при этом нельзя не признать, что практически с самых ранних этапов переводчики всегда стремились осмыслить результаты своего и чужого труда [Гарбовский, 2004]. Переводческая рефлексия получала отражение в критических отзывах (рецензиях) на чужие переводы, а также, по всей видимости, и в самооценке, на основе которой в текст перевода вносились различного рода изменения и исправления. Несмотря на то, что представления о требуемом качестве перевода были, скорее, интуитивными, сведения о том, каким образом переводчики пытались достичь оптимального результата, можно получить из современных исторических и филологических исследований, посвященных изучению документов, которые отражают работу над текстом конкретных переводчиков, а также из сохранившихся рецензий.

Как отмечает Л. Л. Кутина, в начале XVIII века перевод научной литературы был государственном делом и лишь изредка осуществлялся по инициативе частных лиц, и поэтому над переводами работала целая группа переводчиков, действия которой координировались и согласовывались. Оценка переводов, или «свидетельствование их годности», осуществлялась в процессе редактирования, которое, как и сам перевод, было делом коллективным. К сожалению, письменных документов, показывающих, как именно проходило это «свидетельствование», не сохранилось, если такие записи вообще велись.

Однако следующая цитата позволяет предположить, что надлежащее качество перевода научной литературы понималось как *соответствие представлениям* о научном сочинении, хотя, конечно, до ясно понимаемых параметров научного стиля было еще далеко: «В предисловии к переводу “Комментариев” академии говорится: *Всякому преводнику такие диссертации (рассуждения) преводить давали, о нем же известно знали, что он вещь оную наилутче разумеет, к тому же и самый перевод в присутствии всех преводников читан и свидетельствован был*. Нам мало известно, как было поставлено переводческое дело в Славяно-греко-латинской академии, но сходство приемов, строгое следование определенным грамматическим нормам, близость в нормах словоупотребления – всё это также говорит о существовании известной переводческой традиции» [Кутина, 1966, с. 15].

Что касается собственно *оценки* переводов, практика их рецензирования в Академии наук начала XVIII века, существовавшая еще до М. В. Ломоносова, говорит о том, что оценка результата являлась важной составляющей переводческого процесса.

Теперь обратим внимание на ряд существенных различий между ситуацией, связанной с оценкой качества перевода в XVIII веке и сегодняшним днем. В настоящее время мы разграничиваем *оценку промежуточную*, к которой относятся самооценка переводчика и оценка редактора, и *оценку конечную*, к которой относятся оценка заказчика и получателя. Такое разграничение оказывается полезным и в исследовательских целях, поскольку помогает объяснить причины разброса мнений в оценочных суждениях. Вполне доступен сегодня

и фактический материал, на основании которого мы можем получить необходимые сведения: например, различные версии переводного текста с исправлениями, внесенными в текст самим переводчиком, редакторская правка и данные обратной связи, которые представлены оценочными суждениями получателя.

К сожалению, мы не располагаем аналогичным фактическим материалом XVIII века в достаточном количестве, однако интересующую нас информацию мы можем получить из некоторых сохранившихся документов. В отношении самооценки, а скорее, саморефлексии переводчика, имевшей место в процессе создания текста перевода, большой интерес представляет черновая рукопись И. П. Сатарова, переводчика при Морском кадетском корпусе. Процесс работы переводчика на материале этой рукописи описан в диссертации К. И. Таунзенд, в разделе «Наблюдения за процессом работы русского переводчика XVIII века» [Таунзенд, 2021]. Отметим, что в данном случае было бы сложно говорить о четкой границе между оценкой собственных решений, принимаемых *в процессе перевода*, и самооценке *конечного результата*, поскольку самооценка осуществляется не только по окончании работы. Таким образом, здесь, по всей видимости, можно говорить о субъекте промежуточной оценки, осуществляемой самим переводчиком. Что касается редакторской правки того времени, то таких материалов, насколько нам известно, не сохранилось.

Если же рассуждать о том, на каком уровне осуществляется оценка перевода, то на современном этапе мы можем констатировать наличие четкой границы между профессиональной и непрофессиональной оценкой. Первая осуществляется внутри переводческого процесса, а вторая исходит от заказчика или конечного получателя, т. е. является внешней. Однако в России XVIII века эта граница оказывается размытой, поскольку оценку перевода осуществляли исключительно те лица, которые сами имели практический переводческий опыт. И хотя в рассматриваемый период времени переводческого образования как такового не существовало, любое другое образование подразумевало прежде всего перевод как важный этап получения профессиональных знаний. Кроме того, и академическое сообщество, и военные, и гражданские чины, и духовное звание занимались переводом при достижении определенных высот в своем роде занятий. Таким образом, оценка перевода (как и сам перевод) требовала определенного уровня образования, общей эрудиции и знаний. Безусловно, в то время имели место и промежуточная, и конечная оценка, что обусловлено самой сущностью переводческой работы, однако материальных свидетельств промежуточной оценки мы не найдем, потому что она, как правило, не фиксировалась, а если и фиксировалась, то вряд ли сохранилась за 300 лет. Сегодня нам известно лишь о фактах устных «свидетельствований» переводов в академическом собрании, и «редактировании» переводов учащихся, однако какие-либо артефакты до наших дней не дошли. Причина вполне очевидна: такой «черновой», промежуточный материал по определению носит временный характер и не переживает даже своих создателей.

ОЦЕНКА АКАДЕМИЕЙ НАУК КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА С. С ВОЛЧКОВА

Перевод Сергея Саввича Волчкова рецензировался академиками М. В. Ломоносовым, В. К. Тредиаковским, С. П. Крашенинниковым по мере поступления томов. Результаты его разбора и критического анализа зафиксированы в заключении Академии наук 1750 года, а также в критических отзывах М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского 1750–1751 годов. Этот перевод получил крайне негативную оценку академиков, о чем свидетельствует следующая резолюция Академии наук 1750 года. «Перевод совсем не годной, а переводчик совсем не знает ни самых малых грамматических правил. Сим переводчиком толь важная, полезная и слаткая книга приводится в бесславие, а не препоручается читателям. Словом, перевод сея книги требует искусного человека» (цит. по: [Самарин, 2022, с. 65]). В официальном заключении о переводе С. С. Волчкова, представленном в рапорте переводчика Императорского Московского университета и адъюнкта Академии наук И. И. Тауберта, сказано следующее: «сего переводу не только поправить не можно, но еще гораздо лехче будет во всем новой зделать» [там же, с. 64].

Основные претензии к переводу С. С. Волчкова были сформулированы академиками на основе выявленных ошибок, к которым, как показывает рассмотренный материал, они отнесли следующие[1]:

во-первых, академики отметили случаи некорректного перевода прецедентных имен собственных:

> В собственных именах, как то: вместо Дионисия — Денис, вместо Евстафия — Евстат, вместо Есхиля — Ешиль, вместо Тебанский или уже Фивейский — у него Фиванский и прочие; также нет в них и равности, как то: инде Ромулус, инде Ромул и прочие;

[1] Нижеследующие цитаты XVIII в. приводятся по отзыву М. В. Ломоносова [Ломоносов, 2012, с. 534–535].

во-вторых, рецензентами были выявлены необоснованные пропуски в переводе некоторых исторических примечаний французского переводчика, а также нарушения на уровне связности текста:

> Во многих местах пропущены совсем исторические примечания, которые положены Дациером, а оные надобны необходимо. <…> Некоторые из них частями токмо переведены, а не все, а особливо где греческие цитации, которые везде им опущены, без чего примечания оные уже недействительны, и толь наипаче, что у г. асессора кусочки оные и худое еще связание между собою имеют.

в-третьих, были сделаны критические замечания, касающиеся стилистики переводного текста:

> Господина асессора весь стиль очень неисправен и во многих местах против свойства российского языка весьма погрешено, также и сила французских слов переведена неправо во многих местах, отчего преизрядная сия книга не может понравиться всему обществу читателей наших…

в-четвертых, рецензентов не устроило использование переводчиком заимствованных слов в тех случаях, когда была возможность использовать средства переводящего языка:

> Толкования российских речений иностранными, как например: «родословие, то есть генеалогия», никуда не годны.

в-пятых, переводчику было указано на многочисленные орфографические ошибки в тексте перевода:

> Господина асессора очень странна и ортография, ибо он везде на конце речей, в средине и в начале вместо литеры «в» пишет «ф», когда оное «в» не с гласного, но с согласною твердою совокупно находится, как то: вместо все, у него фсе. Нет же у него разности между «ф» и «?», также между «?» и «е»…

Таким образом, здесь мы можем сделать вывод о том, что рецензенты руководствовались содержательными и языковыми оценочными критериями, которые сегодня считаются хрестоматийными. В данном случае для содержания оказывается критичной полнота передачи информации, а для качества ПЯ – стиль и орфография.

При оценке переводов неизбежно возникает такой вопрос, как *приоритетность критериев* [Княжева, 2018], однако в данном случае можно, пожалуй, говорить о равноценной важности содержательного и языкового, или даже в какой-то степени приоритетности языкового критерия. Здесь очевидна общая мировоззренческая позиция людей того времени, когда они все были в той или иной мере озабочены возможностями и ресурсами родного языка, потому что знание иностранных языков показало возможности литератур других народов, а чувство национальной гордости побуждало создавать нечто сопоставимое на своем языке. По этой же причине у И. П. Сатарова в переводе мы наблюдаем в один ряд набор различных вариантов соответствий латинским терминам, например, *владелец*, *стяжатель*, *посессор* и пр. Словари того времени тоже давали множественные варианты, а это говорит о том, что так называемая многоименность была распространена и в переводческой, и в лексикографической практике. Поиск и выбор соответствий осуществлялся по лексико-стилистическому критерию: русское обиходное / церковно-славянское / заимствованное. Иноязычный оригинал и ориентация на него – столь естественные для современности факторы ОКП – для русских академиков и переводчиков XVIII века представляются второстепенными, потому что в центре их мировоззрения и попечения находилась судьба национального языка. Возможно, в этом заключается одно из кардинальных отличий ОКП в России XVIII и XXI веков.

Интересно и то обстоятельство, что в архиве РАН сохранились также своеобразные свидетельства «обратной связи», из которых мы узнаем, что сам переводчик был категорически не согласен с академической оценкой его труда. Подробный обзор этих документов содержится в монографии А. Ю. Самарина [Самарин, 2022].

Реакция С. С. Волчкова на критику академиков получила отражение в его ответном письме[1]. Интересно, что в данном случае переводчик ссылается на причины неудачных переводческих решений с характерной «оправдательной» прагматикой. Например, многочисленные пропуски в своем переводе С. С. Волчков объясняет тем, что он оба тома *без Лексикона переводил и как человек ошибиться мог*. И действительно, словаря у С. С. Волчкова не было. Рассматриваемый критический отзыв относится к 1750 году, в то время как первый французско-немецко-латинско-русский словарь, а точнее, «с литеры А по литеру G», т. е. его первая часть, был издан в России в 1755 году. Вторая часть вышла только в 1764 году. Кстати, по иронии судьбы переводил на русский этот словарь, т. е. добавлял

[1] Далее по тексту слова С. С. Волчкова из этого письма выделены курсивом и приводятся по монографии А. Ю. Самарина [Самарин, 2022, с. 63–67].

русскую часть к трехъязычной иностранной части, всё тот же С. С. Волчков.

В целом же на замечания, касающиеся стиля переводного текста, переводчик реагирует весьма эмоционально, отмечая, что при Академии *много таких, у которых штиль хуже моево*. А что касается орфографических ошибок, к которым, в частности, относится написание слова *все* с буквы *ф* (*фсе*), то переводчик объясняет это особенностями произношения. И справедливости ради следует сказать, что подобное обоснование вполне понятно в контексте рассматриваемой эпохи, так как в то время зафиксированная орфографическая норма отсутствовала.

Таким образом, отвечая на критику академиков, переводчик исходил из суровой правды жизни, когда его стиль был не лучше и не хуже других, потому что литературный язык еще не был выработан (недаром М. В. Ломоносов взялся за написание Грамматики и Риторики). Зафиксированной орфографической нормы тоже не было, как не было и словарей в помощь переводчику.

Однако, пожалуй, главное свое оправдание С. С. Волчков видел в *признании и принятии его переводов высокопоставленными особами,* которым он их постоянно подносил. Переводчик подчеркивает, что ни один из четырех российских послов, при которых он служил в Берлине, *штиля моего площадным признавать не изволил*. И вообще тот факт, что российские монархи (Анна Иоанновна, Елизавета Петровна) и высокопоставленные вельможи благосклонно принимали его переводы, уже достаточен для того, чтобы отказать Академии в праве переведенные им *книги ревизовать*. Таким образом, говоря современным языком, оценка конечного получателя оказывается для переводчика высшим приоритетом, что соответствует и переводческой ситуации наших дней.

Известно также, что С. С. Волчков отказывался вносить в текст своего перевода какие-либо исправления, объясняя это следующим образом:

> Лутчие французские и немецкие книги многими погрешностьми против грамматики и правописания наполнены; чего ни самому за книги принявшемуся ангелу убежать невозможно.

Но при этом переводчик продолжал присылать тома своих переводов в Академию наук, которые ложились мертвым грузом в Библиотеку на хранение без всякой надежды на публикацию. После рецензирования второго тома 29 мая 1751 года В. К. Тредиаковский вынес окончательное отрицательное заключение о переводе Волчкова и отказался редактировать его перевод: «…[А]сессор Волчков, вместо чтоб благодарить, поносит за то и злобствует на исправителя, как то он и со мною поступил, когда я ему показал в Савариевом Лексиконе вместо его *чернослив*ных *бобков* зерна так называемого деревца *какао*, и премногия другия погрешности, да и поныне меня везде он злословит» (цит. по: [Самарин, 2022, с. 65]).

Судьба рассматриваемого перевода, пожалуй, на этом и заканчивается. Согласно Сводному каталогу русских книг гражданской печати, сочинение Плутарха «Житие славных в древности мужей… с французскаго на российской язык перевел Сергей Глебов. Т. 1 – 2» вышло в типографии Сухопутного кадетского корпуса в Санкт-Петербурге в 1765 году, т. е. спустя 14 лет, и в совсем другом переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первый взгляд, процесс формирования оценочного суждения скрыт от непосредственного наблюдения, тем более, что речь идет о переводческой ситуации XVIII века, т. е. времени весьма от нас отдаленном. Однако некоторые сведения можно получить, проведя комплексный дискурсивный анализ фактов ОКП на основе данных лингвистики, переводоведения и истории. И в первую очередь, эта информация касается организации переводческого процесса и различий во взглядах ОС и самого переводчика. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что, согласно позиции ОС, перевод должен был соответствовать представлениям академиков о научном сочинении по истории и являть собой образец, как надо переводить и даже писать подобные сочинения. Иными словами, оценка перевода осуществлялась путем установления соответствия идеальной модели, или идеальному эталону, поскольку о реальных образцах для подражания говорить не приходится – до них было еще далеко. Поэтому от переводчика требовали, скорее, создания такого образца, хотя в явном виде это не было прописано, а скорее, присутствовало имплицитно. Таким образом, суждения о «неправильном переводе» выносились на основе сравнения с оригиналом, с одной стороны, и с представлениями о «правильном переводе» – с другой, которые формировались коллегиально в отзывах и рецензиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж: Издатель О. Ю. Алейников, 2010.
2. Комисаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и ф-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.

3. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика. М.: ФЛИНТА, 2018.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004.
5. Кутина Л. Л. Формирование терминологии физики в России (период предломоносовский: первая треть XVIII века). М.–Л.: Наука, 1966.
6. Таунзенд К. И. Перевод как фактор развития национального языка и культуры России XVIII века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
7. Самарин А. Ю. Академический переводчик С. С. Волчков и книжное дело в России XVIII века. М.: Янус-К, 2022.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. М.-СПб: Наука, 2012. Т. 9.

REFERENCES

1. Kashkin, V. B. (2010). Paradoksy granicy v yazyke i kommunikacii = Paradox of Limits in Language and Communication. Voronezh: Izdatel' O. Yu. Alejnikov. (In Russ.)
2. Komisarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation Theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
3. Knyazheva, E. A. (2018). Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika = Translation Quality Assessment: History, Theory, Practice. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
4. Garbovskij, N. K. (2004). Teoriya perevoda = Translation Theory. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
5. Kutina, L. L. (1966). Formirovanie terminologii fiziki v Rossii (period predlomonosovskij: pervaya tret' XVIII veka) = Formation of Russian Physics Terminology before Lomonosov. Moscow–Leningrad: Nauka. (In Russ.)
6. Taunzend, K. I. (2021). Perevod kak faktor razvitija nacional'nogo jazyka i kul'tury Rossii XVIII veka = Translation as a factor of language and culture development in 18th century Russia: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Samarin, A. Yu. (2022). Akademicheskij perevodchik S. S. Volchkov i knizhnoe delo v Rossii XVIII veka = An Academic Translator S. Volchkov and the Publishing Business in 18th century Russia. Moscow: Yanus-K. (In Russ.)
8. Lomonosov, M. V. (2012). Polnoe sobranie sochinenij = Collection of works (vol. 9): in 10 vols. Moscow – St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Княжева Елена Александровна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежского государственного университета

Таунзенд Ксения Игоревна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Knyazheva Yelena Alexandrovna
Candidate of Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Translation and Professional Communication
Voronezh State University

Taunzend Ksenia Igorevna
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
the Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.9, 811.92

Основные причины создания конструированных языков

А. А. Костюхин
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.kostyuxin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные причины создания искусственных языковых систем. Исследование осуществлялось с использованием таких эмпирических и теоретических методов, как описание, анализ и синтез. Результатом работы стало выделение ключевых причин языкового конструирования. Автор статьи делает вывод, что изучение конструированных языков позволяет обеспечить комплексный подход к исследованию естественного языка как феномена человеческой культуры.

Ключевые слова: лингвоконструирование, интерлингвистика, естественные и искусственные языки, конструирование миров

Для цитирования: Костюхин А. А. Основные причины создания конструированных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 55–61.

Original article

Key Motives for the Creation of Constructed Languages

Aleksey A. Kostyuhin
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.kostyuxin@mail.ru

Abstract. The article investigates the main motives for constructing artificial language systems. The author examines the issue using such methods as description, analysis and synthesis of information. The result of the study is an analytical review of the key motives for the design of constructed languages. The author comes to the conclusion that studying language construction makes it possible to take a holistic approach to the study of natural language as a phenomenon.

Keywords: language construction, interlinguistics, natural and artificial languages, world-building

For citation: Kostyuhin, A. A. (2023). On the motives for the creation of constructed languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 55–61.

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о перспективах интерлингвистических исследований, следует заметить, что их актуальность в первую очередь определяется необходимостью решения целого ряда проблем. Так, одним из существенных вопросов, относящихся к кругу проблем интерлингвистики, является проблема языкотворчества. Безусловно, это не означает, что данная проблема никогда не затрагивалась зарубежными и отечественными лингвистами, которые посвящали свои исследования такому феномену человеческого существования, как язык. Впервые вопрос о творческом начале в языке был поставлен в концепции немецкого филолога и языковеда В. фон Гумбольдта (1767–1835). Гумбольдт считал, что к языку следует относиться не как к мертвому порожденному (Erzeugtes), а как некоему порождению (Erzeugung). С точки зрения Гумбольдта, язык является не продуктом деятельности (Ergon), а воплощением самой деятельности (Energeia) [Гумбольдт, 2000].

Как отмечает О. А. Радченко, впоследствии эта идея великого немецкого философа была доработана в трудах основателя Харьковской лингвистической школы А. А. Потебни (1835–1891) и основателя неогумбольдтианского направления в языкознании Й. Л. Вайсгербера (1899–1985), отмечавших, что язык является не только энергейей, но и совокупностью двух вышеобозначенных ипостасей [Радченко, 2022].

Гумбольдт также полагал, что появление языка продиктовано внутренней потребностью человека. Язык, по Гумбольдту, не просто средством внешней коммуникации, поддержания социальных связей, но представляет собой природную характеристику человека и необходим для стимулирования деятельности его духовной силы, формирования мировоззрения, что может быть достигнуто только при наличии тесной связи между его индивидуальным мышлением и общественным. Он писал, что если рассматривать каждый взятый в отдельности язык как попытку, направленную на то, чтобы удовлетворить эту внутреннюю потребность, а целый ряд языков – как совокупность подобных попыток, то можно утверждать, что языкотворческая сила человека будет существовать до той поры, пока – будь то в целом, будь то в частном – она не произведет на свет такие формы, которые полнее и совершеннее всего будут отвечать предъявляемым требованиям. Человеческий язык является одним из тех феноменов, которые побуждают человеческую духовную силу к постоянной деятельности. В этом смысле уместно говорить о желании претворить идею совершенного языка в жизнь. Главная задача лингвиста, с точки зрения Гумбольдта, заключается в том, чтобы проследить и подробно описать это стремление [Гумбольдт, 2000].

Похожие размышления можно встретить в трудах немецкого философа М. Хайдеггера (1889–1976), считавшего, что с помощью языка человек осуществляет интерпретацию всего бытия. С его точки зрения, язык является онтологической характеристикой человеческого бытия, его «домом» [Хайдеггер, 1993].

Тем не менее тот факт, что на сегодняшний день в языкознании не существует более или менее целостной теории языкотворчества, с точки зрения А. Д. Дуличенко, показателен. Построение такой теории является одной из задач как интерлингвистики, так и общего языкознания, так как вопрос о том, как создается языковое – один из важнейших в науке о языке. Подобная близость интересов общего языкознания и интерлингвистики как самостоятельной дисциплины подчеркивает важность и теоретическую значимость последней. Направление интерлингвистики, задачей которого является построение языковых подсистем и полноценных систем на основании уже имеющегося языкового материала или практически без учета такового, принято называть *лингвопроектированием*, или *лингвоконструированием*. Предложенные для обозначения данного направления в 1920–1930-е годы Е. Ф. Спиридовичем термины «лингвотехника» и «лингвотехнология»[1] так и не получили распространения [Дуличенко, 1990]. Вслед за Дуличенко мы полагаем, что это объясняется неэффективностью предлагаемого термина, так как он не отражает ни сути исследуемого явления, ни подхода к его изучению.

О. Н. Шувалова предлагает ввести новый термин для обозначения науки, которая бы исследовала искусственные языки и их виды, а также сочетала бы в себе достижения таких областей современного языкознания, как интернет-лингвистика, интерлингвистика и др. Целью данной дисциплины, которую О. Н. Шувалова предлагает именовать *лингвоконструктологией*, должно стать изучение различных типов искусственных языков и факторов, оказывающих влияние на процесс и результат деятельности авторов лингвопроектов. В рамках этого направления автор статьи предлагает заниматься сопоставлением и обобщением данных в области теории языка, изучением возможности более полного исследования языка как системы и анализом различных граней лингвокреативного творчества человека [Шувалова, 2021].

[1] Термин, по свидетельству Спиридовича, принадлежит советскому лингвисту Г. О. Винокуру (1896–1947).

Представляется целесообразным поддержать такой подход, поскольку современное лингвоконструирование уже давно не вписывается в рамки традиционной интерлингвистики, изучающей только международные искусственные языки и принципы их моделирования. Следует также отметить, что ряд современных лингвистов, занимающихся вопросами языкового конструирования, в частности С. Л. Хигли и Э. Хиггинс, используют в своих работах термин «глоссопейя» (glossopoeia), однако он не является широко распространенным [Higley, 2007; Higgins, 2016].

О ПРИЧИНАХ ЯЗЫКОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Вопрос о причинах конструирования искусственных языковых систем поднимался в целом ряде работ по интерлингвистике. Некоторые исследователи в качестве одного из мотивов[1] лингвоконструирования называют неудовлетворенность человека существующими этническими языками и стремление к совершенствованию человеческого языка (а посредством него и человеческого мышления) [Blanke, 1985; Дуличенко, 1990; Пиперски, 2017]. Подобные мотивы создания конструированных языков Д. Бланке предлагает именовать лингвофилософскими. Так, проект логлан (Logical language) Дж. К. Брауна (1921–2000) был в первую очередь разработан им для проверки гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой отдельные этнические языки по-разному влияют на человеческое мышление и предписывают ему различные картины мира. Если мышление действительно определяется конкретным языком, то полностью свободный от присущих естественным языкам свойств логический язык должен был бы, по мнению Брауна, повлиять на мышление и усовершенствовать его работу [Brown, 1989].

Создание еще одного международного языка не было главной целью и Александра Гоуда (1906–1970), автора языка интерлингва. Будучи также сторонником гипотезы лингвистической относительности, Гоуд посредством своего лингвопроекта хотел смоделировать «язык среднеевропейского стандарта» (Standard Average European), о котором писал в своих трудах Б. Л. Уорф (1897–1941) [Whorf, 1964] и который, по его убеждению, наиболее точно соответствовал бы сформировавшемуся под влиянием западноевропейской цивилизации современному образу мышления [Gode, 1953].

Однако целью лингвопроектирования далеко не всегда может быть стремление к некоему идеалу. Оно может преследовать и более практические задачи: в частности, облегчить международную коммуникацию посредством создания единого, удобного в освоении и использовании языка [Бланке, 1989; Пиперски, 2017]. Сегодня в качестве лингва франка на международной арене выступает английский язык, однако может сложиться впечатление, что это не совсем справедливо (подробнее о роли английского языка в современном мире см. [Германова, 2019]). С точки зрения эсперантиста Х. Шмитца, использование в качестве средства международного общения планового языка (эсперанто) способствует устранению дискриминации одного из участников коммуникации, которая неизбежно возникает в процессе общения с использованием естественного языка. Даже хорошо владеющий английским языком человек в общении с носителем языка будет находиться в менее выигрышном положении, в то время как при использовании планового языка такой ситуации возникнуть не может, поскольку данный язык будет иностранным по отношению к обоим коммуникантам[2].

В качестве еще одного мотива разработки плановых языков может выступать желание автора добиться определенных социальных (гуманистических, националистических или даже империалистических) изменений путем введения международного языка [Бланке, 1989; Дуличенко, 1990]. Примером могут послужить гуманистические мотивы установления всеобщего мира при помощи универсального, или международного, языка. Так, чешский философ и педагог Я. А. Коменский (1592–1670) обобщил в своих работах ключевые гуманистические постулаты своего времени. В его трудах, в особенности в работе «Путь света» (*Via lucis*), есть размышления о необходимости создания универсального языка. В трактате «Панглоттия» (*Panglottia*) Коменский обосновал тезис о том, что различие языков является главной причиной вражды между народами. Благодаря существованию универсального языка, который должен был быть совершенен, «все люди снова стали бы такими, какими они когда-то были: одной расой, одним народом, одной семьей, одной школой Бога» (цит. по: [Бланке, 1989, с. 102]). В «Панглоттии» ученый подробно изложил свое представление о том, как должен выглядеть универсальный язык. Коменский считал универсальный язык необходимым условием создания гармоничного мирового порядка. Аналогичные мысли можно встретить в работах и других авторов проектов

[1] Термин заимствован из работ Д. Бланке (1941–2016).

[2] URL: https://www.dw.com/de/esperanto-mehr-als-eine-hilfssprache/l-18703640#:~:text=Obwohl%20es%20mehrere%20Hunderttausend%20Menschen,Sprachgrenzen%20hinweg%20verst%C3%A4ndigen%20zu%20k%C3%B6nnen.

искусственных языков. Многие из них полагали, что благодаря универсальному языку можно будет привнести согласие в раздираемый в первую очередь языковыми противоречиями мир, так как основную причину войн они усматривали в проблемах взаимопонимания между людьми. Данные представления обнаруживаются также в трудах создателя эсперанто Л. Л. Заменгофа (1859–1917), проведшего свою юность в Белостоке, располагавшимся в польской части Российской империи. В этом городе проживали русские, поляки, немцы и евреи. Между ними часто происходили конфликты и столкновения, являвшиеся, как отмечает Бланке, следствием российской колониальной политики. Для Заменгофа причина всех этих конфликтов заключалась в различии языков. Он писал, что в этом городе более чем где-либо впечатлительная натура могла испытать на себе гнетущее несчастье разноязычия и осознать, что различие языков представляет собой единственную или по крайне мере главную причину, разделяющую человеческую семью и делящую ее на враждебные части. При помощи своего универсального языка, а также универсальной религии и учения, известных под названием «гилелизма» (*hilelismo*) и позднее «гоморанизма» (*homoranismo*), Заменгоф хотел устранить ненависть между народами. Он пояснял: «Разноплеменная разобщенность и вражда полностью исчезнут в мире только тогда, когда все человечество получит один язык и одну религию, так как тогда все человечество действительно будет представлять собой только один род человеческий. На Земле и тогда будут продолжаться различные потрясения, которые довлеют внутри каждой страны и народа, как, например, волнения политические, партийные, экономические, классовые и т. д. Но самое ужасное из любой вражды – ненависть между народами – исчезнет вовсе» (цит. по: [Бланке, 1989, с. 102]).

Многие авторы проектов искусственных языков, вслед за Заменгофом, стали провозглашать аналогичные гуманистически ориентированные, однако нереалистичные, положения главным мотивом своих работ, которые можно было бы лаконично резюмировать словами К. Помпьяти, автора проекта *Nov Latin Logui*: «Если все люди смогут понять друг друга – войны не будет» [там же]. Однако, как отмечает Бланке, история уже многократно доказывала, что языковое единство не может помешать войне.

Однако авторы проектов плановых языков могут стремиться не только к пацифизму и миру между народами, но также руководствоваться националистическими или даже шовинистическими мотивами. Большая группа модифицированных современных языков включает в себя подгруппы бейсик языков, реформированных языков и зональных языков. Как замечает Бланке, разработка и распространение подобных языков всегда сопряжена с националистическими и шовинистическими мотивами. Все реформированные языки, точно так же как и языки группы бейсик (при условии, что последние создавались для того, чтобы использоваться в роли международных языков), основываются на превосходстве одного языка (или языковой группы) над другими. Так, идеи превосходства немецкого языка (и его носителей) находят отражения в трудах Освальда Зальцманна, автора проекта реформированного немецкого, и Адальберта Бауманна (1870–1943), создателя мирового диалекта Wede (Weltdialekt). Зальцманн считал, что у немецкого языка были бы все шансы стать единственным международным языком, если бы он не был таким трудным для изучения: «Иностранец…, который хочет или должен изучать немецкий, мог бы разозлиться из-за ужасов языка, недостойного большого культурного народа. Если нас, немцев, так не любят в мире, мы должны рассматривать эту печальную ситуацию почти исключительно как вину языка» (цит. по: [Бланке, 1989, с. 103]). Заявления Бауманна звучат куда более радикально: «Благодаря победе в мировой войне 1914–1915 гг., политический вес и репутация Германии неизмеримо выросли. Весь мир ищет дружбы с сильным. Подобно цветку перед солнцем, так и все большие народы склонятся перед Германией в последующие десятилетия все больше и больше, чтобы получить от нее культурный свет и социальное тепло. Совсем не зря сделать как раз немецкий язык основой международного языка, сознавая, что никакой другой язык не подходит для этого лучше, и, кроме того, со всей скромностью справедливо сказать, что Германия по объективному суждению всех народов имеет самое большое моральное право дать миру вспомогательный язык, рожденный в ее недрах, всемирный язык в немецком, а не романском духе. Германия – один из самых больших фокусов цивилизации, который когда-либо знала история» [там же].

В качестве еще одной причины интереса к созданию конструированных языков О. Н. Шувалова и М. Ю. Сидорова в своей работе «Интернет-лингвистика: вымышленные языки» называют рост разнообразия и значения игровой деятельности людей, осуществляемой посредством языка. С точки зрения исследователей, сегодня всё больше людей проявляют интерес к тому, как человек выражает свои мысли, какими потенциальными возможностями обладает человеческий язык. Языкотворчество выполняет важную гносеологическую

функцию, проявляющуюся в познавательной деятельности человека, осуществляемой посредством языка и направленной как на внутреннюю сущность человека, так и на окружающий его мир, а также стимулирует развитие интеллектуальных способностей личности [Шувалова, Сидорова, 2006]. Получение удовольствия от процесса языкотворчества также приводится в качестве одной из причин языкового конструирования в работах других лингвистов [Blanke, 1985; Бланке, 1989; Пиперски, 2017]. На сегодняшний день в мире зарегистрировано более 1,5 тыс. проектов вымышленных языков, разработанных энтузиастами языкового конструирования.

В вышеупомянутой монографии О. Н. Шувалова и М. Ю. Сидорова отмечают важную черту коммуникации в современном мире – тенденцию к построению искусственных миров, которую можно наблюдать в самых разных сферах коммуникации, начиная с рекламы и кинематографа до ролевых игр и вымышленных миров, функционирующих в Интернете. Сегодня при создании вымышленных миров активно используются принципы трансмедиа[1], согласно которым происходит экспансия контента в самых разнообразных проявлениях. Одним из таких способов расширения фантастической вселенной является создание вымышленного языка, находящегося в тесной связи с конструированным миром и направленного на его популяризацию. Данная тенденция подводит к еще двум важным мотивам конструирования языков на современном этапе. С одной стороны, языковое конструирование для фантастических миров может использоваться как некое экспериментальное поле, на котором авторы таких языков не только проводят апробацию созданных языковых систем, но и ставят лингвистические эксперименты, проверяют гипотезы, трактующие связи между языком и сознанием / мышлением и речью, и просто делают интересные наблюдения за языком. С другой стороны, как отмечает в своей работе А. Ч. Пиперски, искусственные языки могут разрабатываться и для художественных нужд. Такие языки принято именовать *артлангами* (от *англ.* artistic language художественный язык) [Пиперски, 2017]. Следует отметить, что, если раньше авторы литературных и кинематографических произведений создавали подобные языки самостоятельно, зачастую не обладая достаточными знаниями в области языковедения, то в наши дни конструированием языков для вымышленных миров занимаются профессиональные лингвисты. Американский лингвист и конлангер[2] Д. Питерсон отмечает, что первым лингвистом, приглашенным специально для этих целей, стала ученый-лингвист Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе В. Фромкин (1923–2000), разработавшая в 1974 году язык *Paku* (также именуемый *Pakuni*) для телесериала «Затерянный мир» (*Land of the Lost*) [Peterson, 2015; Питерсон, 2018]. Сам Питерсон является первым в мире исследователем, регулярно занимающимся конструированием языков на профессиональной основе. За свою карьеру он разработал более 30 языков, среди которых дотракийский и высокий валирийский языки для сериалов телеканала HBO «Игра престолов» и «Дом дракона», язык чакобса для киноленты Д. Вильнева «Дюна», Старшая речь (*Hen Linge*) для сериала компании Netflix «Ведьмак» и др. Приведенные выше факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что сегодня лингвоконструирование выходит на совершенно новый уровень, что вызывает необходимость осмысления связанных с ним вопросов не только с позиции интерлингвистики, но и с точки зрения теории языка в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что проведенное исследование позволило выделить лишь наиболее важные мотивы, движущие создателями конструированных языков и что, безусловно, существуют и другие причины, которые побуждают их заниматься языкотворчеством (стремление к реформам сторонников уже существующих языковых систем, разработка искусственного языка для общения с внеземными цивилизациями, индивидуальные мотивы и др.). Подчеркивая возрастающую актуальность изучения языкового конструирования, необходимо указать и на общетеоретическую значимость подобных проектов, поскольку исследования искусственных языков позволяют обеспечить комплексный подход к рассмотрению языка как феномена.

[1] Подробнее о таких принципах см., в частности [Gambarato, 2013].

[2] Энтузиаст языкового конструирования

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
2. Радченко О. А. Язык как миросозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: URSS, 2022.

3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
4. Дуличенко А. Д. Языкотворчество как (интер)лингвистическая проблема // Interlinguistica Tartuensis VII: Интерлингвистическое конструирование и языковые реформы. Сборник памяти академика Пауля Аристэ. Ученые записки ТартуГУ. 1990. Вып. 904. С. 10–29.
5. Шувалова О. Н. Лингвоконструктология как одно из новейших направлений современного языкознания // Modern Science. 2021. Вып. 1–1. С. 329–334.
6. Higley S. L. Hildegard of Bingen's unknown language: an edition, translation and discussion (The New Middle Ages). New York: Palgrave Macmillan, 2007.
7. Higgins A. Glossopoeia and World-Building: Exploring J. R. R. Tolkien's Four Key Characteristics for Art-Languages by Other Practitioners of the 'Secret Vice'. 2016, March 18. URL: https://www.academia.edu/23452014/Glossopoeia_and_World_Building_Exploring_J_R_R_Tolkiens_Four_Key_Characteristics_for_Art_Languages_by_Other_Practioners_of_the_Secret_Vice
8. Blanke D. Internationale Plansprachen. Eine Einführung. Berlin: Sammlung Akademie-Verlag, 1985.
9. Пиперски А. Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
10. Brown J. C. Loglan 1: A Logical Language. Gainesville: The Loglan Institute, 1989. 4th ed.
11. Whorf B. L. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge: MIT Press, 1964.
12. Gode A. The Case for Interlingua // The Scientific Monthly. 1953. Vol. 77, № 2. P. 80–90.
13. Бланке Д. Лингвофилософские и идеологические мотивы создания плановых языков // Interlinguistica Tartuensis VI: Общая интерлингвистика и плановые языки. Ученые записки ТартуГУ. 1989. Вып. 858. С. 95–108.
14. Германова Н. Н. Английский язык сквозь призму социолингвистики: теоретические аспекты языкового варьирования. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
15. Шувалова О. Н., Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: 1989.ру, 2006.
16. Gambarato R. R. Transmedia project design: Theoretical and analytical considerations // Baltic Screen Media Review. 2013. Vol. 1, № 1. P. 80-100.
17. Peterson D. J. The art of language invention: from Horse-Lords to Dark Elves to Sand Worms, the words behind world-building. New York: Penguin Books, 2015.
18. Питерсон Д. Дж. Искусство создания языков: от вымершего языка высших классов до наречия кровожадных воинов-кочевников / пер. с англ. Н. Ю. Жуковой. М.: АСТ, 2018.

REFERENCES

1. Humboldt, W. von. (2000). Izbrannye trudy po jazykoznaniju = Selected Writings on Linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Radchenko, O. A. (2022). Jazyk kak mirosozidanie: lingvofilosofskaja kontseptsija neogumbol'dtianstva = Language as World Creation: Linguo-Philosophical Foundations of Neo-Humboldtianism. Moscow: URSS. (In Russ.)
3. Heidegger, M. (1993). Bytie i vremja: stat'i i vystuplenija = Being and Time: Articles and Contributions. Moscow: Respublika. (In Russ.)
4. Dulichenko, A. D. (1990). Yazykotvorchestvo kak (inter)lingvisticheskaya problema = Language creation as a linguistic and interlinguistic problem. Interlinguistica Tartuensis VII: Interlingvisticheskoje konstruirovanie i jazykovye reformy. Vypusk pamjati akademika Paulja Ariste. Uchenye zapiski of Tartu State University, 904, 10–29. (In Russ.)
5. Shuvalova, O. N. (2021). Lingvokonstruktologiya kak odno iz noveyshikh napravleniy sovremennogo yazykoznaniya = Language construction as one of the newest directions of modern linguistics. Modern Science, 1-1, 329–334. (In Russ.)
6. Higley, S. L. (2007). Hildegard of Bingen's unknown language: an edition, translation and discussion (The New Middle Ages). New York: Palgrave Macmillan.
7. Higgins A. (2016, March 18). Glossopoeia and World-Building: Exploring J. R. R. Tolkien's Four Key Characteristics for Art-Languages by Other Practitioners of the 'Secret Vice'. https://www.academia.edu/23452014/Glossopoeia_and_World_Building_Exploring_J_R_R_Tolkiens_Four_Key_Characteristics_for_Art_Languages_by_Other_Practioners_of_the_Secret_Vice
8. Blanke, D. (1985). Internationale Plansprachen. Eine Einführung. Berlin: Sammlung Akademie-Verlag.
9. Piperski, A. Ch. (2017). Konstruirovanie jazykov: Ot esperanto do dotrakijskogo = Construction of Languages: From Esperanto to Dothraki. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.).

10. Brown, J. C. (1989). Loglan 1: A Logical Language. Gainesville: The Loglan Institute. 4th ed.
11. Whorf, B. L. (1964). Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge: MIT Press.
12. Gode, A. (1953). The Case for Interlingua. The Scientific Monthly, 77 (2), 80–90.
13. Blanke, D. (1989). Linguo-philosophical and ideological motives for the creation of planned languages. Interlinguistica Tartuensis VI: obshchaja interlingvistika i planovye jazyki. Uchenye zapiski of Tartu State University, 858, 95–108. (In Russ.)
14. Germanova, N. N. (2019) Anglijskij jazyk skvoz' prismu sotsiolingvistiki: teoreticheskije aspekty jazykovogo var'irovanija = English through the Prism of Sociolinguistics: Theoretical Aspects of Language Variation. Moscow: FGBOU VO MGLU. (In Russ.)
15. Shuvalova, O. N., Sidorova M. Yu. (2006). Internet-lingvistika: vymyshlennye jazyki = Internet Linguistics: Constructed Languages. Moscow: 1989.ru. (In Russ.)
16. Gambarato, R. R. (2013). Transmedia project design: Theoretical and analytical considerations. Baltic Screen Media Review, 1(1), 80–100.
17. Peterson, D. J. (2015). The Art of Language Invention: from Horse-Lords to Dark Elves to Sand Worms, the Words Behind World-Building. New York: Penguin Books.
18. Peterson, D. J. (2018). Isskusstvo sozdanija jazykov: ot vymershego jazyka vysshikh klassov do narechija krovozhadnykh voinov-kochevnikov = The Art of Language Invention: from the Extinct Language of Upper Classes to the Speech of Bloodthirsty Nomadic Horse Warriors, transl. by N. Yu. Zhukova. Moscow: AST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюхин Алексей Александрович
преподаватель кафедры немецкого языка и перевода
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostyuhin Aleksey Aleksandrovich
Lecturer at the Department of German and Translation and Interpreting
Post-graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК: 811.581

Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть – целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление)

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
krasikova.liza@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ и сопоставление когнитивных оснований категоризации в английском и китайском языках на примере лексико-семантической группы «часть – целое». Исследование показало, что в рассматриваемых языках имеются сходные когнитивные доминанты, но они формируются на разных языковых уровнях и составляют разные кластеры.

Ключевые слова: когнитивные доминанты, концепт, категоризация, лексико-семантические группы, английский язык, китайский язык, классификаторы

Для цитирования: Красикова Е. А. Когнитивные доминанты смыслового пространства «часть–целое» в китайском языке (англо-китайское сопоставление) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 62–68.

Original article

Cognitive Dominants of the Semantic Space “part – whole” in Chinese (English-Chinese comparison)

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze and compare the cognitive bases of categorization in English and Chinese using the example of LSG “part– whole”. The research is based on the hypothesis that in any linguistic lexical system there are cognitive dominants that determine the uniqueness of the semantics of lexical units and ensure the formation of semantic fields. Conceptualization shows that there are similar cognitive dominants in English and Chinese, but they are formed at different language levels and form different clusters.

Keywords: cognitive dominants, concept, categorization, lexico-semantic groups, English, Chinese, classifiers

For citation: Krasikova, E. A. (2023). Cognitive dominants of the semantic space “part – whole” in Chinese (English-Chinese comparison). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 62–68.

ВВЕДЕНИЕ

«Часть – целое» – это категория, которая присутствует во всех языках, поскольку является важной составляющей знаний о мире. Данную категорию трудно исследовать, поскольку все объекты окружающей действительности могут разлагаться на части или составляться из частей, что затрудняет проведение словарной выборки для определения состава лексико-семантической группы (*далее* ЛСГ). Категория «часть – целое» уже была исследована нами ранее на материале английского языка. В ходе исследования нами был проанализирован центр внутренней структуры лексико-семантической категории «часть – целое» с целью выявления когнитивных доминант, определяющих разделение ЛСГ на тезаурусные блоки. В результате исследования была получена матрица когнитивных доминант. Далее возникает вопрос о том, является ли эта матрица, точнее концептуальные составляющие категории «часть – целое» в английском языке, универсальной или она культурно-специфична.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Проблема языковых универсалий значима для мировой лингвистики. По определению Ч. Ф. Хоккета, языковая универсалия – это «некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом. Утверждение о существовании предполагаемой языковой универсалии представляет собой некоторое обобщение о языке» [Хоккет, 1970, с. 45].

Проблема универсалий также имеет большое значение для развития семантических исследований. С. Ульманн выделяет так называемые лексические константы, т. е. «предметы, события или другие явления, столь существенные, что они должны быть тем или иным способом обозначены в любом языке; то, как они выражаются – связанной основой, простым словом, сложным словом или даже словосочетанием, – является уже вторичным вопросом» [Ульманн, 1970, с. 286].

Проблема семантического поля также является одним из главных вопросов в области языковых универсалий. Так, можно говорить о значительной разнице в числе и характере цветовых обозначений в разных языках. В латинском языке, например, нет специальных слов для обозначений коричневого или серого цветов; в русском существует различие между *синим* и *голубым*. И то, и другое в английском обозначается одним словом *blue*. В языке навахо есть два слова для обозначения черного цвета: одно обозначает темные предметы, другое – предметы, черные как уголь [Ульманн, 1970]. Вопрос о том, возможны ли универсалии на концептуальном уровне (т. е. на уровне концептуальных оснований семантики) до настоящего времени не ставился.

Целью данной статьи является сопоставление концептуальных оснований категории «часть – целое» в английском и китайском языках для того, чтобы определить, насколько велики сходства и различия в концептах, которые определяют структуру лексико-семантической группы «часть – целое» в этих двух неродственных и разноструктурных языках.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования были отобраны английские существительные (365 ед.) и китайские лексемы (14 ед.) с общим значением «часть – целое». В качестве лексикографических источников использовались данные английских и китайских толковых и этимологических словарей (The Concise Oxford Dictionary[1], Oxford Advanced Learners' Dictionary[2], Rodale's Synonym Finder[3], «汉典»[4], «象形字典»[5]).

Анализ семантики каждой отдельной единицы был основан на теории о том, что все значения лексемы представляют собой некую когнитивную общность, в которой могут быть выделены наиболее важные когнитивные составляющие – когнитивные доминанты (*далее* КД). Под КД нами понимаются частные концепты, которые регулярно воспроизводятся в семантике слов, относятся к некоторой предметной области и являются наиболее характерными для понимания и описания данного фрагмента действительности [Болдырев, Григорьева, 2018].

Для выделения КД нами была разработана специальная методика анализа, которая реализовывалась в несколько этапов. На первом этапе проводилось изучение семантики лексических единиц, отобранных из лексикографических источников с выделением их концептуальной внутренней формы (КВФ) [Беляевская, 2007]. В ходе анализа определялись систематически воспроизводимые в их семантической структуре концептуальные представления – более общие (базовые концепты) и более частные (концептуальные операторы). На втором этапе фиксировались концептуальные составляющие, которые являются наиболее активными и воспроизводимыми в концептуальной

[1] COD – The Concise Oxford Dictionary. 6th ed. / by J. B. Sykes. Oxford: Clarendon Press, 1976.

[2] OALD – A. S. Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. New ed. Oxford: Oxford University Press, 1977.

[3] RSF – J. I. Rodale. The Synonym Finder. New York: Warner Books, 1998.

[4] 汉典. URL: https://www.zdic.net/

[5] 象形字典. URL: https://www.vividict.com/Public/index/page/index/index.html

внутренней форме лексических единиц и в особенности гиперонимов анализируемой ЛСГ. Далее нами проводилось сопоставление выделенных в ходе исследования когнитивных доминант в двух анализируемых языках.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Посредством многоступенчатого анализа в английском материале были выделены КД, составляющие иерархическую структуру, представленную на следующей схеме, которую можно считать базовой матрицей КД ЛСГ «часть – целое» в английском языке [Красикова, 2021] (см. рис. 1).

Рис. 1. Базовая матрица когнитивных доминант и концептуальных операторов ЛСГ «часть целого» в английском языке

При сопоставлении английского материала с китайским языком оказалось, что в нем действуют те же самые концепты, что и в английском языке, но они по-разному группируются, или к ним могут добавляться те концепты, которые в английском языке не релевантны.

Перейдем к рассмотрению концептуальных оснований категории «часть – целое» в китайском языке.

Нами были выделены 12 китайских лексем, формирующих лексико-семантическую категорию «часть – целое». Рассмотренные единицы могут выступать в качестве полнозначных существительных, но могут также выполнять функцию счетных слов[1].

Рассмотрим следующую связку когнитивных доминант: КД «часть на фоне целого» + КД «часть структуры» + КД «количественная часть».

В английском языке КД «часть на фоне целого» и КД «часть структуры» реализуются совместно и часто их трудно разграничить. В китайском языке, на наш взгляд, это противопоставление прослеживается более четко.

Так, идеограмма 段 [duàn], согласно словарю 说文解字 «Шовэнь цзецзы»[2], появилась в китайском языке со значением «раскалывать вещь бамбуковой пикой». В этимологии данного слова имеется указание на то, что часть отделяется от целого при помощи инструмента 殳 (*бамбуковая пика*). Данная графема содержится в самой структуре иероглифа и указывает на характер отделения части от целого, т. е. часть отделяется от целого посредством удара бамбуковой пикой. Также в семантике данной лексемы содержится идея части на фоне целого. В семантике лексемы нет указания на форму, однако высвечивается идея небольшой составной части, что становится очевидным при изучении контекстов ее реализации. Рассмотрим следующие примеры[3]:

这段路已经封闭 –
Этот участок дороги закрыт.

编辑把整段全删掉了 –
Редактор вычеркнул весь абзац.

他过了一段悲惨的生活 –
Он прожил один отрезок жалкой жизни.

他的小说风行了一段长时间 –
Его роман долгое время пользовался большой популярностью.

В английском языке идею части на фоне целого также реализует лексема *portion*, в семантике которой акцентируется указание на часть, предназначенную для получателя (divided between two or more people), т. е. это часть, отделенная от целого для какой-либо ***цели*** или для дальнейшего использования. В свою очередь, в китайском языке существует фоноидеограмма 份 [fèn], в первом значении которой содержится идея *обладания и внешней красотой, и внутренними качествами в равной степени, от* 人 *человек*, от 分 (фонетик). В первую очередь семантика данной лексемы фокусируется на идее выделения некоторой части целого какому-либо человеку, т. е. здесь разделение осуществляется по персоналиям. Кроме того, здесь присутствует идея «частей, которые группируются вместе, чтобы сформировать единое сложное целое». Например, в словаре находим дефиницию, в которой

[1] См. о китайском классификаторе 台 [Шахаева, Красикова, 2019].

[2] 汉典. URL: https://www.zdic.net/

[3] Yellow Bridge. URL: https://www.yellowbridge.com/chinese/sentsearch.php?word=%E6%AE%B5

указано, что в качестве классификатора данная лексема употребляется со словами, которые «считались или группировались вместе (комплектом)», например:

三份报纸 три экземпляра газеты
共两份 всего две копии
一份礼物 один подарок
怎样挽留一份爱情? Как удержать любовь?[1]

В приведенных выше примерах есть указание на то, для чего предназначается та часть целого, о которой идет речь. Например, экземпляры газеты предназначаются для чтения, подарок предназначен для того, чтобы отдать его кому-либо. Любовь, очевидно, воспринимается как сложное комплексное целое, своеобразный целый комплект, состоящий из таких частей, как чувства и эмоции.

Следующая группа лексем 处, 科, 卷, 集, 册, 部 реализуют КД «часть структуры». Рассмотрим каждую из этих лексем подробнее.

Этимологию знака 处 [chù] проследить достаточно сложно, однако в «说文解字» дается следующий комментарий: «стоять неподвижно», от 几 *столик* и夂 *волочить ноги*[2]. Данный комментарий можно интерпретировать как то, что в КВФ данной лексемы содержится указание на остановку в определенной точке с какой-либо целью, причем возможно цель обусловлена бюрократическими или административными вопросами, на что указывает маркер 几 «столик». Таким образом, в семантике лексемы имеется указание на характер целого: структуру, ситуацию, определяющую выделение части (т. е. часть выполняет некоторую функцию), а также на конечную точку, пункт остановки. Рассмотрим примеры реализации данной лексемы, где идеи, подсказанные этимологией, становятся очевидными:

三处洋楼 три многоэтажных дома
办事处 контора, канцелярия, филиал, агентство, представительство
售票处 билетная касса
好处 преимущество

Из примеров видно, что лексема входит в качестве родовой морфемы в названия самых различных учреждений или их частей, может употребляться в качестве классификатора для зданий и учреждений, а также в качестве морфемы употребляется в именах существительных, маркируя фиксированную точку.

[1]汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E4%BB%BD]
[2]汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E5%A4%84

Идеограмма 科[kē] зафиксирована в словаре «说文解字» со значением «мера, от 禾 хлеб на корню, хлеб в зерне и 斗 мера сыпучих и жидких тел, равная 10 шэн, около 10, 35 литра»[3]. Данную дефиницию в процессе концептуализации можно интерпретировать следующим образом: идеограмма 科 сформирована из двух графем禾 + 斗, которые формируют первое значение данного иероглифического знака: «10, 35 л зерна», или «один доу зерна», т. е. это мера объема или веса для сыпучих тел. Таким образом, в КВФ слова прослеживается идея части на фоне целого + количественная часть, причем целое состоит из равных и фиксированных по объему частей. Точные количественные данные также могут указывать на идею функции, т. е. причастности к государственным органам, которым было необходимо (поручено) распределять зерно на фиксированные по объему части. Данная идея прослеживается в следующих примерах:

工科 технические науки
人事科 отдел кадров
科研所 научно-исследовательский институт (НИИ)[4]

В свою очередь, лексема 卷 [juàn] имеет первое значение «изогнутый коленный сустав, от 卩 «коленце бамбука»[5]. Исходя из этимологии знака, можно предположить, что в семантике лексемы фиксируется идея части структуры, а также идея изогнутой формы. Проиллюстрируем данные концепты примерами:

一卷线 катушка (*бобина*) ниток
一卷纸один рулон (*свиток*) бумаги
铺盖两卷 постелей – две (два тюка)
一卷书 один том книги

Из примеров видно, что данная лексическая единица обозначает изогнутую по форме часть какой-либо структуры, например письменных документов в форме свитков.

Перейдем к рассмотрению идеограммы 集 [jí], которая зафиксирована в словаре «说文解字» со значением «стая птиц на дереве», от 雥*стая птиц*, от 木*дерево*.[6] В семантике знака зафиксирован концепт такого соотношения части и целого, когда целое составляется из частей, при этом часть является составляющей структуры. Неслучайно поэтому, что первое значение данной лексемы в качестве глагола – «собираться». В качестве

[3]象形字典. URL: https://www.vividict.com/Public/index/page/index/index.html
[4] 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E7%A7%91
[5]汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E5%8D%B7]
[6]汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E9%9B%86

существительного данный иероглифический знак употребляется в значении «часть (романа, кинофильма), серия, том, собрание (сочинений)» и т. п. Такая интерпретация соотношения части и целого проявляется в контекстной реализации:

这部影片分上、下两集。– Этот фильм разделен на два ***эпизода***: первый и второй.

Пиктограмма 册 [cè] буквально иллюстрирует следующую ментальную картинку: две сплетенные дощечки бамбука, которые формируют книгу[1]. В КВФ данного слова прослеживается идея целого как сложной структуры, сформированного из частей, более того, здесь в отличие от предыдущей лексемы имеется имплицитное указание на физический, а не абстрактный характер целого, а именно на твердый переплет. Такие концептуальные составляющие проявляются и в контексте, например:

两册书订在一块儿了 –
Две ***книги*** (оба тома) переплетены вместе.

В семантике лексемы 部 [bù] также содержится идея части как составного элемента сложного целого, состоящего их отдельных блоков. Об этом свидетельствует первое значение лексемы «древнее название местности ханьцев (нынешняя провинция Ганьсу, городской округ Тяньшуй), от 邑 “город, городское поселение”, указывает на принадлежность к административно-территориальному делению».[2]

Анализ функционирования данной лексической единицы показал, что чаще всего данная лексема употребляется со значением функционального или территориального деления (в английском языке такому смыслу лучше всего соответствует *department*). Анализ показывает, что в КВФ китайского слова имеется указание на то, что часть входит в целую структуру и предназначается для каких-либо специальных целей или для последующего использования. В качестве такой сложной структуры может выступать некая организация, учреждение, механизмы или творческие произведения (см. подробнее Красикова, 2022). Например:

一部书 том книги
两部机器 две машины (два механизма)
三部电影 трилогия (*о фильмах*)
外贸部 министерство внешней торговли[3]

В английском языке лексические единицы *grain, atom, particle, molecule, granule, mote, trifle, mite, iota, modicum* реализуют КД «часть на фоне целого» и КД «малая часть». Отметим, что в семантике данных лексем имеется указание на то, что в качестве целого выступает структура вещества. Аналогом в китайском языке может служить лексема 粒 [lì]. Данная лексическая единица первоначально использовалась со значением «зернышко, крупинка», а позднее стала употребляться в значении «что-либо, напоминающее зернышко». Из КВФ слова следует, что данная лексема обозначает часть на фоне целой структуры. Графема 米 *рис в зернах* является маркером, эксплицирующим семантику данного слова, которая основывается на образе очень маленького по размеру и круглого по форме кусочка, напоминающего зернышко, что подтверждается следующими примерами:

三粒子弹 три пули
一粒米 зернышко риса
一粒糖 одна конфета
一粒沙 песчинка

Интересно отметить, что в отличие от английского языка, в китайском языке представление о малой части имеет более сложное концептуальное основание, поскольку в него входит не только концептуальная оппозиция «малая часть vs большая часть», но и концептуальная оппозиция «очень малая часть vs небольшая часть». Кроме того, иероглифический знак 端 [duān] реализует КД «часть на фоне целого» + КД «количественная часть». Первое значение иероглифического знака 端 «прямо стоять, конец, верхушка» (графема 立 *останавливаться*.[4].Также это единица измерения длины ткани в древнем Китае, два *чжана* 丈 (3,33 м x 2) равняются одному *дуаню*. Таким образом, это мера длины равняется 6,66 м. Например, 一端幔帐 – *занавес*, *полог*. Таким образом, в семантике данного иероглифического знака реализуется не только КД «части на фоне целого», но одновременно зафиксировано указание на точный количественный размер (6,66 м), при этом форма нерелевантна.

Обратимся к анализу КД «часть от утерянного целого» в китайском языке. Следующая лексическая единица 截 [jié] также зафиксирована в словаре 说文解字со значением «разрубать, разрезать, используя клевец». Графема 戈 *клевец*, *алебарда* также присутствует в графической структуре анализируемого знака, указывая на инструмент клевец, которым часть была отделена от целого, а именно отрезана, отрублена. В семантике

[1] 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E5%86%8C
[2] 汉典. URL https://www.zdic.net/hans/%E9%83%A8
[3] 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E9%83%A8
[4] 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E7%AB%AF

лексемы нет указания на форму и размер части, однако имплицируется характер целого, т. е. целым является твердый, прочный объект, который можно разделить на части физически, приложив усилия при помощи режущего инструмента. Таким образом, фокус номинации фиксируется на характере отделения части от целого, что подтверждается следующими примерами:

半截砖 половина кирпича
一截粉笔 кусок мела

Иероглифический знак 残 [cán] (сопоставим с английской лексемой *remnant*) впервые зафиксирован в китайском языке со значением «порочный вор, преступник, разбойник». Графема 歹 (*порочный, дурной, плохой*) в анализируемом иероглифическом знаке является оценочной концептуальной составляющей, указывающий на плохой, дефектный характер части. В КВФ данной лексемы также имеется указание на небольшой размер оставшейся части, а также указание на временную и пространственную локализацию. Рассмотрим следующие примеры:

残肴 остатки еды
残敌 остатки вражеских войск
残月 луна на ущербе
残冬 зима на исходе[1]

На основании анализа языкового материала можно сделать следующие выводы. В китайском языке при формировании ЛСГ «часть – целое», в основном, действуют те же самые когнитивные доминанты что и в английском языке, отражающие общие знания о мире. Однако группировки когнитивных доминант в рассматриваемых языках варьируются и в китайском языке возникают связки (кластеры), отсутствующие в английском языке. В китайском языке есть и те КД, которые «не работают» в английском языке. Более того, в английском языке достаточно трудно провести границу между КД «часть на фоне целого» и КД «часть структуры», однако в китайском языке в силу специфики иероглифического письма уже в самой форме знака будет зафиксирован маркер, высвечивающий наиболее значимый концепт. Это подтверждает тот факт, что в 100 % случаев в проанализированных 12 лексических единицах китайского языка в графической структуре знака присутствовал компонент, указывающий на когнитивную модель, скрытую в семантической структуре слова.

Следует также подчеркнуть, что в китайском языке. КД, определяющие семантику элементов категории, в основном действуют в концептуальной связке, указывая, например, одновременно на форму части, ее размер, на характер целого и на то, каким образом часть отделяется от целого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что часть КД, полученных при изучении концептуальных оснований категории «часть – целое» в английском языке могут оказаться универсальными для любых языков, по крайней мере, они реализуются и в китайском языке. Дальнейшие исследования принципов категоризации лексики на материале китайского языка позволят уточнить какие образные когнитивные модели лежат в основе семантики лексических единиц китайского языка.

В отличие от английского языка, где КД проявляются только в семантике ЛЕ, т. е. на лексическом уровне системы языка, в китайском языке в роли таких когнитивных доминант-классификаторов могут выступать грамматические единицы – счетные слова или классификаторы. При этом в китайском языке ментальная картинка содержится в иероглифической структуре знака, что также представляет отдельное направление для дальнейшего исследования.

В английском и в китайском языках обнаруживаются сходные тенденции в формировании концептуальных оснований лексико-семантической категории «часть – целое» (хотя имеются и существенные различия), и можно предполагать, что сходные результаты могут быть получены при изучении других лексико-семантических категорий.

[1] 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/%E6%AE%8B

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хоккет Ч. Ф. Семантические универсалии. В кн.: Новое в лингвистике / пер. с англ. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 45–76.
2. Ульманн С. Семантические универсалии / Новое в лингвистике: пер.с англ., под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1970, вып.5. С. 250– 299.
3. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

4. Беляевская Е. Г. Семантика широкозначных существительных с когнитивной точки зрения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. Вып. 532. С. 4–14.
5. Красикова Е. А. Когнитивные доминанты в семантике английских существительных с общим значением «часть – целое» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13(855). С. 113–126.
6. Шахаева А. А., Красикова Е. А. Когнитивные основания многозначности китайского классификатора 台 // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK419.pdf

REFERENCES

1. Hokket, Ch. F. (1970). Semanticheskie universalii. V kn.: Novoe v lingvistike = Semantic universals. In: New in Linguistics (issue 5, pp. 45–76). Translation and Introduction by B. A. Uspensky. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Ul'mann, S. (1970). Semanticheskie universalii. V kn.: Novoe v lingvistike = Semantic universals. In: New in Linguistics (issue 5, pp. 250–299). Translation and Introduction by B. A. Uspensky. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N., Grigor'eva, V. S. (2018). Cognitive Dominants of Verbal Interaction. Issues of Cognitive Linguistics, 4, 15–24. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (2007). Semantika shirokoznachnih suschestvitelnih s kognitivnoi tochki zreniya = Semantics of nouns with a broad meaning from a cognitive point of view. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 532, 4–14. (In Russ.)
5. Krasikova, E. A. (2021). Cognitive dominants in the semantics of English nouns denoting "part of the whole". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 113–126. (In Russ.)
6. Shahaeva A. A., Krasikova E. A. (2019). Cognitive basis of polysemy of the polysemy of the Chinese classifier 台. World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, 4. https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK419.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна
кандидат филологических наук
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Alexandrovna
PhD (Philology)
Associate Professor of the General Institute Department of Teachers of Rare Languages
Institute of Foreign Languages. Maurice Thorez, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1+81'42

Типология пресс-конференций в зависимости от их персуазивного потенциала

К. А. Ларина[1], Е. С. Борисова[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*ka_larina@mail.ru*
[2]*borisova.es@linguanet.ru*

Аннотация. В статье предлагается классификация текстов италоязычных пресс-конференций в зависимости от степени их персуазивности или информативности, приводятся их основные языковые характеристики, определяется соотношение диалогической и монологической частей пресс-конференций, а также указываются внешние факторы, влияющие на природу текстов подобного рода.

Ключевые слова: пресс-конференция, информационная пресс-конференция, персуазивная пресс-конференция, диалог, монолог

Для цитирования: Ларина К. А., Борисова Е. С. Типология пресс-конференций в зависимости от их персуазивного потенциала // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 69–76.

Original article

Typology of Press Conferences Based on Their Persuasive Potential

Kristina A. Larina[1], Elena S. Borisova[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*
[1]*ka_larina@mail.ru*
[2]*borisova.es@linguanet.ru*

Abstract. The article gives a classification of the texts of Italian press conferences depending on the grade of their capability to bring persuasion or informativity, reviews their main characteristics in the field of linguistics, determines the correlation between the dialogical and monological parts and indicates external factors that affect the nature of texts of the kind.

Keywords: press conference, informational press conference, persuasive press conference, dialogue, monologue

For citation: Borisova, E. S., Larina, K. A. (2023). Typology of press conferences based on their persuasive potential. Vestnik of State Linguistic University. Humanities, 12(880), 69–76.

ВВЕДЕНИЕ

Пресс-конференция является комплексным протокольным мероприятием, проведение которого зависит от многочисленных внешних и внутренних факторов: регламента, места проведения, тематики, уровня подготовленности оратора и его целей. Неотъемлемой и основополагающей составной частью пресс-конференции, позволяющей спикеру максимально выполнить поставленные задачи, является ее лингвистическая составляющая. При этом сам текст выступления, его форма, языковые особенности определяются коммуникативными целями, которые должны быть достигнуты в ходе заседания, и могут претерпевать некоторые изменения в зависимости от постоянно меняющейся коммуникативной ситуации. Таким образом, для более подробного описания данного жанра публицистики возникает необходимость ввести лингвистическую классификацию текстов пресс-конференций в зависимости от целей, поставленных спикером, и выделить их характерные черты.

В качестве практического материала для исследования отобраны видеозаписи восьми италоязычных пресс-конференций таких общественно-политических деятелей, как С. Маттарелла, Л. Ди Майо, М. Ренци, М. Драги, Дж. Конте и др. за период 2015–2022 годов, представленные в видеоформате и размещенные на официальных каналах YouTube органов государственной власти Италии. Тематика выступлений затрагивала различные актуальные вопросы, связанные с политикой, экономикой, медициной, кибернетикой. Для анализа видеоматериалы были переведены в текстовый формат, объем которого составил около 30 тыс. слов.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ

Поскольку пресс-конференция представляет интерес для исследователей в первую очередь как комплексное мероприятие на высшем уровне, в большинстве классификаций они рассматриваются с точки зрения международных отношений или связей с общественностью. Так, наиболее широкий перечень представлен в учебнике «Связи с общественностью» А. Н. Чумикова, который выделяет следующие виды новостных пиар-мероприятий: собственно пресс-конференции, брифинг как частный случай пресс-конференции, конференции и презентации, в состав которых обычно входит пресс-конференция, пресс-тур и клубный вечер [Чумиков, 2006]. Таким образом, пресс-конференция обычно рассматривается как неотъемлемая составная часть мероприятия, а не обособленно, в связи с чем возникает необходимость в более узкой их классификации, особенно с лингвистической точки зрения. Для этого в первую очередь следует обратить внимание на прагматику пресс-конференции, цели и задачи, поставленные спикерами в ходе создания текста, поскольку именно они определяют его дальнейшее содержание.

Основная задача пресс-конференции – показать аудитории позицию оратора. Таким образом, сама структура текста должна способствовать максимальному воздействию на слушателей. При этом пресс-конференция направлена на охват широкой аудитории. Так, в качестве главной цели пресс-конференции А. Н. Чумиков выделяет «получение максимального выхода материалов в СМИ», обозначая в качестве второстепенных «расположение к себе журналистов» [Чумиков, 2006, с. 370], что также обусловливает необходимость применения всевозможных средств воздействия на аудиторию, включая языковые. При этом главным критерием для успешного осуществления коммуникации в рамках пресс-конференции выступает информативность. Следовательно, для достижения желаемого эффекта оратор в своем выступлении должен выбирать между персуазивностью и информативностью.

Пресс-конференция обычно состоит из шести частей:

1) открытие и представление ораторов;
2) вступительное слово ведущего (в его роли обычно выступает секретарь или пресс-атташе);
3) выступления спикеров (информационные сообщения);
4) вопросы и ответы;
5) закрытие;
6) неофициальная часть.

При этом основной объем выступления составляют информационные сообщения, представляющие собой монолог одного или более спикеров, и вопросно-ответная часть, имеющая форму диалога. Однако на самом деле диалог в пресс-конференции представляет собой скорее «псевдодиалог», поскольку фактически состоит из развернутых монологов ораторов и кратких реплик журналистов, задающих тему коммуникации, но не несущих информационную нагрузку. Несмотря на это, монологическая часть пресс-конференции имеет большее количество черт, присущих монологу и характерных для подготовленной в письменном виде речи, а диалогическая часть, несмотря на преобладающую монологичность, в языковом плане тяготеет к «живой», неподготовленной речи. Также следует отметить, что в некоторых пресс-конференциях диалогическая часть полностью отсутствует или

сильно сокращена. Поскольку вторая часть отличается от первой преимущественно подачей информации в виде псевдодиалога, очевидно, что он не несет информационную нагрузку, а является прежде всего средством языкового воздействия на аудиторию [Борисова, Ларина, 2023].

Столь неравное распределение диалогической и монологической формы в пресс-конференциях заставляет задуматься о практической необходимости их употребления спикерами. Так, использование монолога позволяет говорящему наиболее полно, структурированно и обоснованно изложить свою позицию, а диалога – уверенно ее доказать, повысить свой авторитет и обратить внимание на ключевые моменты выступления. Таким образом, именно информационная часть выступления обеспечивает информативность, являющуюся основным и неотъемлемым критерием успешности выступления. А вопросно-ответная часть, в свою очередь, позволяет спикеру обратить на себя внимание слушателей (в первую очередь – журналистов, затем – более широкой аудитории, для которой освещаются материалы в СМИ).

Исходя из этого, в пресс-конференциях можно выделить те, в которых основное внимание обращено на информационную часть, а вопросно-ответная – сокращена или опущена, и те, где диалогическая часть преобладает. Следовательно, в зависимости от цели оратора, можно условно разделить пресс-конференции на два типа: *информационные* и *персуазивные*.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Целью информационных пресс-конференций является выражение оратором однозначной позиции, отчет о проделанной работе, а также выражение благодарности коллегам или аудитории. Соответственно, структура выступлений первого типа ограничена преимущественно или исключительно монологической частью, а речь больше тяготеет к письменной, чем к устной. Тематика подобного выступления часто связана с официальными и этикетными мероприятиями, заинтересованными слушателями которых является ограниченное число лиц. Яркий пример – выступление премьер-министра Италии М. Драги в занимающейся исследованием элементарных частиц Лаборатории Гран-Сассо, состоящее только из одной части и в основном зачитываемое. Продолжительность рассмотренного выступления составила около 11 минут. Это позволяет отнести его к особому типу пресс-конференций – брифингу (А. Н. Чумиков оценивает длительность брифинга максимум в 15–30 минут). Брифинг характеризуется тем, что «вопрос, поднимаемый на нем, не требует обсуждения, и организация, проводящая брифинг, имеет однозначную позицию по этому вопросу» [Чумиков, 2006, с. 375]. Стоит отметить, что данное выступление было очень близко по форме к другому подвиду интервью, возникшему относительно недавно, но получившему в итальянской публицистике широкое распространение, а именно видеосообщению (*um.* videomessaggio). В его рамках так же тезисно и кратко выражается недвусмысленная позиция спикера или отчет о результатах проделанной работы.

В информационных пресс-конференциях можно отметить большое количество конструкций, характерных именно для письменной речи, а именно пассивных форм (*si sono chiusi, si affermano, non può esservi*), конъюнктивов (*possiate*), аналитических глагольных форм (*aver visitato*), терминов (*fisica delle particelle elementari*), клише и этикетных формул (*Voglio ringraziarvi moltissimo per la calorosa accoglienza…*; *Siete una delle grandi eccellenze del Paese…*), цитирований и ссылок на авторитетные лица или источники (так, спикер несколько раз за довольно короткое выступление упоминает коллегу, лауреата Нобелевской премии по физике Дж. Паризи, с которым он совершал визит в Лабораторию. Это делает его собственное выступление более весомым как для широкой аудитории, так и для профессионалов: *come ci ricorda il Professor Parisi…*; *il Professor Parisi ha rappresentato*; *come ricordava ora il Professor Parisi*). Повествование ведется либо от 1-го лица единственного числа, либо в безличной форме.

ПЕРСУАЗИВНЫЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

Персуазивность – одно из ключевых понятий, связанных с языковым воздействием и манипуляциями. Так, В. Е. Чернявская и И. Ю. Логинова определяют персуазивность следующим образом: «Под персуазивностью понимается определенное воздействие автора устного или письменного или устного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или несовершению им определенных действий. <…> [Это] учение о принципах и стратегиях коммуникации, которые призваны модифицировать отношения и действия» [Чернявская, Логинова, 2005, с. 65]. Целью персуазивных выступлений является в первую очередь воздействие на слушателя и утверждение позиции спикера. Следует обратить внимание, что в отличие от текстов первого типа, где диалогическая часть может быть опущена как незначительная, в персуазивных выступлениях

монологическая часть по необходимости может быть сокращена, но не убрана вовсе, поскольку именно она составляет базу композиции текста пресс-конференции и обеспечивает ее целостность и связность.

Наличие обеих значимых частей пресс-конференции также обусловливает стремление спикера проецировать потенциал воздействия второй части на первую. С этим связано проявление многочисленных особенностей устной речи в монологической части и некоторых письменных аспектов речи во второй. Возможность такого явления в монологе описана в словаре-справочнике по эффективному речевому общению, где отмечено, что внешне монологический текст может заключать в себе признаки и средства как собственно диалога, так и выработанные в процессе письменного общения, и связано оно с таким свойством текста, как диалогичность[1].

Стремление к диалогичности является важной чертой персуазивных выступлений. В современных словарях она определяется как «свойство, помимо адресованности, включающее ответственность, выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения для достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения» [там же]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, которая отождествляет диалог в своем основном значении с «разговором между двумя или несколькими лицами», благодаря диалогичности «рассказчик / повествователь предстает не столько как сторонний наблюдатель, сколько как участник сюжетообразующих сцен» [Логический анализ языка, 2010, с. 7–8]. Следовательно, это явление уравнивает говорящего и слушающего, чем увеличивает вовлеченность последнего в проблематику выступления и таким образом позволяет первому эффективно на него воздействовать.

Диалогичность также способствует тому, что подобные выступления сильно зависят от коммуникативной ситуации и могут видоизменяться в зависимости от внешних факторов. Так, Т. Б. Трошина ставит диалог в прямую зависимость от коммуникативной ситуации, определяя его как «форму речи, которая характеризуется сменой высказываний (реплик) двух или нескольких (полилог) говорящих и непосредственной связью высказываний с ситуацией» [Стилистический энциклопедический словарь, 2011, с. 44]. В исследованных текстах итальянских пресс-конференций, отнесенных к персуазивным, действительно, наблюдается следующая тенденция: на одну реплику представителя СМИ приходится несколько реплик каждого спикера, при этом и сам журналист может время от времени дополнять свой вопрос, что уменьшает степень формальности и придает фактически монологичной вопросно-ответной части больше черт диалога в прямом его значении. Также иногда в диалогической части участвует и модератор (часто его роль берет на себя один из спикеров), чьи высказывания не имеют прямого отношения к повестке дня и полностью зависят от коммуникативной ситуации. Например, так выглядят реплики ведущего в пресс-конференции В. В. Путина и Дж. Конте:

– Alcune domande? E partiamo con il quotidiano “La Stampa”. Ilario Lombardo. Prego.
<…>
– Possiamo ripetere la domanda? Grazie
<…>
– Sia “Russia Oggi”.
<…>
– Proseguiamo con la terza domanda, la fa l’agenzia “Ansa” con Paola Tamburini. Prego.
<…>
– L’agenzia “Itar-TASS”.
<…>

Традиционно считается, что в пресс-конференциях диалог, приравниваемый по функциям к разговору, недопустим. Так, А. Н. Чумиков отмечает, что «форма пресс-конференции не предполагает дискуссии или даже обмена мнениями» [Чумиков, 2006, с. 368]. Этой точки зрения придерживается и К. А. Зорин, отмечающий близость данного формата к новостному сообщению, а также указывающий на его преимущественную подготовленность и даже срежиссированность[2]. Однако анализ практических материалов показывает, что именно в персуазивных пресс-конференциях подобное явление встречается. Наиболее часто оно проявляется в виде, который в противовес диалогической форме (или псевдодиалогу) мы назовем «истинным диалогом». Он представляет собой вкрапленный в вопросно-ответную часть выступления краткий диалог между спикерами или спикером и журналистом, чаще всего эмоциональный и отстоящий полностью или частично от заданной темы. К нему можно отнести также и упомянутые выше реплики модератора.

[1] Эффективное речевое общение. Словарь-справочник. Электронное издание / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: СФУ, 2014. С. 130. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24493285

[2] Эффективное речевое общение. 2014. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24493285

С одной стороны, истинный диалог ухудшает качество выступления, поскольку отвлекает внимание слушателей от информационной повестки, с другой – придает речи спикера живость и делает более сильной его позицию как коммуниканта. Часто в таком случае реплики ироничны или содержат отсылки, понятные ограниченному числу слушателей. Таким образом, в текстах подобного рода наличие истинного диалога является подтверждением преобладания персуазивной функции, т. е. воздействия на журналистов и широкую аудиторию, над информационной составляющей.

Примером истинного диалога может послужить следующая цитата:

> *Gabrielli:* Ha sbagliato Sottosegretario. Mi chiamo Franco Gabrielli, e non Moles.
> *Baldoni:* Si occupa in sicurezza!

Без контекста по этим репликам можно было бы предположить, что одного человека приняли за другого. Однако на самом деле спикеру был задан вопрос, не относящийся к направлению его деятельности (обеспечение кибербезопасности, что далее подчеркнул и его коллега), и с помощью иронии он попытался уйти от ответа. А Дж. Молес, глава Департамента печати и массовых коммуникаций, далее нигде не упоминающийся и не имеющий отношения к данному выступлению, был приведен для контраста в качестве отсылки, к кому нужно обращаться по затронутой теме.

Тема выступления в таких текстах чаще является остросоциальной или новаторской, что также свидетельствует о необходимости использования языковых манипуляций.

Ярким примером персуазивной пресс-конференции может служить выступление Ф. Габриэлли и Р. Бальдони, посвященное Национальной стратегии кибербезопасности, из которой взят приведенный выше пример. Тема данного мероприятия связана с новейшими технологиями, поэтому информационная часть, в которой освещаются важнейшие аспекты повестки дня, составила чуть меньше половины (около 50 минут из 110 минут выступления). Однако следует отметить, что на соотношение частей выступления оказали серьезное влияние внешние факторы: монологическая часть была проиллюстрирована наглядным материалом, сопровождаемым комментариями со стороны спикеров, что увеличило ее длительность, а вопросно-ответная часть велась в более быстром темпе, была сильно сокращена и затем прервана из-за превышения запланированного времени мероприятия. Таким образом, акцент на диалогической части сокращается.

Данному тексту присуще частое обращение к элементам устной речи, а также значительное количество истинных диалогов (например, диалог, процитированный выше).

Характерной особенностью конференции по кибербезопасности является частое использование аббревиатур и заимствований из английского языка, что обусловлено не только спецификой темы, но и желанием оратора продемонстрировать свои компетентность и новаторство, например: *KPI, ENISA, PNRR, CVCN, EDL-82, MitD; cyber index, hardware, "Killnet", digital divided, password, gang, ransomware, alert*. Часто эти заимствования не только излишни, поскольку имеют аналоги в итальянском языке, но и используются наравне с ними. Так, слово *cloud* расшифровывается далее самим спикером как *nuvola*, а для термина «кибербезопасность» в тексте есть три вариации: *cybersecurity* (произносится по-английски), *cybersicurezza* (первая часть слова произносится по-английски, вторая – по-итальянски), а также **cybersicurezza* (читаемое полностью по-итальянски как **chibersicurezza*). В некоторых случаях был заимствован только один из корней сложного слова, к примеру, *cyberattacchi*.

Англоязычные заимствования часто встречаются в современном итальянском языке. Особенно это явление характерно для текстов технической и научной направленности, к которым можно отнести и рассматриваемую пресс-конференцию. Итальянский лингвист М. Палермо следующим образом отзывается об этой тенденции: «Использование английского как международного языка науки – международная тенденция. Она обусловлена глобальными явлениями, в первую очередь культурной гегемонией Северной Америки, а также относительной простотой английской грамматики»[1] [Palermo, 2020, с. 232–233]. При этом, как отмечает М. Палермо, «в современном итальянском языке англицизмы более тяготеют к письменной речи, чем к устной» [там же, с. 232]. Таким образом, их частое использование в пресс-конференции можно объяснить не только ее тематикой, но и общей близостью жанра к письменной речи (как было указано выше, текст пресс-конференции подготавливается заранее). По частотности обращения спикера к международным научным терминам можно судить о его профессиональном авторитете, что обусловливает также и предпочтение английских терминов аналогичным итальянским.

В то же время следует отметить, что использование англицизмов характерно и для вопросно-ответной части. Это придает ей бóльшую научность и также укрепляет позицию оратора как передового специалиста. Однако при более детальном

[1]Зд. и далее перевод наш. – *К. Л.*

рассмотрении оказывается, что термины, употребляемые в диалогической части, уже были использованы в монологической части и, возможно, спикер играет ими для большей убедительности. Он пытается повысить научность выступления, не снижая его диалогичности, нацеленной на вовлечение аудитории в проблематику.

В диалогической части персуазивных пресс-конференций встречаются устойчивые выражения: *mettersi il cuore in pace* (*успокоиться*), *mettere il dito nella piaga* (*сыпать соль на рану*), *essere pesci nell'acqua* (*быть как рыба в воде*), *i quattro pilastri* (*четыре столпа*), *fare come la volpe con l'uva* (представлено в виде *le volpi che non arrivano all'uva – лисы, когда не могут дотянуться до винограда*), *mettere in ginocchio* (*поставить на колени*). Среди них есть также пословицы и цитаты на латинском языке: *in pectore, dominus*. Многие из них сразу же переводятся самим спикером: *...unicuique suum – a ciascuno il suo*. Иногда используются и узкоспециальные выражения: *la barra a dritta* (*это связано с тем, что если на судне повернуть штурвал налево, борт поворачивает направо*).

Усилению позиции спикеров также способствуют риторические фигуры. Например: *Ma se ognuno in questo paese facesse il proprio – ah, che paese*!.. (*Но если бы каждый в этой стране занимался своим делом – ах, какая страна* [*была бы*]!..) Здесь риторическое восклицание имеет контактоустанавливающую функцию – спикер сетует на недостаток итальянцев, которые любят давать советы, но не занимаются своей работой. Он уравнивает себя с простым неравнодушным гражданином, таким же, как и зрители, которые его слушают.

В тексте часто встречаются повторы. Они помогают не только связать фразы и сфокусировать внимание аудитории на ключевых словах, но еще и завоевать симпатии слушателей: *lo faremo, sono certo che lo faremo; tutti i miei ragazzi e le ragazze che lavorano con me; noi dobbiamo, abbiamo un dovere; redditi che non sono i redditi; se è vero come è vero che...; livelli assolutamente di eccellenza, e i livelli di eccellenza; che fate, come lo fate, e quanto bene lo fate; è amica, che amica di amici*. Другой риторический прием, параллелизм, позволяет распространить потенциал воздействия на всю фразу. Например, в следующем случае использован неполный синтаксический параллелизм, скомпенсированнный с помощью клитики: *ci sono strutture che sono in grado di reggerlo e strutture che lo sono un po' meno*.

Можно сделать вывод о том, что язык итальянских выступлений с высокой степенью персуазивности яркий и образный, а сам текст направлен на максимальное сближение оратора с аудиторией.

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ ПЕРСУАЗИВНЫХ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ

Некоторые пресс-конференции обладают чертами, характерными как для информационных, так и для персуазивных типов, или наоборот, лишены некоторых важных особенностей, которые могли бы помочь однозначно их классифицировать. Так, в некоторых пресс-конференциях, обладающих большим потенциалом воздействия, может отсутствовать вопросно-ответная часть. Тем не менее поскольку информационная составляющая присуща в той или иной мере всем пресс-конференциям, мы условно относим подобные тексты к персуазивным. Основные их характеристики – это элементы устной речи в подготовленной монологической части, а также резонансная тематика. Подобная тенденция характерна для большинства современных пресс-конференций на «среднем» уровне (например, обращения сотрудников министерств и членов рабочих групп внутри страны). Международные заявления обычно более консервативны в языковом плане, в частности из-за языковых различий, и их в основной своей массе можно отнести к информационному типу.

Например, конференция министра здравоохранения Р. Сперанцы и экспертов в области охраны здоровья, как и приведенное выше выступление М. Драги, относится к научной тематике, однако в ней освещаются в первую очередь новейшие достижения итальянской науки и актуальные проблемы в данной сфере.

В выступлении можно услышать конструкции параллельного синтаксиса (*o se si è vaccinati oppure se si è guariti...; il governo da parte sua sta alzando il livello di attenzione, sta alzando il livello delle precauzioni*), неосложненные предложения, в том числе те, которые выражают этикетные и контактоустанавливающие формулы, не соответствующие языку мероприятий на высоком уровне (*Siamo collegati? Va bene. Buonasera a tutti*.), иностранные заимствования, часто используемые в качестве терминов, но не всегда ими являющиеся, либо имеющие эквиваленты в языке (*booster, super Green Pass*), обращения к аудитории, в частности риторические (*come sapete, gli italiani hanno capito...*), описательные и объяснительные конструкции, метонимии, эвфемизмы, смягчающие категоричность выступления (*avere un esito fatale, conflitto*), подбор нейтральных или разговорных слов и выражений вместо терминов (*andare in ospedale = ammalarsi,* [*autorità sanitarie*] *sono al lavoro = operano*).

Повествование в данной пресс-конференции ведется преимущественно от 1-го лица

множественного числа (*noi*), что также связано с отождествлением оратора с аудиторией.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования была представлена лингвистическая классификация итальянских пресс-конференций, основанная на их прагматически обусловленной персуазивности. Тексты пресс-конференций были подразделены на информационные, задача которых заключается в максимально точном описании событий или отражении однозначной позиции говорящего, и персуазивные, направленные на максимальный контакт с аудиторией и воздействие оратора на слушателей.

Помимо целей и задач спикера, факторами, влиявшими на классификацию конференций, было присутствие вопросно-ответной части и ее объем, тематика выступления и наличие истинного диалога в диалогической части.

В работе были определены основные внутренние характеристики, присущие каждому из типов итальянских пресс-конференций. Так, в информационных пресс-конференциях основная информационная нагрузка лежит на части выступлений (монологической), а вопросно-ответная часть может быть опущена или сокращена. Длительность подобной конференции обычно близка к продолжительности брифинга (до 15–30 минут). Сам же текст в этом случае тяготеет к письменной речи. Из исследованных практических материалов к этой категории были отнесены выступления В. В. Путина и М. Ренци, В. В. Путина и С. Маттарелы, а также М. Драги.

В персуазивных пресс-конференциях максимально выражено стремление оратора сблизиться с аудиторией, и соответственно, диалогическая часть становится в них основной. При этом, в отличие от случая информационных пресс-конференций, опущение малозначимой части (здесь монологической) недопустимо, поскольку именно в ней содержится неотъемлемый для подобного жанра элемент информативности. Текст же в данном случае, несмотря на ярко выраженную монологичность, характерную для всех итальянских пресс-конференций, стремится к диалогичности и несет черты диалога: риторические вопросы и восклицания, истинный диалог и т. д. Также характерной чертой персуазивных пресс-конференций является остросоциальная тематика и отчасти избыточное использование заимствований (чаще англоязычных), устойчивых и крылатых выражений и риторических фигур. К этой группе можно отнести конференции В. В. Путина и Дж. Конте, С. В. Лаврова и Л. Ди Майо, Ф. Габриэлли и Р. Бальдони, а также условно конференцию, посвященную коронавирусу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: Учеб. пособие. / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2006.
2. Борисова Е. С., Ларина К. А. Особенности устного дискурса пресс-конференций на итальянском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 9–15.
3. Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2005. Вып. 5 (11). С. 64–75.
4. Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Российская акададемия наук, Ин-т языкознания. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Под ред. М. Н. Кожиной. / 2-е изд., стер. М.: Флинта, Наука, 2011.
6. Palermo M. Linguistica italiana. 2° edizione. Bologna.: Il Mulino, 2020.

REFERENCES

1. Chumikov, A. N., Bocharov, M. P. (2006). Svyazi s obshchestvennost'yu: teoriya i praktika = PR: theory and practice: textbook. 3rd ed. Moscow: Delo. (In Russ.)
2. Borisova, E. S., Larina, K. A. (2023). Features of the discourse of Italian press conferences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 9–15. (In Russ.)
3. Cherniavskaya, V. E., Loginova, I. Yu. (2005). A political party programme as a persuasive text. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences, 5(11), 64–75. (In Russ.)

4. Arutyunova, N. D. (ed.). (2010). Logicheskij analiz yazyka. Mono-, dia-, polilog v raznyh yazykah i kul'turah = Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures. Institute of Linguistics RAS. Moscow: Indrik. (In Russ.)
5. Kozhina, M. N. (Ed.). (2011). Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. 2nd ed. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.)
6. Palermo, M. (2020). Linguistica italiana. 2° edizione. Bologna: Il Mulino.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларина Кристина Александровна
аспирант
преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Борисова Елена Сергеевна
кандидат филологических наук
и.о. заведующего кафедрой итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larina Kristina Aleksandrovna
Postgraduate Student
Lecturer of the Italian Language Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Borisova Elena Sergeevna
PhD (Philology)
Head of the Italian Language Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.134.2

Антропный код культуры Испании и России через призму идиом с ономастическим компонентом

А. В. Пыжикова
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
A06081980@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются испанские и русские идиомы языков, содержащие онимы, которые позволяют узнать антропный код культуры указанных стран. Интерес представляет сопоставительный анализ вариантов фразеологических единиц, раскрывающих особенности личности, а также явления персонификации и глобализации различных понятий средствами ономастики.

Ключевые слова: фразеологизмы, идиомы, имена собственные, ономастика, антропный код культуры испанского и русского языка

Для цитирования: Пыжикова А. В. Антропный код культуры Испании и России через призму идиом с ономастическим компонентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 77–82.

Original article

The Anthropocentric Code of Culture in Spain and Russia through the Prism of Idioms with Onomastic Component

Anna V. Pyzhikova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
A06081980@yandex.ru

Abstract. The article considers idioms in Spanish and Russian languages that contain proper names, allowing one to understand the anthropic code of the mentioned countries cultures. The case of interest is a comparative analysis of the phraseological units variants that reveal the peculiarities of personality, as well as the phenomena of personification and globalization of various concepts through onomastics.

Keywords: phraseological units, idioms, proper names, onomastics, anthropocentric code of culture in Spain and Russia

For citation: Pyzhikova, A. V. (2023). The Anthropocentric Code of Culture in Spain and Russia through the Prism of Idioms (Phraseological Units) with Onomastic Component. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 77–82.

ВВЕДЕНИЕ

В языкознании и лингвистике антропология, ономастика и культура народов своеобразно слились воедино и получили свое отражение в идиомах – оборотах речи, компоненты которых не воспринимаются в их непосредственном значении.

Роль человека в контексте культуры стала центром внимания отечественных филологов М. М. Бахтина, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, И. Р. Гальперина и др., которые признавали человеческий (антропный) фактор в языке одним из основополагающих и считали человека – центром мирового развития, возможного благодаря языку, а развитие языка невозможным без человека.

Настоящая работа основана на сопоставительном анализе идиом, содержащих онимы; раскрытии их значения, исторических предпосылок, происхождения, а также приведены иные средства выражения того или иного концепта.

Материалом для настоящего исследования послужили научные труды, фразеологические словари русского и испанского языков, а также сайт Испанской Королевской Академии, для иллюстраций были использованы цитаты из художественной литературы и медийные ресурсы.

Целью настоящей работы является рассмотрение фразеологических единиц (*далее* ФЕ) испанского и русского языков, в компонентном составе которых присутствуют имена собственные, изучение их этимологии и лингвистических особенностей. Решение данной задачи расширит лингвистический кругозор людей, изучающих эти языки, и позволит сформировать представление об антропном коде культуры Испании и России, а также даст представление об исторических фигурах, вошедших в историю благодаря антропологии, ономастики и фразеологии.

АНТРОПНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ

В статье доктора филологических наук Л. В. Савченко, посвященной модели антропного кода культуры во фразеологической картине мира, поясняется, что «код является способом организации пространства культуры и основным механизмом интерпретации фразеологических единиц (ФЕ) через соотнесение их компонентов и семантики с кодами культуры во фразеологической картине мира» [Савченко, 2014, с. 2].

Культура – понятие разностороннее, нашедшее свою интерпретацию в различных отраслях науки, в частности в лингвистике в виде терминов «культура речи», «языковая культура».

Бесспорен тот факт, что ФЕ являются единицами языка, раскрывающими культурный аспект посредством образности. Так, В. Н. Телия отмечала, что «фразеологизмы – наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка, способные выполнять роль знаков «языка» культуры – иной знаковой системы, нежели естественный язык» [Большой фразеологический словарь русского языка, 2020, с. 6]. Образность отображает мировосприятие носителей языка, которое фундаментально закрепляется в идиомах, формируя языковую культуру народа. По словам Н. Д. Арутюновой: «Человек живет в контексте культуры. <…> Он создал ее, и она является для него объектом познания. Природа познается извне, культура – изнутри. Ее познание рефлексивно» [Арутюнова, 1991, с. 3]. Данная взаимосвязь подтверждает антропный код культуры и языковую личность человека.

Разноплановыми исследованиями идиом в русистике и испанистике занимались выдающиеся ученые: В. В. Виноградов, В. С. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. П. Жуков, Э. И. Левинтова, Э. А. Мальцева, Г. В. Степанов, В. Н. Телия, Н. Н. Курчаткина, А. В. Супрун, Х. Касарес, М. Молинер, Х. Сехадор и Фраука, Р. Кабальеро и др.

ОНОМАСТИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Особое место в языкознании отведено имени собственному. Непосредственным изучением характеристик имен собственных занимается ономастика – наука о происхождении, образовании, типологии, трансформации, заимствовании, лингвистическом аспекте и других особенностях данных лексических единиц. А. В. Суперанская писала: «О сумме имен, употребляющихся в данное время у какого-нибудь народа, обычно говорят как о системе, в которой все сбалансировано. Однако в современном, синхронном употреблении одновременно находятся не только имена, придуманные или заимствованные сегодня, но и имена различных возрастов, созданные из языкового материала данного языка или заимствованные из других языков в различные эпохи. Чем лучше удовлетворяет имя системным требованиям, тем дольше оно удерживается у данного народа, тем меньше меняется с течением времени» [Суперанская, 2021, с. 14]. Согласно Т. И. Вендиной: «древнейшая ономастическая система – это не случайный набор имен, попавших в ономастическую орбиту, а своеобразных языковой текст, обнажающий систему ценностей, высшие идеалы, концептуальную модель мира древнего человека» [Вендина, 2001, с. 177].

Закрепленность того или иного имени собственного в языке обусловлена не только системными характеристиками, но и культурной составляющей ономастических единиц, которые как ни парадоксально являются порождением культуры, а следовательно, одной из культурных ценностей народа, имеющей исторический, религиозный или иной подтекст. В виду этого обстоятельства рассмотрим идиомы испанского и русского языков с ономастическим компонентом, исключая библеизмы и мифонимы, в подтверждение антропного кода культуры двух стран.

Имя собственное может употребляться как самостоятельно, так и в составе ФЕ. В идиоматических выражениях теряется индивидуализация субъекта, сглаживается детализация характеристик, но приобретается свойственная группе лиц черта, характеристика, признак, которые влияют на формирование определенного понятия, которое, в свою очередь, в массовом сознании народа закрепляется за данным именем собственным. В. С. Виноградов отмечал, что «имя собственное – всегда реалия, так как оно соотносится с конкретным индивидуальным объектом и словно бы инвентаризирует его, прикрепляет к нему условный ярлык» [Виноградов, 2017, с. 43].

ПРИМЕРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Примером самостоятельного употребления имени собственного, перешедшего в разряд ФЕ, в испанском языке может служить *Don Juan* (*Дон Хуан*), в русском – *Дон Жуан*. Источником данной идиомы является литературное произведение Тирсо де Молины «Севильский распутник и каменный гость» с главным действующим персонажем в лице повесы, распутника и ветреного молодого человека Хуана Тенорио. Сюжет данного произведения претерпел интерпретацию в работах других авторов: Ж.-Б. Мольера, П. Мериме, Х. Соррильи, А. К. Толстого, А. С. Пушкина и др. При этом образ развратника, авантюриста, не соблюдающего нормы морали, закрепился за именем собственным, и оним перешел в разряд апеллятивной лексики.

В русском языке по единой модели отмечается тенденция преобразования имен нарицательных в имена собственные с использованием персонификации и с достижением комического эффекта в отсутствии иного яркого лингвистического ресурса в разговорной речи для оформления отдельных явлений и состояний: *Облом Обломыч (крушение, потеря), Голим Голимыч* (*отсутствие чего-либо*). Подтверждением этому служит следующая цитата:

> *Голим Голимыч*... этот непременный персонаж их тусовки всегда вызывал у Сбитнева неподдельный интерес. <...> А *Голим Голимычем* его прозвали за появившуюся однажды привычку, в ответ на просьбу дать денег, выворачивать наружу пустые карманы брюк: мол, нате, ешьте, сам гол, как сокол! (*И. А. Изборцев. Реки не замерзают*).

Принцип персонификации также отразился в испанском идиоматическом выражении *ser un Jaimito* (*Hacer el Jaimito*) (*букв.* 'быть Хаймито'), т. е. *быть глупым* (*дурачком, простофилей*). Альберто Буитраго приводит следующий пример:

> Si es que eres un Jaimito. Te dejas engañar por todo el mundo, y lo peor es que ni te enteras de que te están tomando el pelo[1]. – Да ты дурачок (простофиля). Ты позволяешь всем тебя обманывать, а хуже всего то, что ты даже не понимаешь, что тебе морочат голову[2].

Хаймито является одним из ключевых персонажей испанских шуток. В словаре испанского языка Испанской Королевской Академии приводится следующая дефиниция данной единицы:

> **jaimito** De *Jaimito, personaje de chistes*. **1.** *m*. Niño caracterizado por un descaro, una malicia y una suficiencia impropios de sus años[3]
>
> **хаймито** от Хаймито, персонажа шуток (*анекдотов*). **1** *м. р.* ребенок, отличительной чертой которого является беззастенчивость, злоба, способность, не свойственные его возрасту

Данное имя собственное послужило основанием для образования производного имени нарицательного *jaimitada*, т. е. *глупость*. Так, один из заголовков статьи в испанском медийном издании *El País* звучит следующим образом:

> La mala suerte y una "*jaimitada*" de Juanito derrotaron al Madrid[4]. – Неудача и «глупость» Хуанито привели к поражению мадридского клуба.

В русской языковой картине мира концепт «дурак (простофиля)» закрепился за образом *Ивана-дурака*, являющимся героем русского фольклора и не раскрывающим полностью указанный концепт, так как этот персонаж при всей недалекости в конце концов остается в выигрышном

[1] Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2009.

[2] Зд. и далее перевод наш. – *А. П.*

[3] URL: https://dle.rae.es/jaimito?m=form

[4] URL: https://elpais.com/diario/1980/10/07/deportes/339721203_850215.html.

положении, обладая радушием, открытостью души и позитивным настроем. При этом в ФЕ, констатирующей безделье, *валять Ваньку,* выбор пал на производную форму от того же имени с более пренебрежительной коннотацией.

Ономастический компонент, позволяющий зафиксировать в языке антропный код культуры, также представлен во фразеологизмах – компаративах, свидетельствующих о внешнем виде субъекта, о его характере, интеллектуальных способностях. Так, в ФЕ *Más feo que Picio* (*страшнее, чем Писио*) отмечается сравнение с неким Писио, ставшим прототипом мужского уродства. Хосе Мария Сбарби и Осуна в «Большом словаре испанского языка», изданном в Буэнос Айресе в 1943 году, пояснил значение онима *Писио* в данном выражении. В Гранаде существовал сапожник по имени Писио, родом из Алендина, которого по неизвестной причине приговорили к высшей мере наказания. Находясь в часовне, он получил весть о помиловании. От неожиданной новости и перенесенного стресса у него выпали волосы, он остался без ресниц и бровей, лицо было обезображено язвами. Сапожник Писио стал походить на отвратительное чудище. Через короткий период времени его внешний вид стал служить образцом самой неприглядной внешности.

Олицетворением отталкивающей внешности средствами испанской фразеологии также стал: *Más feo que el sargento de Utrera* (*страшнее, чем сержант из Утреры*), однако нет достаточных сведений о личности сержанта, да и ФЕ не содержит имени собственного.

В русском языке описание отталкивающей внешности через онимы не зафиксировано, но используются следующие компаративы и выражения: *страшен как смертный грех*; *страшна как кобыла*; *лицом некрасив, да сердцем добр*; *урод уродом; глядеть (смотреть) не на что; страшнее атомной войны* и др.

Ресурс компаративизма для раскрытия концепта «глупость» использован в идиоме *Más tonto que Perico el de los palotes* (*глупее, чем Перико с палочками*). В работе *El porqué de los dichos* отмечается, что испанский лексикограф Себастьян де Коваррубиас пишет в своей «Сокровищнице кастильского или испанского языка», что Перико был дурачком, стучавшим палочками по барабану. Тот, кто выражает недовольство неподобающим отношением к себе, как правило произносит:

> Sí, que no soy yo Perico el de los palotes[1]. –
> Да, я не дурак.

[1] Iribarren J. M. El porqué de los dichos.Madrid: Ariel, 1974.

В русском языке в подобных ситуациях частотны выражения *набитый дурак* или *круглый дурак*.

Механизм сопоставления применяется во ФЕ, задача которой отразить понятие «преодоления испытаний (трудностей)»:

> Pasar más aventuras que Barceló por la mar. –
> Пережить больше приключений, чем Барсело в море.

Есть разновидности этого выражения:

> Ser más valiente que Barceló por la mar. –
> Быть более храбрым, чем Барсело в море.

> Ser más conocido que Barceló por la mar. –
> Быть более известным, чем Барсело в море.

За данным онимом стоит подлинный исторический персонаж Антонио Барсело – испанский герой, который в XVIII веке был грозой арабских пиратов, сделал успешную карьеру, возглавил эскадру Королевской армады Карлоса III.

Русский язык раскрывает тему бесстрашия и смелости посредством таких фразеологизмов, как: *идти в огонь и воду*; *не робкого десятка*; *горы свернет*; *и море по колено,* без какой-либо персонификации.

В составе ФЕ *Encontrarse, o topar, Sancho con su rocín* (*букв.* 'Встретился Санчо со своей клячей') – *два сапога пара*; *одним миром мазаны* задействовано имя собственное литературного персонажа Санчо Пансы, ставшего благодаря творчеству Мигеля Сервантеса оруженосцем Дон Кихота[2]. Автор через поступки и высказывания наделил Санчо рядом качеств, которые впоследствии люди стали сопоставлять с указанным персонажем: *como Sancho Panza* (*как Санчо Панса*):

1) практичный, деловитый, положительный;
2) расчетливый, прижимистый;
3) с хитрецой, себе на уме; только с виду простоват;

> como dijo Sancho: donde yo me siente allí estará la cabecera – как сказал Санчо: где бы я ни сидел, место всюду будет почетным (*он здесь большое начальство, как он скажет, так и будет*).

Подобного онима не обнаружено в русском языке. Однако идея сходства личностных качеств, помимо выше обозначенных, репрезентируется

[2] Левинтова Э. И. [и др.]. Испанского-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц / Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая. М.: Русский языкк, 1985.

следующими средствами: *одним лыком шиты*, *одного поля ягоды*, *из одного теста*.

Говоря о хитрости с умыслом, в русском языке используют выражение *Лиса Патрикеевна,* по имени одной из героинь русских сказок, – умной и пронырлевой лисы. Использование патронима *Патрикеевна* не случайно: Патрикеем был древнелитовский князь, отличавшийся особой хитростью.

Выражение *ni el Tato* (*даже ни Тато*) является ядром ряда высказываний, основное значение которого:

> **el Tato** 1. *m. coloq.* Personaje que se menciona para ponderar la cantidad, grande o pequeña, de personas que hacen algo. *Aquí no paga ni el Tato. Lo sabe hasta el Tato*[1]
>
> **Тато** 1. *м.р. разг.* Персонаж, который упоминается для определения количества, большого или маленького, лиц, которые что-то делают. *Здесь не платит вообще никто. Это знают все.*

Вызывает интерес сам оним, а именно: персонаж, наделенный именем *Tato*. Амбивалентность значений, которые оно содержит, приводит к контекстуальному употреблению ФЕ и требует тщательного перевода, что безусловно выделяет его среди прочих имен собственных, а также употребляется с разными глаголами. Кто же этот *Tato*? В истории корриды был знаменит тореадор Антонио Санчес, уроженец Севильи, имевший псевдоним Эль Тато, который не пропускал ни одного события или праздника. Он не изменил своему пристрастию, даже когда лишился ноги. В его отсутствие на одном из мероприятий родился фразеологизм *No vino ni el Tato* (*Не пришёл даже Тато*), который в дальнейшем стал служить для определения провальных и мало значимых мероприятий.

В русском языке есть ФЕ *Куда Макар телят не гонял*. Задача данной идиомы передать усилия, предпринятые Макаром для выгула телят, в отсутствии пригодных для живности пастбищ. Он побывал везде: и там, и тут. Имеется и вторая коннотация указанной ФЕ, под которой подразумевается, что Макар оказался за тридевять земель.

Данные выражения в испанском и русском языке объединяет то, что лица, чьи онимы представлены в идиомах, осуществляли свою профессиональную деятельность, занимали активную жизненную позицию. Обе идиомы склонны к гиперболизации в описании совершаемых действий.

Рассмотрим следующую ФЕ в заголовке одной из статей испанского медийного ресурса ABC, в которой содержится оним ¡*Que si quieres arroz, Catalina*![2] Выражение тождественно русским вариантам *Что проси, что не проси*; *проси не проси, всё одно*; *без толку*. Испанский лингвист А. Буитраго пояснил, что посредством этого выражения передается невозможность реализации какого-либо дела или убеждения кого-то в своей правоте. В словаре приводится следующий пример:

> Te he dicho mil veces que hace frío, que te pongas algo, de abrigo, pero tú nada, que si quieres arroz, Catalina, en manga corta…[1] – Я тебе сказал(-а) тысячу раз, что холодно, чтобы ты что-то надел(-а), что-то теплое, а ты ничего, всё без толку, с коротким рукавом…

Согласно историческим сведениям, в XVI веке в Саагуне (Леон) жила еврейка Каталина, которая очень любила рис. Рис служил ей не только ингредиентом для разнообразных блюд, но и лекарственным средством. Когда она заболела и перепробовала всевозможные медикаменты, родственники начали терзать ее вопросом, не хочет ли она риса. Она либо молчала, либо невнятно что-то бормотала. Рис же стал последним продуктом, оказавшимся в организме женщины, поскольку ее жизнь оборвалась. Доподлинно же неизвестно, отчего она скончалась. В современном языке данное выражение не утратило своего значения. Так, в тексте ранее упомянутой статьи отражена идея бесполезности инициативы всенародного голосования по выбору членов судебной власти. В свою очередь, лексикограф Ирибаррен выразил мнение о том, что эта история – сущий вымысел, что скорее всего это вариация на тему выражения ¡*Que si quieres*! – *Нет уж*!

В русском языке существуют идиомы *как о стену горох* и *как мертвому припарки*, которые транслируют тему бесполезного обращения к упрямым людям, но русские фразеологизмы этой тематики не содержат онимов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ономастический компонент идиом существенно раскрывает антропный код культуры как Испании, так и России. Оним влечет за собой событие, связанное с субъектом, который так или иначе оставил или оставит свой след в истории страны происхождения ФЕ.

Исходя из проанализированных в данной статье отдельных идиом следует сделать вывод о том, что преобладают мужские имена собственные во ФЕ как испанского, так и русского языка. Не представляется возможным замена онимов – ключевых

[1] URL: https://dle.rae.es/Tato?m=form

[2] URL: https://www.abc.es/espana/abci-si-quieres-arroz-catalina-201901090243_noticia.html

компонентов – в данных идиомах, так как они личностно ориентированы и персонифицированы. Как правило, имена собственные раскрывают антропный код культуры через описание внешних характеристик, личностных качеств, умений, способностей и привычек указанных субъектов. Персонификация и глобализация понятий средствами ономастики и фразеологии возможна во многом благодаря авторскому посылу и яркому раскрытию образа, который производит неизгладимое впечатление на читателей. Также неординарность той или иной реально существовавшей личности способна послужить основанием для образования фразеологической единицы с соответствующим именем собственным. Отличительной особенностью фразеологии является гиперболизация понятий, обличение, но ФЕ с ономастическим компонентом не только демонстрируют отрицательные качества субъектов, но и в равной степени подчеркивают их достижения, наилучшую сторону их личности.

Идиомы с ономастическим компонентом, позволяющие познать антропный код культуры родного и изучаемого языков – объект неустанных лингвистических исследований, целью которых является выявление национально-культурной составляющей страны изучаемого языка. Приведенные в статье обороты речи – достояние стран, частично раскрывающее завесу тайны, связанную с познанием истории, культуры, языка, менталитета народов Испании и России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савченко Л. В. Модель антропного кода культуры во фразеологической картине мира // Universum: Филология и искусствоведение. 2014. № 7 (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-antropnogo-koda-kultury-vo-frazeologicheskoy-kartine-mira/viewer
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия. М.: Аст-Пресс школа, 2020.
3. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
4. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М.: ЛЕНАНД, 2021.
5. Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. М.: Высшая школа, 2001.
6. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. М.: КДУ, 2017.

REFERENCES

1. Savchenko, L. V. (2014). Model` antropnogo koda kul`tury` vo frazeologicheskoj kartine mira. Universum: Filologiya i iskusstvovedenie, 7(9). https://cyberleninka.ru/article/n/model-antropnogo-koda-kultury-vo-frazeologicheskoy-kartine-mira/viewer. (In Russ.)
2. Teliya, V. N. (1991). Bol`shoj frazeologicheskij slovar` russkogo yazy`ka. Znachenie. Upotreblenie. Kul`turologicheskij kommentarij = Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural commentary. M.: AST-PRESS ShKOLA, 2020. (Fundamental`ny`e slovari).
3. Arutyunova, N. D. (1991). Logicheskij analiz yazy`ka: Kul`turny`e koncepty` = Logical analysis of language: Cultural concepts. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Superanskaya, A. V. (2021). Imya – cherez veka i strany` = Name – through centuries and countries. Moscow: LENAND. (In Russ.)
5. Vendina, T. I. (2001). Vvedenie v yazy`koznanie: Ucheb. posobie dlya pedagogicheskix vuzov = Introduction to Linguistics: a textbook for pedagogical universities. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. S. (2017). Leksikologiya ispanskogo yazy`ka = Spanish Lexicology. Moscow: KDU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пыжикова Анна Вячеславовна

старший преподаватель кафедры испанского языка и перевода
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyzhikova Anna Viacheslavovna

Senior Lecturer of the Department of Spanish Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'253+81'373.613+811.222.1

Ситуации и механизмы вытеснения исконных персидских военных терминов иностранными заимствованиями

С. М. Рулькова[1], А. Г. Лешин[2]

[1,2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*
[1]*sofya-rulkova@mail.ru*
[2]*alexandre.leshin@linguanet.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются терминологические (этимологические) дуплеты в персидском языке, их употребление в контексте военно-технического подъязыка. Приводятся примеры этимологических дуплетов, содержащих автохтонные слова и заимствования (аллохтонные слова). Исследуются вероятные причины подмены автохтонного термина аллохтонным. Затрагивается проблема прогнозирования успешности или допустимости замен терминов персидского языка на заимствованные эквиваленты в ходе переводческой деятельности.

Ключевые слова: заимствование, языковой пуризм, терминологические дуплеты, англицизм, персидский язык, военный подъязык, военный перевод, терминология

Для цитирования: Рулькова С. М., Лешин А. Г. Ситуации и механизмы вытеснения исконных персидских военных терминов иностранными заимствованиями// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 12 (880). С. 83–88.

Original article

Situations and Mechanisms of Displacement of Native Persian Military Terms by Foreign Borrowings

Sofia M. Rulkova[1], Alexandre G. Leshin[2]

[1,2]*Moscow State Linguistic University, Military Training Center, Moscow, Russia*
[1]*sofya-rulkova@mail.ru*, [2]*alexandre.leshin@linguanet.ru*

Abstract. The article offers a review of terminological (etymological) doublets in the Persian language, their use in the context of the military and technical sublanguage. The study also presents examples of autochthonous and borrowed etymological doublets. The article offers the probable reasons for the substitution of the autochthonous term by the "allochthonous". The study covers the problem of predicting the success or allowability of replacing Persian language terms with borrowed foreign equivalents by an interpreter.

Keywords: borrowing, linguistic purism, terminological doublets, anglicism, the Persian language, military sublanguage, military translation, terminology

For citation: Rulkova, S. M., Leshin, A. G. (2023). Situations and mechanisms of displacement of native Persian military terms by foreign borrowings. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 12(880), 83–88.

ВВЕДЕНИЕ

Персидский язык, или фарси, – один из древнейших языков и один из важнейших элементов, образующих культуру персидской цивилизации. С диахронической точки зрения, персидский язык постоянно пополнялся различными иностранными заимствованиями, преимущественно арабскими как результат господства Арабского халифата с VII по IX век и попыток арабоязычных захватчиков уничтожить культурное наследие персоязычного населения, запретив его представителям говорить на родном языке. После двух «веков молчания» формировавшийся в то время новоперсидский язык взял за основу письменности арабский алфавит, а огромное число арабизмов прочно вошло в обиход носителей персидского языка. В XIX веке фарси пополнялся европеизмами, в основном французского происхождения, а затем и английского вследствие повсеместного использования этого языка в качестве лингва франка.

В середине XX века на фоне пополнения персидского языка новыми заимствованиями в Иране зародилось и набрало силу движение пуризма – стремление высшего руководства и знати очистить персидский язык от заимствованной лексики путем создания новых слов на базе древнеперсидского, среднеперсидского и авестийского языков [Meskoob, 1992].

В 1935 году при поддержке Резы-шаха Пехлеви (1925–1941) была создана Академия персидского языка и литературы (АПЯЛ), или «Фархангестан-е Иран» («Академия Ирана»). Задачей организации стало очищение персидского языка преимущественно от арабских и тюркских заимствований. В деятельности Академии выделяется три этапа:

- Первая академия (Первый Фархангестан)
- Вторая академия (Второй Фархангестан)
- Третья академия (Третий Фархангестан)

Деятельность на первом этапе была направлена на борьбу с арабскими заимствованиями на фоне лингвистической реформы и пропаганды фарси как единственного официального государственного языка. Первый Фархангестан завершил работу в 1941 году на фоне критики за недостаточный уровень радикализма в процессе «очищения» персидского языка. Тем не менее Э. Б. Боев отмечает, что за шесть лет существования академей было утверждено около 2 тыс. слов и что «почти 90 % из них успешно вошли в словарный фонд современного персидского языка» [Боев, 2020, с. 70].

Работа второго этапа началась в 1970 году и продолжалась десять лет. В структуре Академии был сформирован научно-исследовательский центр, который изучал, создавал и внедрял персидские эквиваленты для различных терминов. Э. Б. Боев указывает, что в центре велись разработки терминологии по 28 направлениям: направлением учебно-воспитательной терминологии, терминологии в области администрирования, географии, литературы, искусства и археологии, топографии, лингвистики, политики и международных отношений, культуры, философии и социальных наук [Боев, 2017]. Проводилась работа по замене как слов и терминов арабского происхождения, так и заимствованных из европейских языков (в основном французского и английского).

Последний этап (Третий Фархангестан) начался в 1990 году уже после Исламской революции и продолжается по сей день. Ю. А. Рубинчик описывает этот этап как направленный на вытеснение европеизмов из языка официального общения и языка государственных институтов [Рубинчик, 2009]. Итогом данного этапа стало запрещение использования западных лексических заимствований в госучреждениях и издание многотомного терминологического словаря.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ

Следует отметить, что работа Академии Ирана развивалась на фоне очередного витка научно-технической революции, связанного в первую очередь с освоением космического пространства, внедрением компьютерных технологий, развитием массовых коммуникаций и ознаменовавшего переход к глобализации и постиндустриальному обществу. Появляясь быстрее, чем новые тома терминологического словаря АПЯЛ, иностранные термины, связанные с достижением прогресса второй половины XX века, стали активно проникать в персидский язык, несмотря на политику пуризма. В результате в фарси оказалось множество пар лексем разного происхождения с одинаковым или схожим значением. В подобных парах один термин автохтонный – персидского происхождения, а другой – заимствованный, или аллохтонный, т. е. используемый некоренными жителями [Жукова и др., 2013]. В статье «Некоторые тенденции развития лексикона современного персидского языка» В. А. Генералов называет такие пары «этимологическими дуплетами», т. е. двумя синонимичными разноязычными лексемами [Генералов, 2017]. Примеры некоторых этимологических дуплетов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Автохтонный персидский вариант	Аллохтонный заимствованный вариант	Перевод на русский язык
[rāhbordi] راهبردی	[estrātedgik] استراتژیک	стратегический
[hamāyesh] همایش	[kongre] کنگره	конгресс, форум
[zarfiyyat] ظرفیات	[potānsiyel] پتانسیل	потенциал
[chāpgar] چاپگر	[printer] پرینتر	принтер
[neshāni] نشانی	[ādres] آدرس	адрес
[bimārestān-e sayyār] بیمارستان سیار	[āmbulāns] آمبولانس	скорая помощь
	[otomobil] اتومبیل	автомобиль
[nāmzad] نامزد	[kāndidā] کاندیدا	кандидат
[ostohānbandi] استخوانبندی	[eskelet] اسکلت	скелет
[āmadoraft] آمدورفت	[terāfik] ترافیک	движение (*обратно-поступательное*)

Несмотря на успешную деятельность АПЯЛ, некоторые рекомендованные к употреблению персидские эквиваленты не получили распространения в обществе: персидское فهرست غذا ([fehrest-e gazā], *список еды*) не смогло заменить английское *menu*, а افزارگان ([afzaregan], *техническое обеспечение*) не стало использоваться вместо английского *hardware*. То, что данные слова используются в качестве дуплетов, по мнению О. М. Сотовой, позволяет говорить о «параллельном функционировании в тексте персидских и заимствованных терминов, при котором персидский вариант термина сопровождается иноязычным эквивалентом на языке оригинала и / или описанием данного понятия» [Сотова, 2008, с. 12].

Тенденция к использованию иностранных заимствований наблюдается в технической сфере общения среди специалистов узкого профиля. Нами было замечено, что на переговорах по авиационной тематике примерно в двух третьих случаев иранские технические специалисты употребляют в качестве терминов именно иностранные заимствования, преимущественно англицизмы.

Несмотря на наличие в персидском языке автохтонного терминологического словосочетания گروه تضمینی ([goruh-e tazmini], *гарантийная группа*), иранские военно-технические специалисты используют заимствованное تیم گارانتی [tim-e gārānti], воспроизводимого от английского *guarantee team*. Одной из возможных причин выбора в пользу употребления этого заимствованного варианта могло послужить то, что корень слова (*гарант-*) легко узнается во многих европейских языках (*англ.* guarantee, *фр.* garantie, *исп.* garantizar, *нем.* Garantie, *ит.* garanzia), что позволяет достигнуть взаимного понимания в ходе коммуникации с партнерами Исламской Республики Иран во время переговоров на технические темы.

Вероятно, по такому же принципу в персидском языке используется слово اتوماتیک [otomātik] (*автоматический*), воспроизводимое от *англ.* automatic, вместо персидского خودکار [hodkār] (*самодействующий*). Корень слова (*автомат-*), помимо английского, также прослеживается во французском *automatique*, испанском *automático*, немецком *automatische*, итальянском *automatico* языках.

Еще одним примером может послужить слово تکنولوژی [teknnoloji] (*технология*). Корень слова *-техн-* можно встретить во многих европейских языках: *англ.* technology, *фр.* technologie, *исп.* tecnología, *нем.* Technologie, *ит.* tecnologia.

Примечательно, что не только существительные, но и часто употребляемые глаголы могут заменяться иностранным эквивалентом. Нами было отмечено, что в процессе переговоров по технической тематике, прошедших в мае 2023 года, иранские специалисты часто заменяли персидские глаголы سوار کردن [savār kardan] (*осуществлять сборку*) или جفت کردن [djoft kardan] (в таком же значении) на английский эквивалент *assembling* с характерным для фарси смещением ударения на последний слог. Иностранное заимствование с данным корнем также использовалось в таких словосочетаниях, как:

- تجهیزات اسمبلینگ و جوش [tajhizāt-e assembling o jush] – *оборудование для сборочно-сварочного производства*
- دستگاه اسمبلینگ [dastgāh-e assembling] – *сборочный станок*
- کار اسمبلینگ [kār-e assembling] – *сборочные работы.*

При этом наряду с персидскими эквивалентами слова *сборка* в повседневном общении технических специалистов – носителей фарси – часто используется галлицизм مونتاژ [montāj] с тем же значением. Нами были отмечены такие словосочетания, как:

- مونتاژ نهایی ([montāj-e nehayi] (*окончательная сборка*)
- کیت مونتاژ با حطا [kit-e montāj ba hatā] (*недоукомплектованность*)

В последнем примере мы можем также наблюдать употребление заимствованного слова *kit*.

Другие примеры подмены автохтонного термина заимствованным представлены в таблице 2, составленной на основе переводческой записи фрагментов переговоров 2023 года по теме: «Авиационная промышленность». Во второй колонке таблицы представлены лексемы, которым иранские специалисты отдавали предпочтения в ходе обсуждения технических аспектов.

Таблица 2

Автохтонный персидский вариант	Аллохтонный заимствованный вариант	Перевод на русский язык
из английского языка		
برآفزا [barāfzā]	فلاپ *англ.* flap	закрылок
شهپر [shahpar]	ایلرن *англ.* aileron	элерон
برآکش [barākosh]	اسپویلر *англ.* spoiler	спойлер, интерцептор
ماهیواره [māhivāre]	ایر فو یل *англ.* airfoil	аэродинамический профиль
قاب [gāb]	فریم *англ.* frame	каркас
شیپور خروجی [sheypur-e horudgi]	نازل *англ.* nozzle	сопло
مجموعه [majmue’]	کیت *англ.* kit	комплект (*деталей, приборов, инструментов*)
کابین خلبان [kābin-e hālebān]	کاکپیت *англ.* cockpit	кабина (*летного экипажа*)
تحرک [taharok]	مانورپذیری *англ.* maneuver	маневренность
из французского языка		
ارابه فرود [arābe-ye forud]	شاسی *фр.* châssis	шасси
جزوه [jozve]	بروشور *фр.* brochure	брошюра
پیشرانه [pishrāne]	موتور *фр.* moteur	мотор, двигатель
из русского языка		
سرعت شکن [sor’at shekan]	ترمز هوایی *рус.* тормоз	воздушный тормоз

Таблица 3

Вариант, используемый в персидском языке	Вариант, используемый в русском языке
مونتاژ اسکیدی *или* مونتاژ SKD [montaj-e es-key-di]	крупноузловая сборка
مونتاژ سیکیدی *или* مونتاژ CKD [montaj-e si-key-di]	мелкоузловая сборка
اردیایکس *или* RDX [ar-di:-eks]	гексоген
اچامایکس *или* HMX [eɪtʃ-em-eks]	октоген
هاد *или* HUD (Head-Up Display) [hʌd]	индикатор лобового стекла (ИЛС)

Необходимо обратить внимание на то, что иранцы используют галлицизмы и русизмы, хотя и в меньшем объеме по сравнению с англицизмами представляющими большую часть заимствованных терминов, представленных в таблице.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АББРЕВИАТУР В КАЧЕСТВЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В современном персидском языке в речи технических специалистов употребляются аббревиатуры, представляющие собой сокращение английских терминов. Нами отмечено, что представители Ирана, ведущие переговоры на фарси, несмотря на государственную политику пуризма в специальной речи склонны использовать иностранные аббревиатуры для обозначения некоторых предметов и явлений так же, как это делают их коллеги – носители английского языка. В таблице 3 представлены примеры ряда лексических единиц, использованных иранскими специалистами в ходе серии переговоров, датируемых 2023 годом, на техническую тематику и их эквивалентами в переводе на русский язык.

Представляется целесообразным предположить, что персидский язык, по сравнению с русским, в большей степени тяготеет к использованию аббревиатур. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в состав устной речи на русском языке входят только аббревиатуры, обладающие эвфонией при произнесении (к примеру, ИЛС). Так, аббревиатуры, в которых отсутствуют гласные, не обладают благозвучием для носителей русского языка. Однако носители персидского языка воспринимают благозвучие по-другому. Сочетания

согласных в заимствованных аббревиатурах для говорящих на фарси более привычны и удобны для произношения и восприятия.

С другой стороны, использование аббревиатур позволяет участнику переговорного процесса показать более высокие темпоральные характеристики речи, увеличить емкость высказывания и подчеркнуть статус говорящего как специалиста по тематике переговоров, что важно для носителей персидской культуры.

Совокупность указанных выше факторов мотивирует носителей персидского языка отдавать предпочтение использованию аббревиатур в тех случаях, когда носители русского используют полный термин.

Стоит также обратить внимание, что в персидском языке допускается запись английской аббревиатуры арабицей путем транслитерации (примеры представлены в первой колонке табл. 3), но на практике предпочтение отдается записи аббревиатуры на английском языке с целью экономии времени.

ВЕРОЯТНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОДМЕНЫ АВТОХТОННОГО ТЕРМИНА АЛЛОХТОННЫМ

На основе опыта переводческой деятельности в военно-технической сфере мы приходим к выводу, что подмена автохтонного термина аллохтонным при обсуждении технических деталей и аспектов в ходе переговоров с представителями Ирана происходит по следующим причинам:

1) вся техническая документация по образцам или изделиям ведется на иностранном (английском) языке;
2) надписи и маркировки на изделиях и образцах иностранной техники (в том числе вооружения, военной и специальной техники) делаются на английском языке;
3) обучение представителей Ирана осуществляется иностранными специалистами преимущественно на иностранном (английском) языке;
4) научно-исследовательские работы и исследования публикуются на языке оригинала и / или в переводе на английский язык;
5) на международных мероприятиях взаимодействие специалистов из разных стран, в основном, происходит на английском языке, как на языке глобального общения, вследствие чего участники диалога достигают большего коммуникативно-прагматического эффекта за счет «международного характера» употребляемых англоязычных терминов.

После проведения опроса нам удалось также установить, что сами носители фарси возможной причиной замены терминов персидского языка на термины из других языков (преимущественно английского) считают более раннее узуальное появление в языке заимствованных терминов и их использование вследствие привычки.

ВЫВОДЫ

Возникновение движения пуризма, вызванное историческими и социальными причинами, привело к появлению большого числа этимологических дуплетов в персидском языке. Из-за официального статуса идеи пуризма в Исламской Республике Иран лингвистам и, в особенности, переводчикам часто приходится сталкиваться с проблемой выбора между автохтонным термином и заимствованным. Перед практикующими переводчиками особо остро стоит проблема прогнозирования успешности или допустимости замен терминов персидского языка на заимствованные эквиваленты в профессиональной деятельности. Как показывает опыт, замена термина на языке фарси его иностранным дуплетом допустима. Однако в связи с особенным отношением технических специалистов – носителей фарси – к чистоте своего языка, переводчику не стоит этим злоупотреблять. Тем не менее использование заимствований, в первую очередь из английского языка, может быть рекомендовано начинающим переводчикам во избежание коммуникативной неудачи. Для этого переводчику следует:

- во-первых, быть уверенным в употребляемых аллохтонных эквивалентах терминов персидского языка;
- во-вторых, адаптировать заимствованный терминологический дублет к произношению, характерному для фарси.

Переводчик не должен опасаться того, что использование заимствований вызовет непонимание или недовольство его работой: коммуникативный провал станет большей проблемой, чем стилистическое или орфоэпическое несоответствие его речи ожиданиям заказчика. К тому же в некоторых ситуациях уверенное владение переводчиком международными терминами изменяет его имидж в лучшую сторону. Переводчику следует помнить, что в военно-технической, как и любой другой технической сфере, предпочтение может быть отдано заимствованному термину в целях упрощения межкультурной коммуникации: недопущения подмены понятий, избежания недопонимания, облегчения процесса изучения иностранных образцов, обращения к научным работам, публикуемых в открытом доступе.

Таким образом, можно утверждать, что при подготовке к выполнению задач по техническому переводу специалисту стоит обратить внимание не только на изучение терминов на фарси, но и на понятия и термины, соответствующие тематике перевода, на английском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meskoob Sh. Iranian Nationality and the Persian Language. Washington, D.C.: Mage Pub., 1992.
2. Боев Э. Б. Государственная языковая политика Ирана: история и современность // Языковая политика и лингвистическая безопасность : Материалы IV Международного научно-образовательного форума.. Нижний Новгород. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2020. С. 66–75.
3. Боев Э. Б. Идеология государственного национализма в Иране в период правления династии Пехлеви. (1925–1979 гг.): дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.
4. Рубинчик Ю. А. Персидский язык и его роль в освещении религиозно-политических терминов мусульманского мира // Иран-Наме. 2009. № 3 (11). С. 187–192.
5. Жукова И. Н. и др. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013.
6. Генералов, В. А. Некоторые тенденции развития лексикона современного персидского языка. М.: Евразийское научное объединение, 2017. № 11(33). Т. 2. С. 141–145.
7. Сотова О. М. Основные структурно-семантические особенности терминообразования в современном персидском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008.

REFERENCES

1. Meskoob, Sh. (1992). Iranian Nationality and the Persian Language. Washington, D.C.: Mage Pub.
2. Boev, E. B. (2017). State language policy of Iran: history and modernity. Language policy and linguistic security. Materials of the IV International Scientific and Educational Forum. Linguistics University of Nizhny Novgorod (pp. 66–75). Nizhny Novgorod. (In Russ.)
3. Boev, E. B. (2017). Ideologiya gosudarstvennogo nacionalizma v Irane v period pravleniya dinastii Pekhlevi (1925–1979 gg.) = The ideology of state nationalism in Iran during the reign of the Pahlavi dynasty (1925–1979): PhD in Historical sciences. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
4. Rubinchik, Yu. A. (2009). Persidskiy yazyk i yego rol' v osveshchenii religiozno-politicheskikh terminov musul'manskogo mira = The Persian language and its role in cross-lighting the religious and political terms of the Muslim world. Iran-Name, 3(11), 187–192. (In Russ.)
5. Zhukova, I. N., Lebedko, M. G., Proshina, Z. G., Yuzefovitch, N. G. (2013). Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii = Terminological Dictionary of Intercultural Communication, ed. by M. G. Lebedko, Z. G. Proshina. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
6. Generalov, V. A. (2017). Some trends in the development of the vocabulary of the modern Persian language. Moscow: Eurasian Scientific Association, 11(33), vol. 2, 141–145. (In Russ.)
7. Sotova, O. M. (2008). Osnovnye strukturno-semanticheskie osobennosti terminoobrazovaniya v sovremennom persidskom yazyke = Basic structural and semantic features of term formation in the modern Persian language: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рулькова Софья Михайловна

преподаватель военного учебного центра при Московском государственном лингвистическом университете

Лешин Александр Геннадьевич

старший преподаватель, начальник цикла военного учебного центра
при Московском государственном лингвистическом университете

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rulkova Sofia Mikhailovna

Lecturer at the Military Training Centre, Moscow State Linguistic University

Leshin Alexandre Gennadievich

Senior Lecturer and Instructor at the Military Training Centre, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'246

«Мемуары Карло Гольдони»: к проблеме авторства итальянской версии

М. Б. гызы Рустамова[1], О. Ю. Школьникова[2]

[1,2]*МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия*
[1]*r.maryashka@gmail.com*
[2]*chkolnikova@icloud.com*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос авторства итальянской версии «Мемуаров» великого итальянского драматурга Карло Гольдони, опубликованных в Париже в 1787 г. на французском языке и вышедших годом позже в Венеции уже на итальянском языке. Анализируются особенности языка и стиля данной итальянской версии в сопоставлении с французским оригиналом и более поздним итальянским переводом, выполненным Ф. Костеро. Лингвистический анализ показывает близость французской и первой итальянской версий, а дополнения в тексте указывают на то, что авторство перевода принадлежит самому драматургу.

Ключевые слова: Карло Гольдони, авторский перевод, итальянский язык XVIII в., авторство

Для цитирования: Рустамова М. Б. гызы, Школьникова О. Ю. «Мемуары Карло Гольдони»: к проблеме авторства итальянской версии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2003. Вып. 12 (880). С. 89–95.

Original Article

"Memoirs of Carlo Goldoni": to the Problem of Authorship of the Italian Version

Maryam B. gyzi Rustamova[1], Olga Yu. Shkolnikova[2]

[1,2]*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
[1]*r.maryashka@gmail.com*
[2]*chkolnikova@icloud.com*

Abstract. The article is devoted to the problem of the authorship of the Italian version of the «Memoirs» by the great Italian playwright Carlo Goldoni, published in Paris in 1787 in French and published a year later in Venice in Italian. The features of the language and style of this Italian version are considered in comparison with the French original and a later Italian translation made by the philologist and translator Francesco Costero. Linguistic analysis shows the closeness of the French and the first Italian versions, and additions in the text indicate that the authorship of the translation belongs to the playwright himself.

Keywords: Carlo Goldoni, author's translation, 18th century Italian, authorship

For citation: Rustamova, M. B. gyzi, Shkolnikova, O. Yu. (2023). "Memoirs of Carlo Goldoni": to the problem of authorship of the Italian version. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 89–95.

ВВЕДЕНИЕ

В XVIII веке, когда мемуары входят в моду у итальянских интеллектуалов, создается целый корпус памятников этого жанра, ставших ценными свидетельствами эпохи. Среди авторов мемуаров этого периода – ученые, писатели, драматурги, общественные деятели, среди них Дж. Вико, П. Я. Мартелло, Дж. Казанова, В.А.Альфьери, Л. Да Понте, К. Гоцци, К. Гольдони и др. Такие черты стиля мемуаристов, как лаконизм, элементы разговорной речи, ясность повествования, способствовали обогащению и совершенствованию литературного итальянского языка. Характерной чертой эпохи стал тот факт, что многие итальянские мемуаристы писали по-французски и лишь впоследствии их воспоминания выходили на родном для автора языке в его собственном или чужом переводе.

«МЕМУАРЫ ГОЛЬДОНИ»: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДОВ

Будучи автором, заинтересованным в максимально широком распространении своих произведений и, соответственно, в зрителях, важнейшее средство достижения успеха Карло Гольдони видел в языке своих произведений, который он изменял, учитывая публику, к которой он обращался. В его театральное наследие входят пьесы, написанные и на венецианском диалекте в ранний период, и на французском языке – в поздний. Однако вершину его творчества составляет средний, зрелый, так называемый венецианский, этап, пьесы, написанные на итальянском языке, ориентированном на литературный письменный язык, оживляемый лексикой, заимствованной из венецианского, венетских и ломбардских диалектов, галлицизмами, вкраплениями разговорной тосканской речи и элементами высокого стиля. Работой над языком своих комедий Гольдони внес огромный вклад в развитие итальянского языка.

Как писал Джанфранко Фоллена, «итальянский язык в использовании Гольдони – это преимущественно театральный язык, сценический призрак, часто обладающий живостью разговорного языка, но питающийся скорее письменным языком и вбирающий в себя в большом количестве слова венетского диалекта, ломбардские и французские заимствования, а также разговорные выражения Тосканы и высокопарные стилизации языка романов и мелодрам»[1] [Folena, 1993].

Кроме драматургического наследия, Карло Гольдони оставил яркий след и как мемуарист. Помимо того, что «Мемуары Карло Гольдони» являются интереснейшим историческим свидетельством, повествующим о событиях личной жизни великого итальянского драматурга на фоне общеевропейской культурной жизни, они являются любопытным лингвистическим документом, отражающим два языка его эпохи: французский и итальянский.

К. Гольдони неоднократно сопровождал издание своих комедий предисловиями, содержащими комментарии биографического характера, стараясь вписать текст произведений в историко-личный контекст (эти предисловия, собранные воедино, получили в дальнейшем название «Memorie italiane»). Они легли впоследствии в основу французских мемуаров, которые он опубликовал отдельным изданием в очень преклонные годы. Эти мемуары становятся логичным воплощением его желания осмыслить собственную творческую жизнь и богатый личный опыт через призму культурного контекста.

«Мемуары» Гольдони – «Mémoires de M. Goldoni, pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son théâtre» – написаны по-французски и впервые были изданы в Париже в издательстве Вдовы Дюшен в 1787 году. Они включали три тома, первый из которых был посвящен детским годам, молодости, периоду получения образования и началу профессиональной практики, как известно, по настоянию отца, Гольдони получил юридическое образование и даже имел адвокатскую контору в Венеции. Второй том посвящен второму этапу жизни писателя, расцвету его карьеры театрального драматурга, в третьем – описывается его деятельность во Франции и дается обширная панорама придворной и культурной жизни Парижа, в которой Гольдони вращался на протяжении последних тридцати лет своей жизни.

Гольдони писал очень простым языком, предпочитал прямой порядок слов (подлежащее – сказуемое – дополнение), активные конструкции, простую нейтральную лексику. Орфография соответствовала нормам французского языка XVIII века, например, он пользовался диграфом *oi*, например: *paroitre, je me doutois*, однако не отражал замолкнувшее *t* на письме в словах *tems, differens, mouvemens*.

Французские издатели относились к тексту очень бережно и в последующих изданиях внесли незначительные изменения в представление текста, например, в издании 1822 года разделили тома на части, в графике *oi* заменили на *ai* там, где звучит [e], например, в формах имперфекта, ввели употребление accent grave, убрали выделение курсивом названий и имен собственных, а также заглавные буквы в именах нарицательных, как *Negociant Venetien*. Убрали некоторые лишние буквы: например, *appaiser* > *apaiser*. Таким образом,

[1] Зд. и далее перевод наш. – *М. Р.*

французский текст Гольдони дошел до современного читателя практически аутентичным, чего нельзя сказать о тексте итальянском.

Через год после выхода французского издания, в 1788 году мемуары драматурга были опубликованы на итальянском языке в венецианском издательстве lo Zatta. По утверждениям некоторых специалистов это был автоперевод самого Гольдони.

Так, в словаре Брокгауза и Эфрона указано, что «главным материалом для биографии Гольдони и истории его литературной деятельности служат его «Мемуары», напечатанные им по-французски в 1787 году под заглавием «Mémoires de M. Goldoni, pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son théâtre», а год спустя им же переведенные на итальянский язык»[1]. В качестве источников информации указаны Ferdinando Meneghezzi «Della vita e delle opere di Carlo Goldoni» (Милан, 1827); Luigi Carer «Saggi sulla vita e le opere di Carlo Goldoni» (Венеция, 1825); Gherardo de'Rossi «Del moderno teatro comico italiano e del suo Restavratore Carlo Goldoni» (Бассано, 1794); Pompeo Molmenti «C. Goldoni» (Милан, 1875)[2].

Самая распространенная и доступная в настоящее время версия итальянского текста мемуаров – изданный в 1888 году перевод Франческо Костеро, итальянского филолога и переводчика (1818–1881), автора двуязычного французско-итальянского словаря [Costèro, Lefebvre, 1878].

Ф. Костеро пишет в предисловии к своему изданию следующее:

> Гольдони писал свои мемуары во Франции, по-французски, и те мемуары, которые известны на итальянском языке, есть перевод. Французские мемуары увидели свет в Париже в 1787 году, и через год издательство Дзатта опубликовало их, переведенные на итальянский язык в Венеции.
>
> Последующие переводы вышли в Тоскане, но они, как и венецианские и последнее флорентийское издание 1861 года, ужасны в том, что касается языка. Для того, чтобы улучшить эту книгу, которую считаю приятным и полезным чтением, я изучал французский текст, сопоставлял разные переводы и затем, не умаляя простоты и живости стиля, озаботился тем, чтобы исправить слова, фразы и конструкции, которые очевидным образом отражают черты французского языка. После этой очистки, думаю, что из мемуаров Гольдони исчезли, если не все, то огромнейшая часть пятен, которые оскорбляли взгляд читателя, который дорожит чистотой и точностью родного языка. Этим я не хочу сказать, что перевод мемуаров нашего автора не способен совершенствоваться еще больше, но могу заявить со всей ответственностью, что настоящее издание намного лучше всех предыдущих[3].

Таким образом, Франческо Костеро утверждает, что итальянские переводы плохого качества, что они являются кальками с французского текста и что Гольдони не автор французского перевода.

В этом свете представляется интересным сопоставить французскую версию оригинального текста с первой итальянской версией и с более поздним итальянским переводом и попытаться понять, какова вероятность того, что ранняя итальянская версия могла быть сделана самим Гольдони.

В пользу автоперевода, во-первых, говорят достаточно весомые добавления, появившиеся в итальянской версии и отсутствующие во французском тексте, например, внушительные вставки с дополнительной биографической информацией. Приведем в качестве примера отрывки из итальянской версии, курсивом выделены фрагменты, отсутствующие во французской версии. Это воспоминания, относящиеся к детским годам Гольдони, соответственно, никто, кроме него, не мог добавить эти строки в итальянское издание:

> ...ebbi all'età di otto anni la temerità di abbozzare una commedia. Ne feci la prima confidenza alla governante, che la trovò piena di grazia; *mia zia si burlò di me; mia madre mi sgridò e mi abbracciò nello stesso tempo; e il mio precettore asserì esservi spirito e buon senso oltre le forze della mia età*[3].

ЯЗЫК ИТАЛЬЯНСКИХ «МЕМУАРОВ» ГОЛЬДОНИ

Итальянская версия «Мемуаров» Гольдони написана на литературном итальянском языке, который содержит черты современного ему узуса, но в то же время отражает новаторские особенности языка автора.

Особенности языка Гольдони в «Мемуарах» можно проследить на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, графическом и орфографическом.

Фонетика и графика

В то время, как в графике XVIII века проявляется чередование *c / z* для обозначения аффрикаты,

[1] Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. 1890–1907.

[2] URL: https://it.wikisource.org/wiki/Memorie_di_Carlo_Goldoni/Parte_seconda/I

[3] Goldoni, C. Memorie di Carlo Goldoni, scritte sal medesimo per l'istoria della sua vita e del suo teatro. Traduzione di Francesco Costero. 1888. URL: https://it.wikisource.org/wiki/Memorie_di_Carlo_Goldoni/Parte_seconda/I (accessed on 21.07.23).

получившейся из *t* перед гласным переднего ряда, в языке Гольдони чаще встречается *z*. Наиболее часто это прослеживается в личных формах глагола и инфинитивах, например: *pronunzia – pronuncia*.

Можно заметить фоносинтаксическое удвоение на стыке корней в наречиях и наречных оборотах: *ciocchè – ciò che', laddove – là dove*.

Дифтонг *uo/o*: в подавляющем большинстве форм отмечена тосканская дифтонгизация, распространившаяся к началу XVIII века и в прозе, однако есть и формы без дифтонга: *commove – commuove*.

Наблюдаются колебания в интерпретации предударных гласных: *carnovale / carnevale – carnevale*.

Гольдони повсеместно использует формы с протетическим *i* перед сочетанием согласных *st-: istessa – stessa, istoria – storia, istato –stato*.

А также есть случаи с протезой *a*, например: *abbisognava –bisognava*.

Орфография

Говоря об орфографии, стоит отметить, что у Гольдони встречается характерное для языка XVIII века – *troncamento della vocale finale* – усечение последней гласной после сонорного или назального в:

- существительных: *sensazion – sensazione*;
- прилагательных: *essenzial – essenziale*, *principal – principale*;
- местоимениях*: Lor – Loro*;
- инфинитивах и личных формах глагола: *spiccar – spiccare, tentar – tentare*;
- наречиях: *fuor – fuori*.

Отметим написание *j* длинного в комбинации двух *ii* в формах множественного числа:

- существительных: *occhj – occhi*;
- прилагательных и причастиях: *varj – vari, serj – seri*.

Длинный *J* используется и для обозначения полугласного в интервокальной позиции: *gioja – gioia, mi annoja – mi annoia*.

Морфология

Артикль

Можно видеть замену слитных форм артикля *dei, ai, nei* на усеченные формы *de', a', ne'*:

de' suoi nemici – dei suoi nemici

При этом специфические современные формы определенного артикля перед сочетанием «*s* + согласный» используются регулярно:

agli spettacoli – agli spettacoli

Местоимения

Местоимения в безударной форме располагаются в постпозиции по отношению к глаголу:

parevami – mi pareva
valesi – si vale
vassene – se ne va.

Вместо локативного местоименного наречия *ci* Гольдони использует более литературное наречие *vi*: *tutto vi era cattivo – tutto ci era cattivo*. Типична для языка Гольдони конструкция «артикль + *di* + *lui / lei* в притяжательном значении». Такая конструкция латинского происхождения до сих пор встречается в бюрократическом стиле, а в XVIII веке была характерна для литературного языка:

Ciocchè contribuì infinitamente al di lei buon incontro – il suo incontro.

Глагол

Гольдони использует форму имперфекта 1-го лица единственного числа с окончанием *-a*, т. е. она совпадает с формами 3-го лица единственного числа, что было характерно для языка XVIII века, в дальнейшем, по предложению А.Мандзони, утвердилась флорентийская форма на *-o*: *io non aveva torto – io non avevo torto*.

Синтаксис

Для языка «Мемуаров» характерны разнообразные конструкции:

- от многочисленных литературных оборотов с герундием:

  Procura di guadagnar tutti colla dolcezza; ma questa riuscendo inutile, non manca di minacciare – Cerca di convincere tutti con la dolcezza, ma siccome non ha potuto riuscire così, non ha mancato di minacciare;

- до эмфатических конструкций с превращением простого предложения в сложноподчиненное с инверсией придаточного:

  Chi cominciò dopo alcune settimane a dar qualche credito al nostro Teatro, fu la Griselda.

Лексика

Лексический состав языка Гольдони разнообразен и выразителен. Основу составляет литературный итальянский язык, максимально доступный широкой публике, колорит и живость создается за счет

использования разных заимствований, в первую очередь тосканизмов, например, он использует тосканскую форму глагола *fare*: *fo – faccio*.

Элегантность стилю придают латинизмы. Однако их употребление в «Мемуарах» не настолько частотно, как, например, в пьесах, где латинские слова были адаптированы на фонетическом уровне, чтобы стать частью разговоров персонажей на сцене:

Li fece distribuire gratis a tutti (< *lat.* gratis)
lepido < *lat.* lepidus
burla < *lat.* burla
gius < *lat.* lus

Встречаются и цитаты на латыни:

annus inceptus habetur pro completo – l'anno incominciato è considerate come completo.

Галлицизмы составляют большую долю заимствований, что характерно в целом для эпохи, тем более, что итальянские мемуары – перевод с французского языка. Галлицизмы проникали в основном в такие семантические поля, как общественная жизнь, мода, дом и его обустройство:

Madama Riccoboni < *fr.* Madame
Caffè di Foi < *fr.* Caffé
guisa < *fr.* guise.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ОРИГИНАЛА И ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ

Язык итальянской версии 1888 года, естественно, модернизирован по сравнению с версией столетней давности: изменена форма *Imperfetto*; герундиальные конструкции, любимые Гольдони, трансформируются в инфинитивные конструкции или придаточные предложения; инфинитивы, в свою очередь, превращаются в формы Subjonctif:

«Mémoires», Paris, 1787	Quelle satisfaction pour moi de rentrer au bout de cinq ans dans ma Patrie…
«Memorie», Venezia, 1788	Oh che soddisfazione per me, vedendomi di ritorno dopo cinque anni nella mia Patria…
«Memorie», Milano, 1888	Quale contentezza per me tornar di nuovo, in capo a cinque anni, nella mia patria…

Если сравнивать язык итальянских версий 1788 и 1888 годов, то можно обнаружить, что перевод действительно переработан и его языковые структуры сознательно изменены, без надобности, как будто бы для того, чтобы отдалить итальянский текст от оригинала.

«Mémoires», Paris, 1787	cette découverte
«Memorie», Venezia, 1788	questa scoperta
«Memorie», Milano, 1888	una scoperta di tal sorto

Все изменения частотны и имеют целью отдалиться, обособиться от оригинала, отказываясь от использования однокоренных лексем, переводчик демонстрирует синонимические возможности итальянского языка, но слегка изменяет смысл высказывания, инверсии подлежащего и сказуемого, неестественные для языка Гольдони, делают текст более сложным для восприятия. Изменение временных форм искажает содержание.

«Mémoires», Paris, 1787	tragedie interessante
«Memorie», Venezia, 1788	tragedia interessante
«Memorie», Milano, 1888	tragedia per se stessa piacevole

Переводчик версии 1888 года тяготеет к многословности, использованию перифраз там, где у Гольдони используется одно слово:

«Mémoires», Paris, 1787	briller
«Memorie», Venezia, 1788	riuscire
«Memorie», Milano, 1888	fare la più bella figura

Во французской версии преобладает, и даже можно сказать, используется прямой порядок слов в предложении (подлежащее – сказуемое – дополнение), мы уже отмечали этот факт, ему же следует итальянская версия 1878 года, в позднейшей версии повсеместно используется инверсия:

«Mémoires», Paris, 1787	Ce dernier devoit se marier avec…
«Memorie», Venezia, 1788	Quest'ultimo doveva maritarsi con…
«Memorie», Milano, 1888	Doveva quest'ultimo sposar Rosaura

Инверсируется и порядок слов в словосочетаниях и перечислениях однородных членов:

«Mémoires», Paris, 1787	J'avois eu assez de tems, et assez de facilité…
«Memorie», Venezia, 1788	Aveva avuto bastante tempo e facilità…
«Memorie», Milano, 1888	Avevo intanto vuto tempo e comodo bastante…

АВТОПЕРЕВОД И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Попробуем доказать нашу мысль об авторстве Гольдони путем сопоставления французской и ранней итальянской версий.

Как отмечают специалисты по авторскому переводу: «Автоперевод может предполагать перестройку произведения с ориентацией на другого читателя» [Резунова, 2016, с. 150].

У Гольдони мы видим уточнение и более детальную проработку, это касается прежде всего первой части, где речь идет об Италии, создается впечатление более доверительных отношений с итальянским читателем. «Собственный отличительный характер автопереводов от обычных переводов заключается в более точной формулировке изначального замысла писателя переводчика» [там же, 151]. Часто в итальянском переводе 1778 года мы встречаем прилагательные с более конкретным значением, чем во французской версии, автор как будто уточняет нюансы, вернувшись к повествованию. «Автоперевод демонстрирует ситуацию динамического проникновения одного языка в другой, одной культуры в другую. Автопереводы признано различать, как адекватные и творческие варианты произведения» [Резунова, 2016, с. 151].

С этим качеством, возможно, и связана структурная близость языка двух версий, автору присущ определенный порядок мысли и предпочтение лексем, которые реализуются одинаковым образом, когда он выражает свою мысль на разных языках. К тому же мы не можем предположить, что у Гольдони, прожившего 30 лет во Франции, ухудшились знания итальянского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при сопоставлении трех версий текста четко видно, что Франческо Костеро в переводе 1888 года следовал, с нашей точки зрения, совершенно ложной предпосылке необходимости обособления итальянской версии от французского оригинала, по-видимому, «защищая и прославляя» таким образом итальянский язык, доказывая его способность не копировать французский, а самостоятельно порождать формы и конструкции, но, при этом, опять же с нашей точки зрения, ухудшив перевод, усложнив его и в некоторой степени исказив.

Возможно, такая переводческая позиция была связана с общей дискуссией того времени о самодостаточности итальянского языка, его независимости и превосходстве над другими языками и выдающимися качествами в плане переводческой деятельности, которая проходит как раз в XIX веке и долго еще отзывалась в высказываниях разных итальянских литераторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Резунова И. А. Автоперевод как средство взаимосвязи и взаимообогащения национальных культур // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-1 (60): в 3 ч. Ч. 1. С. 150–152. URL: https://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/44.html (дата обращения: 01.08.2023).
2. Costèro F., Lefebvre H. Dizionario francese – italiano e italiano – francese arricchito della pronunzia delle due lingue, di molti termini tecnici e di marina, di un dizionario geografica, e di un supplemento. Firenze, G. Barbèra, seconda edizione, 1878.
3. Folena G. Una lingua per il teatro. Il teatro di Goldoni, a cura di Marzia Pieri. Bologna: Il Mulino, 1993.
4. Gozzi C. Memorie inutili, a cura di Giuseppe Prezzolini. Bari: Laterza, 1910. URL: https://it.wikisource.org/wiki/Memorie_inutili/Nota#cite_note-3 (дата обращения: 01.02.2023).

REFERENCES

1. Rezunova, I. A. (2016). Translation as a means of interconnection and mutual enrichment of national literatures. Philology: Theory & Practice, 6-1(60), part 1, 150–152. https://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/44.html (accessed on 01.08.2023). (In Russ.)
2. Costèro, F., Lefebvre, H. (1878). Dizionario francese – italiano e italiano – francese arricchito della pronunzia delle due lingue, di molti termini tecnici e di marina, di un dizionario geografica, e di un supplemento. Firenze, G. Barbèra. Seconda edizione.
3. Folena, G. (1993). Una lingua per il teatro. Il teatro di Goldoni a cura di Marzia Pieri. Bologna: Il Mulino.
4. Gozzi, C. (1910). Memorie inutili, a cura di Giuseppe Prezzolini. Bari: Laterza. https://it.wikisource.org/wiki/Memorie_inutili/Nota#cite_note-3 (accessed on 01.02.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рустамова Марьям Бахрам гызы
аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Школьникова Ольга Юрьевна
доктор филологических наук
профессор кафедры романского языкознания филологического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rustamova Maryam Bakhram gyzi
Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University

Shkolnikova Olga Yuryevna
Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor of the Romance Languages Department
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	14.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'372

Об одной особенности семантики широкозначных существительных (на материале французского языка)

И. А. Семина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
isemfirs@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению соотношения таких смежных семантических явлений, как широкозначность и многозначность. Материалом исследования послужили словарные дефиниции антропонимов из толковых словарей современного французского языка. Посредством метода анализа установлены общие черты и различие между эврисемией и полисемией. По изучаемой проблеме приводятся различные точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов и когнитологов. Понятия широкозначности и многозначности представлены как взаимосвязанные, но не тождественные.

Ключевые слова: широкозначность, широкозначные антропонимы, многозначность, теория речевого использования, эврисемия, полисемия

Для цитирования: Семина А. А. Об одной особенности семантики широкозначных существительных (на материале французского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 12 (880). С. 96–104.

Original article

French Wide-Meaning Nouns: Semantic Perspective

Irina A. Semina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
isemfirs@mail.ru

Abstract. The present study is devoted to the study of the correlation of such related semantic phenomena as wide-meaning and polysemy. The material of the study was the dictionary definitions of anthroponyms from the explanatory dictionaries of the modern French language. By means of the method of analysis, common features and differences between eurysemia and polysemy are established. Various points of view of domestic and foreign linguists and cognitive scientists are given on the problem under study. The concepts of wide-meaning and polysemy are presented as interrelated, but not identical.

Keywords: wide-meaning aspect of nouns, wide-meaning anthroponyms, polysemy, usage-based theory, eurysemia, polysemy

For citation: Syomina, I. S. (2023). French wide-meaning nouns: semantic perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 96–104.

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено изучению соотношения таких сложных и взаимосвязанных явлений, как широкозначность, многозначность и однозначность. Оно проводится на материале широкозначных антропонимов современного французского языка, представленных нарицательными именами существительными, обозначающими человека: *homme m*, *personne f*, *être m humain*, *mortel m*, *individu m*, *humain m*, *semblable m*, *prochain m*, *créature f*. При этом широкозначность, или эврисемия, понимается нами как «значение особого рода, соотносимое с понятием широкого объема, обладающее высокой степенью обобщения в языке и получающее известное сужение и конкретизацию в речи» [Амосова, 1957]. *Актуальность* исследования соотношения эврисемии со смежными явлениями многозначности и однозначности заключается в возможности более широкого понимания эврисемии и установлении ее статуса в лингвистике.

ЛИНГВИСТЫ О СООТНОШЕНИИ ЭВРИСЕМИИ И ПОЛИСЕМИИ

До сих пор в лингвистике не существует единого мнения по вопросу о том, следует ли считать полисемию и эврисемию различными лексическими явлениями или возможно свести широкозначность к полисемии.

С одной стороны, подчеркивается, что широкое значение составляет содержательную сторону одного или нескольких значений в структуре многозначного имени существительного: «Широта семантики есть качественная сторона тех или иных ЛСВ многозначных имен существительных. В то же время полисемия составляет количественную характеристику семантической структуры последних» [Джоламанова, 1978, с. 35]. Таким образом, широкозначность и полисемия рассматриваются как сосуществующее в семантической структуре того или иного имени существительного, соотносящиеся как часть и целое, количество и качество: широкозначность отличается от многозначности тем, что последняя характеризуется наличием у слова нескольких ЛСВ, в то время как широкозначность является внутренней характеристикой ЛСВ [Судакова, 1990]. Подобное сосуществование полисемии и эврисемии в рамках одной лексической единицы позволяет утверждать, что «широкозначность обычно сопутсвует многозначности и «перекрещивается» с ней, например, структура полисемантичного существительного *way* состоит из восьми ЛСВ, но широким значением обладают только два из них» [Димова, 1972, с. 7].

С другой стороны, в рамках сосуществования полисемии и широкозначности эти два явления рассматриваются как соотношение широкой понятийной основы и специализированных узких значений, возникших на этой основе. В качестве примера А.А. Уфимцева приводит специализированные, узкие значения «корпус корабля» и «кузов машины», возникшие на широкой понятийной основе «главная, основная часть чего-либо» английского слова *body* [Уфимцева, 1968]. Такой суженный вариант широкого значения Н. Н. Амосова называет подзначением [Амосова, 1961].

Тот факт, что слово широкой семантики обладает одним сигнификативным значением, которое выражает довольно широкое по охвату фактов и явлений действительности понятие [Горшкова, 1973], позволяет некоторым исследователям связывать широкозначность с однозначностью. По их мнению, широкое значение слова – это основное, зачастую единственное значение. Тем самым широкозначные слова оказываются объединенными с однозначными [Гросул, 1978].

В ряде случаев полисемия и эврисемия не разделяются. Как в слове, имеющем несколько значений, связанных между собой (т. е. в полисеманте), так и в слове, именующим одно значение, объединяющее несколько различных семантических вариантов слова, не являющихся его значениями (т. е. в широкозначном слове), усматриваются не многозначность и широкозначность, а два основных вида полисемии [Клычков, 1961]. Последние выделяются также при разграничении: 1) существительных нерельефной, недостаточно расчлененной полисемии, т. е. с близкими значениями (этот вид полисемии свойственен для абстрактных существительных) и 2) существительных с рельефно выделяемыми, легко членимыми, контрастирующими значениями (этот вид полисемии присущ конкретным существительным) [Гарипова, 1977].

О СООТНОШЕНИИ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ И ПОЛИДЕНОТАТИВНОСТИ

Несмотря на распространенное мнение о том, что явления многозначности и широкозначности – принципиально различные лексические явления, в некоторых случаях отмечаются попытки увидеть их общие свойства, которые были бы присущи как любому слову широкой семантики, так и любому многозначному слову. В качестве такого общего параметра, который одинаково встречается как в словах широкой семантики, так и в многозначных словах, В. К. Колобаев называет полиденотативность, т. е. способность лексической единицы обозначать самые разнообразные предметы

и явления окружающего мира. Так, широкозначное слово *предмет* обозначает в русском языке «безграничное множество предметов данного класса, отражаемое в общем понятии о предмете» и многозначное английское слово *eye* – разнообразные предметы окружающей действительности: 1) глаз, око; 2) глазок (для наблюдения); 3) ушко (иголки); 4) петелька (для крючка) и т. д. [Колобаев, 1983].

В связи с понятием полиденотативности можно отметить, что по отношению к объектам действительности, на которое указывает слово, употребляются обычно два термина – «денотат» и «референт». Достаточно распространено терминологическое употребление, не различающее данные понятия. Некоторые авторы отдают предпочтение одному из этих терминов, другие используют оба термина в качестве эквивалента. Существует также тенденция к дифференциации терминов «денотат» и «референт», основанной, в частности, на существенном с лингвистической точки зрения различии виртуального (возможного) и реального значения языковых единиц. В первом случае используется термин «денотат», во втором – «референт». При цитировании авторов мы оставляем употребляемые ими термины.

Представители другой точки зрения настаивают на том, что полидентативность свойственна только многозначным единицам, так как отнесенность к нескольким денотатам указывает на наличие разных значений языкового знака [Попова, 1984]. По их мнению, именно многозначность предполагает, что одно означающее имеет два и более означаемых, каждое из которых представляет собой набор определенным образом упорядоченных элементарных смыслов. Поскольку означаемое есть понятие о референте, то отнесенность к иному референту указывает на иные значения знака в целом. Если языковой знак относится к нескольким референтам, есть все основания говорить о нескольких его значениях [Гришанова, 1979].

По нашему мнению, полиденотативность действительно характерна как для широкозначных, так и для полисемантических существительных. Однако данные группы имен демонстрируют различные способы концептуализации действительности. Многозначное слово предполагает несколько путей концептуализации разных референтов, для каждого референта отдельно. Поэтому для отдельного значения многозначного слова существует свой контекст и свои референты. В этом отношении справедливым представляется мнение о том, что любой ЛСВ многозначности знака – это вполне самостоятельная, реально существующая единица языковой системы, имеющая определенное самостоятельное сигнификативное и денотативное значение [Воронина, 1979]. В то же время широкозначное слово относится к совокупности разнородных референтов, которые концептуализируются как единая недифференцируемая сущность, характеризуемая по широкому признаку.

Гораздо больше аргументов выдвигается в пользу противопоставления широкозначности и полисемии, чем в пользу отождествления этих явлений. Среди них отметим следующие:

- в основе широкого значения лежит одно предельно обобщенное понятие, в то время как значения многозначного слова передают различные понятия [Гак, 1977];
- при многозначности употребление слова исключает все его лексические значения, кроме одного, действующего в данный момент, в то время как «контекст или ситуация конкретизируют, но не элиминируют широкое значение слова» [Соколова, 1967, с. 33];
- широкое значение остается основой любого специализированного варианта, употребление же многозначного слова исключает все его лексические значения, кроме одного, действующего в данный момент [Амосова, 1957];
- основной особенностью слова широкой семантики является его соотнесенность с понятием, в котором объективная действительность отражена в максимально обобщенном виде; в многозначных словах каждое значение представляет собой первую ступень обобщения [Амосова, 1961].
- в основе полисемии и эврисемии лежат различные семантические процессы: полисемия складывается в результате отдельных метафорических и метонимических переносов, эврисемия – в результате повышения уровня абстрактности значения, ослабления его денотативной ограниченности [Гросул, 1978; Колобаев, 1983; Косичяну, 1981; Плоткин, 1985];
- в случае с широким значением невозможен его перенос, так часто порождающий полисемию, поскольку здесь, во-первых, «широта объема понятия препятствует созданию необычной предметной соотнесенности, на основе которое возникает перенос значения»; во-вторых, «перенос значения предполагает образную конкретность мышления, тогда как при широком значении степень лексического значения достигает апогея» [Амосова, 1957, с. 161]. Представляется, однако, что примеры некоторых широкозначных имен показывают, что последние имеют способность к употреблению в переносном значении, как в предложении *Ну и штучка*

же ты!, где слово *штучка* употребляется в переносном значении.

Подобное разнообразие точек зрения на вопрос о соотношении многозначности и широкозначности свидетельствует о том, что осознавая взаимосвязь этих двух явлений и наличие общих параметров (например, такого как полиденотативность), лингвисты продолжают по-разному интерпретировать их соотношение – от полного противопоставления до сведения обоих феноменов к одному из них, а именно, к многозначности или широкозначности.

КОГНИТОЛОГИ О СВЯЗИ ШИРОКОЗНАЧНОСТИ И МНОГОЗНАЧНОСТИ. ТЕОРИЯ РЕЧЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Когнитологи отмечают, что связь широкозначности и многозначности осуществляется через основной концептуальный стержень, выступающий как обобщенный вариант (по Р. Ленекеру, схема) в сознании человека и получающий свою реализацию в виде различных вариантов в дискурсе.

В данном случае речь идет о концепции Р. Ленекер, согласно которой значения слов являются реализацией в различных контекстах *некой* общей когнитивной схемы, лежащей в основе всех вариантов полисеманта и формирующейся в результате речевого употребления соответствующей языковой единицы. Данная концепция получила название Теории речевого использования (Usage-Based Theory) [Langacker, 2000; Tomosello, 2003].

Теория речевого использования противопоставляется минималистской концепции генеративной грамматики Н. Хомского. Н. Хомский полагает, что языковая способность – это применение изначально заданных (врожденных) универсальных, глубинных синтаксических структур, которые говорящий трансформирует в поверхностные предложения с помощью ограниченного количества правил. Р. Ленекер и другие когнитологи отмечают, что языковая способность (включая грамматику, языковые категории и концепты) – это результат конкретных речевых употреблений, которые человек слышит и производит с детства, т. е., участвуя в речевых событиях (usage-events), человек с той или иной степенью осознанности вычленяет некие общие схемы (например, синтаксические структуры или категории), которые он в дальнейшем начинает творчески применять в разных контекстах, изменяя и наращивая их при необходимости. Каждое речевое употребление есть реализация и модификация общей схемы, которая сама сложилась в результате языковой практики, а не является врожденной.

Из данной теории следует, что все значения многозначного слова сводятся к общему концептуальному знаменателю, который может быть представлен в виде образа-схемы. Эта схема отражает на обобщенном, абстрактном уровне тот (как правило перцептивный) образ, который объединяет все значения многозначного слова. Так, например, пространственный предлог *through* (*через*) может быть использован в разных конструкциях:

The train rushed through the tunnel. –
Поезд промчался сквозь туннель [Lee, 2005].

John sold the house through Smith's. –
Джон продал дом через фирму Смита [там же].

She has gone through all her chocolate. –
Она съела весь шоколад [там же].

Таким образом, в соответствии с теорией речевого использования в основе всех значений многозначного слова лежит общая ментальная схема. Она является неким широкозначным инвариантом и некой абстрактной сущностью в сознании человека. Каждое используемое значение в дискурсе представляет собой вариант этой схемы. Следовательно, многозначность и широкозначность являются в когнитологии понятиями взаимосвязанными и имеющими общую ментальную (концептуальную) природу.

Теория речевого использования важна также для проблем категоризации. Номинативная категория «человек» в системе языка является инвариантной ментальной структурой, которая в самом общем и нередко фрагментарном виде формируется в сознании говорящих в результате дискурсивного или иного опыта. В каждом конкретном дискурсивном акте коммуникант модифицирует эту общую схему и строит ее измененную, адаптированную к контексту версию (по сути, субкатегориальный вариант как конкретную реализацию общей категориальной схемы). Таким образом, широкозначные антропонимы французского языка, репрезентируя данный инвариант, вносят вклад в построение соответствующих (суб)категорий как в системном, так и в речевом планах.

В данном исследовании в целом понятия широкозначности и полисемии представляются взаимосвязанными, но не тождественными. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что не все значения широкозначного слова могут быть широкими: например, широкозначные лексемы *individu m*, *personne f* являются полисемантами, однако, как показывает анализ их словарных статей, только одно из их отдельных значений является широким.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ШИРОКОЗНАЧНЫХ И МНОГОЗНАЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ

В системе языка взаимосвязь широкозначности и многозначности может быть продемонстрирована на основе анализа словарной дефиниции таких широкозначных слов, как *homme m*, *personne f*, *être m humain*, *individu m*, *humain m*, *semblable m*, *prochain m*, *créature f*, *mortel m*, проведенном на материале современных французских толковых словарей: *Dictionnaire de la Langue française*; *Lexis, Le Robert quotidien*; *Dictionnaire du Français vivant*; *Bordas*; *Dictionnaire Hachette de la langue française* и т. д.

Анализ показал, что большая часть широкозначных слов представлена многозначными лексемами, кроме *semblable m, prochain m* и *mortel m*, которые являются моносемантами. Так, *semblable m* (*нам подобный, ближний*) интерпретируется в словарях как: *être, personne, semblable*; *être humain considéré comme semblable aux autres*; *prochain m ближний* – как *personne, être humain considéré comme semblable*; *mortel – человек, смертный* – как *humain, homme*; *être vivant*; *les mortels – les hommes en général*.

Семантическая структура антропонимических полисемантов – *homme m, personne f, individu m, être m humain, humain m, créature f* включает в свой состав как антропонимические, так и неантропонимические значения. Антропонимические значения могут быть широкозначными и узкозначными. Так, лексема *humain m* включает в свою семантическую структуру два отдельных значения, одно из которых является антропонимическим и обозначает отвлеченное понятие – «человеческое, то, что присуще человеку» (*ce qui est humain*), в противопоставление божественному (*l'humain et le divin*). Второе значение данной лексемы является антропоцентрическим. Оно переводится как *человек*, концептуализируя объект по самому широкому для антропонимов признаку «принадлежность к человеческому роду». В толковых словарях анторопонимическое значение лексемы *humain m* представлено следующим образом:

> humain *m*, humains *m pl* человек, люди; *syn. litter.* des hommes; être *m* humain (homme, femme, enfant); homme *m*, personne *f* humaine; *litter.* être *m* humain.

Многозначное антропонимическое существительное *personne f* имеет в своей семантической структуре одно антропологическое значение, позволяющее отнести данное имя к широкозначным и концептуализирующее его по самому широкому для антропонимов признаку «принадлежность к человеческому роду». Данное антропонимическое значение существительного *personne f* получает следующую интерпретацию в словарях:

> individu de l'espèce humaine; être humain, en particulier, lorsqu'on ne peut ou on ne veut préciser l'âge, le sexe, l'apparence; individu (homme ou femme); individu considéré en lui-même; individu considéré quant à son apparence; à son réalité physique, charnelle.

Семантическая структура многозначной лексемы *être m* состоит из нескольких отдельных неантропонимических значений – существование, бытие, (*philos.*) *fait d'être*; математический объект (*math.*) *être mathématique*; совокупность всех физических и душевных сил человека *l'être de qn*; *mon, son être* и т. д. Оно включает одно антропонимическое значение – *être m* (*существо, человек*), что отражено следующим образом в соответствующих словарных дефинициях:

> **être** *m* (существо, человек) – *cour.* personne, être humain; personne humaine, individu; créature.

Полисемантическая лексема *individu m* состоит из нескольких отдельных неантропонимических значений, например:

> individu *m* (особь) corps organisé vivant, d'une existence propre et qui ne saurait être divisé sans être détruit;
>
> – индивидуальное единичное понятие:
> (*log*) terme intérieur d'une série qui ne désigne plus de concept général et ne comporte plus de division logique;
>
> – неделимая частица:
> *sc.*: tout être formant une unité distincte dans une classification.

Наряду с ними можно выделить широкое антропонимическое значение «индивид, индивидуум, отдельный человек», которое получает в словарных дефинициях следующее языковое воплощение, указывающее на концептуализацию этой лексемой объекта (человека) по такому широкому признаку, как «принадлежность к человеческому роду»:

> **être humain** en tant qu'être particulier différent de tous les autres; membre d'une collectivité humaine; toute personne considérée isolement (s'oppose à collectivité).

Другое антропонимическое значение, выделяемое в семантической структуре лексемы

individu m, менее широко, чем предыдущее. Оно связано с обозначением «какого-либо мужчины»; часто употребляется с пейоративным оттенком «тип, субъект» и никогда не применяется в единственном числе для обозначения женщины. Данное значение антропонима *individu m* указывает на «лицо, которое говорящий не может или не хочет называть» (*personne quelconque que l'on ne peut ou que l'on ne veut pas nommer*), и тем самым характеризуется референтной неопределенностью, присущей широкозначным лексическим единицам.

Многозначная лексема *créature f* включает в свою семантическую структуру широкое антропонимическое значение для рассматриваемой категории антропонимов – «человек, создание», получающее следующее языковое воплощение в словарных дефинициях этого антропонима:

créature *f* (человек, создание) – 1. être crée; 2. personne humaine; être humain; *litter.* un être humain; individu de l'espèce humaine; l'homme, personne.

Специфика данного значения лексемы *créature f* состоит в том, что наряду с генерализующим признаком «принадлежность к человеческому роду» она содержит второй, дополнительный, но также общий для всех собственно широкозначных антропонимов признак, указывающий на истоки человека, на его Божественное происхождение: *Человек – создание Божие*. Данный признак представлен в словарных дефинициях этой лексической единицы следующими сегментами:

l'homme par rapport à Dieu; *relig.* l'être humain considéré par rapport à Dieu.

В словарных дефинициях других собственно широкозначных антропонимов данный признак не находит своего эксплицитного выражения.

Менее широким в семантической структуре лексемы *créature f* является другое отельное значение, соотносящееся с понятием «женщина». Лексема *créature f* актуализирует это значение, обычно употребляясь вместе с эпитетами: *une belle, charmante personne*; *une personne de rêve* и имеет достаточно широкое значение, чтобы быть причисленной к условно широкозначным единицам.

Особое место в примерах, демонстрирующих соотношение явлений широкозначности и многозначности, занимает полисемантичный антропоним *homme m*, все отдельные значения которого являются антропонимическими и обозначают человека вообще или мужчину, в частности.

Антропонимические значения, соотносящиеся с понятием «человек», более широки, чем значения, соотносящиеся с понятием «мужчина», и концептуализируют объект по самому широкому для антропонимов признаку «принадлежность к человеческому роду». При этом, как правило, в его словарной дефиниции содержится указание на человека, как на существо биологическое:

Homme *m* être (mâle ou femelle) appartenant à l'espèce animale la plus évoluée de la Terre, mammifère, primate de la famille des hominides, seul représentant de son espèce ; caractérisé notamment pour une intelligence développée, un langage articulé et la statut verticale.

В ряде случаев при характеристике человека в словарной дефиниции содержится указание на вторую часть его сущности – «человек, как носитель общественных отношений»:

Homme être humain actuel considéré comme un être social; seul représentant de son espèce vivant en société.

Иногда подчеркивается противопоставление человека как животному миру, так и миру божественному:

Homme l'espèce humaine (*par l'opposition à l'animal, à la divinité*), membre de cette espèce.

Таким образом, человек представлен в словарных дефинициях как существо, живущее в реальном мире, являющееся самым высокоорганизованным существом на Земле, обладающим разумом, даром речи, прямой походкой, способностью производить орудия труда и пользоваться ими, а также как существо социальное, носитель общественных отношений.

Указывая на обе стороны одного и того же референта – человека как существа биологического и как носителя общественных отношений, лексема *homme m* реферирует к одному и тому же объекту, концептуализируя его по одному и тому же широкому признаку «принадлежность к человеческому роду».

Одно из антропонимических значений лексемы *homme m человек* содержит указание на значение, взятое в более узком смысле, – как носителя каких-то качеств, свойств. В случае подобного употребления данная лексема содержит оценку и крайне редко применяется по отношению к лицам женского пола. Так, в примере *être digne du nom d'homme быть достойным имени человека* лексема *homme m* указывает на человека как обладателя лучших интеллектуальных и моральных качеств. В примере *ce n'est pas un homme* (*Что это за человек*!) лексическая единица *homme m* содержит

указание на человека как носителя некоторых недостатков. Данная лексема может также в определенном контексте концептуализировать признак «человек простой, ничем не выделяющийся»:

> On s'attendait de voir un auteur, et on trouve un homme (*Pascal*). – Мы ожидали увидеть автора, а увидели простого человека (*Паскаль*).

Значение лексемы *homme m мужчина* является менее широким по сравнению с предельно широким значением этой лексемы – *человек*. Оно характеризуется более ограниченной референтной базой, по сравнению с *homme m* в значении *человек* и реферирует только к лицам мужского пола, в отличие от последнего, референтом которого являются все люди, живущие на Земле.

Отдельное значение, актуализирующее признак «принадлежность к человеческому роду» позволяет причислить лексему *homme m* к широкозначным именам, в то время как отдельное значение этого антропонима менее широко, чем первое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, широкозначность как разновидность лексического значения может быть присуща как моносемантичному, так и полисемантичному существительному. В первом случае широкое значение составляет содержательную сторону всей лексемы, как, например, у антропонимов *semblable m, prochain m, mortel m*. У многозначных единиц, состоящих, как правило, из некоторого количества антропонимических и неантропонимических отдельных значений, широкозначность может составлять внутреннюю характеристику одного (как у лексем *personn f, être m*) или двух (как у существительных *homme m, individu m, créature f*) отдельных значений. В последнем случае одно из двух широких значений может быть шире, чем другие. Так у полисемантов *homme m, individu m, créature f* отдельное значение *человек* шире, чем отдельное значение *мужчина*, *разг. субъект, тип*, *женщина*.

Итак, к широкозначным существительным мы относим однозначные лексемы, содержательную сторону которых составляет широкое значение, или такие многозначные имена, в семантической структуре которых имеет место хотя бы одно широкое подзначение.

Понятия широкозначности и полисемии в целом представляются нам взаимосвязанными, но не тождественными. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что не все значения широкозначного антропонима могут быть широкими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амосова Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ (Сер. Истории языка и литературы). 1957. № 1. С. 152–168.
2. Джоламанова Б. Д. Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 1978.
3. Судакова О. Н. Семантика и функционирование широкозначных имен существительных на материале английского и немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. М., 1990.
4. Димова С. Н. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного way): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1972.
5. Уфимцева А. А. К разграничению лексического и лексико-семантического уровней языка // Иностранный язык в школе. 1968. № 2. С. 4–13.
6. Амосова Н. Н. О некоторых конструктах в современном английском языке // Вестник ЛГУ (Сер. История языка и литературы). 1961. № 8. С. 123–132.
7. Горшкова К. А. Имя существительное широкой семантики thing в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Одесса, 1973.
8. Гросул Л. Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1978.
9. Клычков Г. С. Значение и полисемия слова. Законы семантического развития в языке. М.: ВПШ и АОН, 1961.
10. Гарипова Н. Д. Наблюдение над смысловой структурой многозначных слова разных частей речи // Исследования по семантике. Уфа, 1977. С. 90–97.
11. Колобаев В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (к вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) // Иностранный язык в школе. М., 1983. № 1. С. 11–13.
12. Попова В. Н. Широкозначные глагольные фразеологизмы современного немецкого языка как проблема лексикографии и фразеологии: дис. … канд. филол. наук. М., 1984.
13. Гришанова В. Н. К вопросу о критериях разграничения значений полисемантичных фразеологических единиц // Русский язык в школе. 1979. № 6. С. 84–88.

14. Воронина А. З. Глагольные фраземы в аспекте номинации (на материале фразеологических единиц типа «глагол – существительное» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
15. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230–294.
16. Соколова В. М. К проблеме слов широкой семантики (на материале английского языка). Волгоград: ВолГУ, 1967.
17. Косничяну М. А. Хроникальные заметки о докладе Л. Я. Гросу и В. Я. Плоткина // Вопросы языкознания 1981. № 1. С. 150–152.
18. Плоткин В. Я. Широкозначность как особый тип семантики слова // Номинация и контекст / отв. ред. С. П. Тиунова. Кемерово: КемГу, 1985. С. 94–99.
19. Langacker R. W. Grammar and Conceptualisation. Berlin – New-York: Mouton de Gruyer, 2000.
20. Tomosello M. Constructing a language Acquisition. Cambridge, Mon: Harvard University Press, 2003.
21. Lee D. Cognitive Linguistics: an Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2005.

REFERENCES

1. Amosova, N. N. (1957). K voprosu o leksicheskom znachenii slova = On the issue of the lexical meaning of the word. Vestnik of Leningrad State University. Series: Language History and Literature, 1, 152–168. (In Russ.)
2. Dzholamanova, B. D. (1978). Imya sushchestvitel'noe s shirokim znacheniem v leksicheskoj sisteme sovremennogo anglijskogo yazyka = A wide-meaning noun in the lexical system of modern English: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Sudakova, O. N. (1990). Semantika i funkcionirovanie shirokoznachnyh imen sushchestvitel'nyh na materiale anglijskogo i nemeckogo yazyka = Semantics and functioning of wide-meaning nouns based on the material of English and German: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Dimova, S. N. (1972). O polifunkcional'nosti slova s shirokim znacheniem (na materiale anglijskogo sushchestvitel'nogo way) = On the polyfunctionality of a wide-meaning word (based on the material of the English noun way): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Ufimceva, A. A. (1968). K razgranicheniyu leksicheskogo i leksiko-semanticheskogo urovnej yazyka = On the differentiation of lexical and lexico-semantic levels of language. Inostrannyj yazyk v shkole, 2, 4–13. (In Russ.)
6. Amosova, N. N. (1961). O nekotoryh konstruktah v sovremennom anglijskom yazyke = On some constructs in modern English. Vestnik of Leningrad State University. Series: Language History and Literature, 8, 123–132. (In Russ.)
7. Gorshkova, K. A. (1973). Imya sushchestvietl'noe shirokoj semantiki thing v sovremenom anglijskom yazyke = The wide-meaning noun thing in modern English: PhD in Philology. Odessa. (In Russ.)
8. Grosul, L.Ya. (1978). Shirokoznachnye glagoly dinamicheskogo sostoyaniya v anglijskom yazyka = Wide-meaning verbs of dynamic state in English: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Klychkov, G. S. (1961). Znachenie i polisemiya slova = Meaning and polysemy of the word. Zakony semanticheskogo razvitiya v yazyke = The laws of semantic development in language. Laws of semantic development in language. Moscow: VPSH i AON. (In Russ.)
10. Garipova, N. D. (1977). Nablyudenie nad smyslovoj strukturoj mnogoznachnyh slova raznyh chastej rechi = Observation of the semantic structure of polysemous words of different parts of speech. Issledovaniya po semantike (pp. 90–97). Ufa. (In Russ.)
11. Kolobaev, V. K. (1983). O nekotoryh smezhnyh yavleniyah v oblasti leksiki (k voprosu o sootnoshenii polisemii i shirokoznachnosti slova) = On some related phenomena in the field of vocabulary (on the issue of the relationship of polysemy and the wide meaning of the word). Inostrannyj yazyk v shkole, 1, 11–13. (In Russ.)
12. Popova, V. N. (1984). Shirokoznachnye glagol'nye frazeologizmy sovremennogo nemeckogo yazyka kak problema leksikografii i frazeologii = Wide-meaning verbal phraseological units of the modern German language as a problem of lexicography and phraseology: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
13. Grishanova, V. N. (1979). K voprosu o kriteriyah razgranicheniya znanij polisemantichnyh frazeologicheskih edinic = On the issue of criteria for distinguishing meanings of polysemantic phraseological units // Russkij yazyk v shkole, 6, 84–88. (In Russ.)
14. Voronina, A. Z. (1979). Glagol'nye frazemy v aspekte nominacii (na materiale frazeologicheskih edinic tipa «glagol – sushchestvitel'noe» v sovremennom anglijskom yazyke = Verbal phrasemes in the aspect of nomination (based on the material of phraseological units of the type "verb – noun" in modern English: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

15. Gak, V. G. (1977). K tipologii lingvisticheskih nominacij = On the typology of linguistic nominations. In Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy (pp. 230–294). Moscow: Nauka. (In Russ.)
16. Sokolova, V. M. (1967). K probleme slov shirokoj semantiki (na materiale anglijskogo yazyka) = On the problem of words of wide semantics (based on the material of the English language. Volgograd: Volgograd State University. (In Russ.)
17. Kosnichyanu, M. A. (1981). Hronikal'nye zametki o doklade L.Ya. Grosu i V.Ya. Plotkina = Chronicle notes on the report of L. Ya. Gross and V. Ya . Plotkin. Topics in the Study of Language, 1, 150–152. (In Russ.)
18. Plotkin, V. Ya. (1985). Shirokoznachnost' kak osobyy tip semantiki slova = Wide meaning as a special type of word semantics. In Tiunova, S. P. (ed.), Nominatsiya i kontekst (pp. 94–99). Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.)
19. Langacker, R. W. (2000). Grammar and Conceptualisation. Berlin – New-York: Mouton de Gruyer.
20. Tomosello, M. (2003). Constructing a language Acquisition. Cambridge, Mon: Harvard University Press.
21. Lee, D. (2005). Cognitive Linguistics: an Introduction. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семина Ирина Александровна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semina Irina Aleksandrovna
Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'25

Структурно-семантический аспект названий турецких научных статей в контексте перевода

В. В. Слободянюк

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
slobodyanyukvitaly@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура и особенности заглавия научной статьи на турецком языке, а также трудности его перевода на английский язык. Материалом послужили названия статей из турецких научных журналов 2018–2022 гг. с параллельными переводами на английский. Делается вывод о невозможности дословного перевода в случае существенных различий в структуре и семантике турецких и английских заглавий и необходимости комплексных трансформаций.

Ключевые слова: научный стиль, научная статья, заглавие, перевод, турецкий язык, английский язык

Для цитирования: Слободянюк В. В. Структурно-семантический аспект названий турецких научных статей в контексте перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 105–110.

Original article

Translating Turkish Academic Paper Titles: Structural and Semantic Perspective

Vitaly V. Slobodyanyuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
slobodyanyukvitaly@mail.ru

Abstract. The article deals with the Turkish scientific papers structure and characteristics, as well as the difficulties of their translation into English. We used the titles of the Turkish scientific articles from 2018 to 2022 with parallel translations into English. The results show that literal translation is not effective when the structure and semantics differ significantly from those of the English titles. Thus, complex transformations are required.

Keywords: scientific language, scientific paper, title, translation, the Turkish language, the English language

For citation: Slobodyanyuk, V. V. (2023). Translating Turkish Academic Paper Titles: structural and semantic perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 105–110.

ВВЕДЕНИЕ

Название научной статьи полифункционально по своей природе: помимо информативной и идентифицирующей роли, заглавия выполняют также репрезентативную функцию, так как своим структурно-семантическим оформлением представляют автора работы не только в национальных научных кругах, но и на международном уровне, когда заглавие переводится на английский язык. Однако несмотря на немаловажную роль, которую играют заглавия научных трудов, эта тема остается малоизученной как в прикладном плане, так и в теоретическом. Большое количество работ посвящено названиям публицистических статей и художественных произведений, а исследований, в которых затрагиваются особенности заглавий научных статей в переводоведческом аспекте, остается крайне мало.

Научные журналы, которые размещают статьи, описывают лишь общие требования к заглавиям, среди которых информативность и краткость. Однако никаких рекомендаций по стилистическому и структурно-семантическому оформлению заглавия научной статьи автор не может почерпнуть ни из требований к публикации, ни из специальных инструкций или теоретических обзоров.

Что касается перевода на английский язык, то часто название и аннотацию переводит сам автор работы, поэтому читатель может оценить переводческие и коммуникативные навыки исследователя. Название научной статьи отражает как ее содержание, так и сложившийся в языке научный стиль речи. При этом межъязыковые и межкультурные различия в параметрах стиля создают дополнительные переводческие сложности. Однако перевод названий на английский язык не всегда соответствует сложившимся нормам их составления и изложения с точки зрения норм и научного стиля речи английского языка. Таким образом, некачественный перевод заглавия может оттолкнуть читателя от ознакомления с научным трудом, создав впечатление непрофессионализма автора.

Цель данной статьи – изучить особенности заглавий научных работ в англо-турецкой паре языков: их структуру, отличия, а также рассмотреть трудности перевода названий турецких научных статей на английский язык.

Материалом исследования стали заглавия турецких научных статей 2018–2022 годов с их переводом на английский язык в сопоставительном аспекте. Стоит отметить, что данная тема мало изучена среди турецких исследователей. Одним из факторов, предопределивших ситуацию как в области дидактики перевода, так и в лингводидактике, выступает недостаточный уровень развития контрастивной (сопоставительной) лингвистики для турецкого языка. «На сегодняшний день переводоведение в Турции – это наука, которая опирается на исследования западных ученых применительно к европейским языкам» [Козан, 2023, с. 351].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС НАЗВАНИЯ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Прежде чем переходить к сопоставлению, необходимо обозначить параметры сопоставляемого объекта, относительно которых изучаемое явление функционирует, т. е. существует в определенной сфере действительности. Применительно к нашему объекту изучения это означает выявление лингвистического статуса названия статьи как части научного дискурса, его тождественных и отличительных характеристик с другими элементами этого вида, его функций в речи и т. д.

Н. П. Харченко рассматривает заглавие как один из элементов системы указателей. Под «указателем» ученый понимает речевой отрезок, употребляемый не для развернутого сообщения, а для обозначения, выделения предмета или явления, для указания на него. Как и другие элементы системы указателей заглавие служит «ярлыком» объекта, который оно обозначает. Однако оно характеризуется особой референтной соотнесенностью: «в отличие от других “указателей”, ориентированных на обозначение той или иной материальной среды или привычной ситуации, заголовок как явление речи не выходит за ее пределы» [Харченко, 1968, с. 175].

В. С. Мужев под заголовком понимает целостную единицу речи, которая стоит перед текстом. Эта единица речи выступает в качестве названия и отражает содержание текста. Под «целостной единицей речи» понимается как то, что это единица речи, обладающая характерными свойствами, так и то, что она обладает внутренней целостностью, представляет собой структурно-семантическое единство. Эта единица обычно всегда стоит перед текстом и является его наименованием. Она связана с текстом, который она озаглавливает. Эта единица также выделяет данный отрезок речи из окружающего его контекста. Однако согласно предложенному В. С. Мужевым определению, заглавие не может быть частью текста. Если оно является «единицей речи, стоящей перед текстом» [Мужев, 1970, с. 87], то, следовательно, название уже не является частью текста.

В. М. Ронгинский и С. П. Суворов рассматривают заглавие как имя текста, нечто, стоящее вне текста [Ронгинский, 1965; Суворов, 1965]. Л. С. Выготский

считает заглавие произведения его смысловой доминантой, определяющей все его построение [Выготский, 1986]. А. Д. Швейцер рассматривает заглавие в качестве одного из элементов формальной, композиционной и смысловой структуры текста [Швейцер, 1973].

Л. А. Ноздрина пишет, что в деловых бумагах, в официальном стиле заглавие выполняет главным образом номинативную функцию и может быть просто именем текста. «Однако в художественной литературе заглавие больше, чем имя текста, его роль значительнее, чем роль элемента, репрезентирующего текст» [Ноздрина, 1982, с. 186]. Она также отмечает, что в художественной литературе название является составляющей текста.

Сравнивая приведенные определения, можно заключить, что большинство исследователей считают заглавие частью текста, именем объекта, который оно обозначает. Однако в отличие от других элементов системы указателей, заголовок, как явление речи, не выходит за пределы обозначаемого им явления, следовательно, выступает неотъемлемой частью текста, т. е. не обладает самостоятельным статусом, но неразрывно связан с тем текстом, наименованием которого выступает. Применительно к процессу перевода такой вывод обосновывает невозможность перевода названия отдельно, но со всей очевидностью указывает, что перевод названия – один из заключительных этапов переводческой работы с текстом.

ФУНКЦИИ НАЗВАНИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Рассмотрение функционального потенциала заглавий научных текстов чрезвычайно важно именно в контексте перевода, так как в основании эквивалентности переводного текста оригиналу в ряде концепций признается функциональная тождественность двух текстов. Соответственно для достижения подобной тождественности переводчику необходимо знание функций, реализуемых конкретным фрагментом оригинала.

Н. П. Харченко выделяет пять основных функций заголовков.

1. *Номинативная функция* – изначальная функция, которая присуща заголовкам текстов всех стилей. С ее помощью текст идентифицируется из ряда подобных текстов.

2. *Информативная функция* – функция выражения заглавием содержания озаглавленного текста (с большей или меньшей степенью определенности). В научном стиле эта функция является основной и преобладает над другими функциями заглавий. В сложном взаимодействии функций именно она выдвигается на передний план.

3. *Рекламная функция* заглавия научного текста заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать его.

4. *Функция убеждения* заключается в том, что заголовок внушает читателю основной вывод автора, направляет мнение читателя. Данная функция непосредственно связана с информативной.

5. Все внутренние заголовки научного текста выполняют еще одну функцию – *конспективную*: в совокупности они дают краткий конспект содержания.

В. С. Мужев также выделяет пять основных функций заголовков, однако рассматривает их применительно к стилистической отнесенности текста.

1. *Номинативная функция* доминирует в заголовках художественно-беллетристического стиля и характерна для заголовков всех остальных стилей.

2. *Информативная функция* чаще встречается в статьях научно-технического стиля. Она характерна для заголовков общественно-публицистического стиля.

3. *Экспрессивно-аппелятивная функция* характерна для заголовков, употребляемых в общественно-публицистическом стиле и в художественно-беллетристическом. Для заголовков в научно-техническом стиле употребление ее является исключением.

4. *Рекламная функция* доминирует в заголовках общественно-публицистического стиля и редко употребляется в остальных стилях.

5. *Разделительная функция* характерна для заголовков, употребляемых во всех стилях.

Л. А. Ноздрина выделяет *номинативную, информативную, экспрессивную, аппелятивную, рекламную, конспективную, разделительную функции* и *функцию убеждения*. Она отмечает, что в заглавиях текстов научной литературы явно прослеживается стремление к наибольшей информативности и однозначности. Для научного и делового стиля характерно описательное название.

Исходя из выделенных отечественными лингвистами основных функций заголовка, можно сделать вывод о том, что заголовок всегда выполняет номинативную, информативную и рекламную функции. Итак, заглавие в научном стиле должно быть информативным, а также привлекать внимание читателя. Если реализация номинативной и информативной функций не вызывает затруднений при межъязыковой и межкультурной коммуникации, то реализация рекламной функции, в наибольшей степени связанной с прагматическим фактором получателя, сопряжена с рядом трудностей лингвокультурного характера, поскольку для ее успешного действия необходимо соблюдение традиций написания заголовков в языке перевода.

СТРУКТУРА ЗАГЛАВИЯ НАУЧНОЙ СТАТЬИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С целью описания структуры заглавия турецкой научной статьи мы проанализировали 450 заглавий из научных журналов, основную часть которых составляют издания турецких университетов.

Статьи по медицине были взяты из *Akademik Gastroenteroloji Dergisi*, *Balıkesir Sağlık Bilimleri Dergisi*, *Dicle Tıp Dergisi* и *Dicle Tıp Dergisi*. По праву – из *Adalet Dergisi*, *Akdeniz Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*, *Anadolu Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi* и *Ankara Hacı Bayram Veli Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Статьи по психологии были взяты из *Aile Psikolojik Danışmanlığı Dergisi*, *Kıbrıs Türk Psikiyatri ve Psikoloji Dergisi*, *Klinik Psikoloji Dergisi* и *Uluslararası Türk Spor ve Egzersiz Psikolojisi Dergisi*. По социологии – из *Abant Kültürel Araştırmalar Dergisi*, *Avrasya İncelemeleri Dergisi*, *Balkan Sosyal Bilimler Dergisi* и *Bingöl Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. По точным наукам – из *Erciyes Üniversitesi Fen Bilimleri Enstitüsü Fen Bilimleri Dergisi*, *Iğdır Üniversitesi Fen Bilimleri Enstitüsü Dergisi*, *Süleyman Demirel Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi Fen Dergisi* и *İstanbul Ticaret Üniversitesi Fen Bilimleri Dergisi*.

В качестве материала были выбраны названия научных статей на турецком языке в области гуманитарных, естественных и точных наук, опубликованные в 2018–2022 годах. Для анализа мы отобрали только те заглавия, авторы которых являлись носителями турецкого языка.

Средний размер заглавий составляет 11 слов. Из результатов (см. табл. 1) можно установить, что двухчастная структура с союзом *и* является наиболее частотной (33,33 %).

Одночастная модель заглавия используется в 16,44 %. Двухсоставная структура с графической парцелляцией встретилась в 58 заглавиях (12,89 %).

Как можно заметить, наиболее типичными моделями заглавий как для турецкого, так и для английского языка являются двухкомпонентные структуры. Они могут состоять из основного и дополнительного компонентов, т. е. тематического и дополняющего, а также могут быть связаны двоеточием или союзом *и*.

В научном стиле английского языка двухсоставные структуры встречаются довольно часто. Так, Н. К. Рябцева считает их «наиболее типичными для (развернутого) заголовка научной статьи (книги, доклада и т. д.)» [Рябцева, 2018а, с. 37]. Частями заголовка могут быть как равноправные компоненты, так и главный и подчиненный, соединенные союзом *and* или предлогом.

Главное отличие названий турецких статей от английских состоит в том, что в большинстве из них в конце заголовка встречаются слова, обозначающие вид или метод исследования.

Таблица 1

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ МОДЕЛИ НАЗВАНИЙ ТУРЕЦКИХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Модель заглавия	Кол-во	%
первый компонент + и + второй компонент + исследование / анализ / роль / влияние / сравнение и т. д.	150	33,33
тема + исследование / анализ / роль / влияние / сравнение и т. д.	74	16, 44
первый компонент + : + второй компонент + исследование / анализ / роль / влияние / сравнение и т. д.	58	12,89

Таблица 2

ЧАСТОТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НАЗВАНИЯХ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ НА ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Лексема	Кол-во	%
Değerlendirme (оценка)	49	10,89
Etkisi (влияние *чего-л.*)	33	7,33
Çalışma (работа, исследование)	30	6,67
Kullanmak (используя *что-л.*)	26	5,78
Karşılaştırma (сравнение)	25	5,56
Rolü (роль *чего-л.*)	23	5,11
Analiz (анализ)	19	4,22
İncelenme (исследование)	18	4

Согласно результатам (см. табл. 2), слово *değerlendirme* встретилось в 49 (10,89 %) заголовках, *etkisi* в 33 (7,33 %), *çalışma* в 30 (6,67 %). За ними следуют лексические единицы, указывающие на метод исследования. Так, *kullanmak* присутствует в 26 (5,78 %) заголовках, а *karşılaştırma* в 25 (5,56 %).

Однако заглавия статей, докладов и книг в научном стиле английского языка крайне «редко имеют в своем составе» [Рябцева, 2018б, с. 35] такие слова, как *study*, *research*, *method*, *problem* и т. п., так как они имплицитно присутствуют непосредственно в жанре научной статьи.

Таким образом, если названия научных статей турецкого языка перевести пословно, сохранив в их составе вышеперечисленные лексические единицы, то вариант перевода может содержать неприемлемые для английского языка структуры и не отвечать нормам научного стиля языка перевода.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Главными отличительными особенностями названий в научном стиле английского языка являются краткость, информативность, простой синтаксис и двухсоставные структуры. Из этого можно сделать вывод, что заглавия научных статей в английском языке просты и легки для восприятия читателем.

Синтаксис турецкого языка отличается от английского и русского. В литературном турецком языке определение предшествует определяемому, сказуемое обычно стоит в конце предложения, а придаточные предложения всегда ставятся перед главным. Как и в некоторых тюркских языках, в турецком есть такая грамматическая конструкция, как изафет. Существует три типа изафетов. Первый тип – два существительных в именительном падеже. Во втором типе главное существительное получает аффикс принадлежности третьего лица, зависимое же стоит в именительном падеже и не получает аффиксов. В третьем типе, который часто используется в научном стиле турецкого языка, зависимое существительное стоит перед главным и приобретает аффикс родительного падежа. У главного существительного появляется аффикс принадлежности. В литературном турецком языке также часто используются отглагольные существительные. Учитывая перечисленные особенности, можно сказать, что турецкий синтаксис сложнее, и в случае, если перевод заглавия будет пословным, читатель с трудом поймет, о чем будет идти речь.

Рассмотрим на отдельных примерах то, как турецкие авторы переводят названия научных статей на английский язык и какие ошибки наиболее часто встречаются в их переводе.

Пример 1

Оригинал	Перевод
COVİD-19 Korkusu, Psikolojik Sağlamlık ve Yaşam Doyumu Arasındaki İlişkinin ***İncelenmesine Yönelik Bir Araştırma***	***A Study to Examine*** the Relationship Between Fear of COVID-19, Psychological Resilience, and Life Satisfaction

В заглавиях турецких научных статей часто встречаются слова *оценка*, *анализ*, *исследование*, однако названия английских статей, как правило, с этих слов не начинаются.

В результате пословного перевода название статьи на английском содержит избыточный элемент (*A Study to Examine*), что усложняет восприятие заглавия. Однако, если избавиться от лишней составляющей, перевод станет адекватным. Возможный вариант перевода: *The Connection Between Fear of COVID-19, Psychological Resilience and Life Satisfaction.*

Пример 2

Оригинал	Перевод
Ortaokul ve Lise Öğrencileri***nin*** Fiziksel Aktiviteye Katılım Motivasyon Düzeyleri***nin*** Karşılaştırılma***sı***	Comparison ***of*** Motivation Levels ***of*** Participation in Physical Activity ***of*** Secondary School and High School Students

Из-за распространения изафета 3-го типа в научном стиле турецкого языка при переводе названий статей на английский язык возникает частое повторение предлога *of*, что нехарактерно для заголовков научных статей, написанных носителями английского языка. Однако если структура заголовка будет двухчастной, перевод станет адекватным. Возможный вариант: *Participation in Physical Activity*: *Motivation Levels of Secondary School and High School Students.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При написании научных работ турецкие исследователи стараются перенимать структуры английского языка, в результате чего заглавия статей, книг и докладов турецкого и английского языков часто имеют двухсоставную структуру. Несмотря на это, одно из главных отличий турецких названий заключается в использовании в своей структуре лексических единиц, имеющих широкую семантику и обозначающих вид или указывающих на метод исследования. В английском языке подобные слова крайне редко используются в заголовках. В результате в переводных названиях часто встречаются избыточные элементы. Таким образом, в случае пословного перевода заглавие не будет отвечать нормам научного стиля английского языка. Следовательно, чтобы заголовок имел адекватный перевод, необходимы комплексные трансформации, а в некоторых случаях и создание отдельного названия на языке перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козан О. Дидактика перевода в Турции (турецко-русская языковая пара) // Перевод как профессия, наука, творчество: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 7–9 декабря 2022 г. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ. С. 349–354.
2. Харченко Н. П. Заглавия, их функции и структура: на материале научного стиля современного русского языка: дис. … канд. филол. наук. Ленинград, 1968.
3. Мужев В. С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. 1970. Вып. 55. С. 86–94.
4. Ронгинский В. М. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1965.
5. Суворов С. П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам Daily Worker) // Язык и стиль. М., 1965.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.
7. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М.: Воениздат, 1973.
8. Ноздрина Л. А. Заглавие текста // Грамматика и смысловые категории текста: сб. науч. тр. М., 1982. Вып. 189. С. 183–200.
9. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018а. Т. 17. № 2. С. 33–43.
10. Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018б. № 6. С. 32–42.

REFERENCES

1. Kozan, O. (2023). Didaktika perevoda v Turtsii (turetsko-russkaya yazykovaya para) = Didactics of Translation in Turkey (Turkish-Russian Language Pair). In Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo (pp. 349–354). Moscow. (In Russ.)
2. Kharchenko, N. P. (1968). Zaglaviya, ikh funktsii i struktura: na materiale nauchnogo stilya sovremennogo russkogo yazyka = Title Functions and Structure: Modern Russian Academic Style: PhD in Philology. Leningrad. (In Russ.)
3. Muzhev, V. S. (1970). O funktsiyakh zagolovkov = Titles Functions. IN Uchenye zapiski MGPIIYa im. M. Toreza. Voprosy romanogermanskoi filologii (vol. 55, pp. 86–94). Moscow. (In Russ.)
4. Ronginskii, V. M. (1965). Sintaksicheskie modeli zagolovkov i ikh ispol'zovanie v razlichnykh stilyakh rechi = Using Title Models in Various Styles: abstract of PhD in Philology. Kyiv. (In Russ.)
5. Suvorov, S. P. (1965). Osobennosti stilya angliiskikh gazetnykh zagolovkov (po materialam Daily Worker) = English Newspaper Title and its Style Characteristics (Daily Worker articles). Yazyk i stil'. Moscow. (In Russ.)
6. Vygotskii, L. S. (1986). Psikhologiya iskusstva = Psychology of Art. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
7. Shveitser, A. D. (1973). Perevod i lingvistika = Translation and Linguistics. O gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Nozdrina, L. A. (1982). Zaglavie teksta = Text Title. Grammatika i smyslovye kategorii teksta (vol. 189, pp. 183–200). Moscow. (In Russ.)
9. Ryabtseva, N. K. (2018a). Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: a Russian-English Perspective. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 17(2), 33–43. (in Russ.)
10. Riabtseva, N. K. (2018b). Academic Papers Titles: a Russian – English Perspective. Nauchnyi dialog, 6, 32–42. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слободянюк Виталий Вячеславович

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Slobodyanyuk Vitaly Vyacheslavovich

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	08.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.4

«Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе

А. Л. Токарева

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
TokarevaAL@mgpu.ru

Аннотация. В статье на материале корпусов итальянской художественной прозы рассматриваются образные, семантические и частотные характеристики выражений, принадлежащих когнитивным метафорам *страх – это субстанция* и *страх – это предмет*. Выявляются различия в выборе метафор для описания переживания страха, ужаса и паники, а также отдельных аспектов ситуации переживания страха. Анализируются закономерности построения авторских метафорических сочетаний, связанные со спецификой когнитивных метафор.

Ключевые слова: языковая метафора, авторская метафора, метафора вещества, предметная метафора, метафоры страха

Для цитирования: Токарева А. Л. «Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 111–117.

Original article

"Liquid Fear": *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* Metaphors in Contemporary Italian Literature

Alexandra L. Tokareva

Moscow City University, Moscow, Russia
TokarevaAL@mgpu.ru

Abstract. The article investigates the main figurative, semantic and frequency characteristics of expressions belonging to cognitive metaphors *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* based on the extensive material of Italian fiction corpora. Differences are revealed in the choice of metaphors for describing fear, terror and panic, as well as various aspects of the *fear* frame. The patterns of creating novel metaphorical expressions associated with the peculiarities of underlying cognitive metaphors are analyzed.

Key words: conventional metaphor, novel metaphor, metaphor of substance, object metaphor, fear metaphors

For citation: Tokareva, A. L. (2023). "Liquid Fear": *Fear is a Substance* and *Fear is an Object* Metaphors in Contemporary Italian Literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 111–117.

ВВЕДЕНИЕ

В своей книге «Текучая современность» (*Liquid Modernity*, 2000) Зигмунт Бауман, известный польский социолог, предлагает описывать современное общество, характеризующееся постоянной изменчивостью, отказом от границ и условностей и высоким уровнем неопределенности, через метафору жидкости. Переход от жестко детерминированных общественных отношений предыдущих эпох, «твердых тел» традиций и обязанностей к системе, в которой «паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны» [Бауман, 2008, с. 14], составляет суть исторических трансформаций современности. В отличие от твердых тел, жидкости с трудом и лишь временно могут удерживать определенную форму. З. Бауман рассматривает через призму этой метафоры самые различные аспекты современной жизни, о чем свидетельствуют названия его книг: *Liquid Love* (2003), *Liquid Life* (2005), *Liquid Evil* («Текучее зло», 2016). Той же диффузностью, неопределенностью, аморфностью в наши дни, как пишет ученый в вышедшей в 2006 году книге «Liquid Fear» (опубликована в Италии в издательстве «Laterza» в 2008 году под названием *Paura liquida*), характеризуется и страх. Именно поэтому в эпоху глобализации и компьютеризации так актуален поиск твердых опор, аксиологических точек отсчета [Vikulova et al., 2020].

Концептуализация страха как субстанции и предмета свойственна итальянской языковой картине мира и вербализуется целым рядом конвенциональных метафорических выражений. Однако не вызывает сомнений, что для выявления специфики столь фундаментальных для любой языковой общности феноменов, как базовые эмоции, необходимо исследовать различные типы дискурса, в которых они выражаются и описываются. Весьма перспективным в этом направлении видится изучение художественных произведений, которые «пронизаны метафорической лексикой» [Сластникова, Черкашина, 2021, с. 50]. С одной стороны, материал художественного дискурса многое дает для исследования коллективного узуса, определяемого как «способность говорящих выбирать для обозначения конкретной ситуации определенные языковые средства» [Говорухо, 2008, с. 31]. Писатель особенно тонко чувствует и отражает современную ему действительность – как экстралингвистическую, так и лингвистическую. С другой стороны, являясь одновременно и коммуникативной, и дискурсивной личностью [Викулова, 2016], автор порождает художественный дискурс как одну из главных точек отсчета при закреплении в обществе определенных способов мировосприятия и языковых новаций.

Недостаточная изученность метафорической концептуализации эмоций в итальянском языке и художественном дискурсе обусловливает актуальность данной статьи. Ее цель – выявление лингвоспецифичности представления страха как предмета и субстанции посредством анализа конвенциональных и авторских метафорических выражений, извлеченных из корпуса современной итальянской художественной прозы. В задачи исследования входит моделирование систем метафорических выражений, принадлежащих когнитивным метафорам «страх – это предмет» и «страх – это субстанция», анализ их семантики и количественного распределения, а также выявление стратегий создания оригинальных, авторских метафорических выражений.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТРАХА, УЖАСА И ПАНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анализ современной итальянской художественной прозы показывает, что именно когнитивная метафора «страх – это субстанция», в соответствии с идеями З. Баумана, оказывается одной из наиболее популярных и подвергающихся значительным трансформациям в процессе создания авторских метафорических сочетаний. Наше исследование было осуществлено методами корпусной лингвистики на материале подкорпуса художественной литературы CORIS[1] и составленного нами корпуса художественных текстов 112 итальянских авторов (произведения второй половины XX – начала XXI веков). Сплошная выборка позволила детально проанализировать употребление слов *paura* (5 796 контекстов), *terrore* (1 393 контекста) и *panico* (725 контекстов), которые были отобраны для анализа среди лексем семантического кластера «страх» в связи с тем, что они обозначают интенсивные эмоции, которые часто изображаются метафорически. Как показало дополнительное исследование, метафоры при описании эмоций низкой интенсивности встречаются значительно реже.

В результате анализа были выявлены прежде всего различия в количестве сочетаний с лексемами *paura*, *panico* и *terrore*, принадлежащих описываемым метафорам (табл. 1).

[1] URL: https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ С ЛЕКСЕМАМИ *PAURA*, *TERRORE*, *PANICO* В РАМКАХ ВЕЩЕСТВЕННОЙ И ПРЕДМЕТНОЙ МЕТАФОР

Контексты употребления метафорических выражений	Paura (в %)	Terrore (в %)	Panico (в %)
Число контекстов, включающих выражения метафоры *страх – это субстанция*, и их процентная доля в общем числе метафорических контекстов с данной лексемой	125 (21)	55 (17)	18 (50)
Число контекстов, включающих выражения метафоры *страх – это предмет*, и их процентная доля в общем числе метафорических контекстов с данной лексемой	162 (28)	34 (10)	30 (80)

Практически половина всех обнаруженных в корпусе метафорических сочетаний с лексемой *paura* принадлежит метафорам «страх – это субстанция» (125 контекстов, 21 % метафорических словоупотреблений) и «страх – это предмет» (162 контекста, 28 % метафорических словоупотреблений). Как показано в таблице 1, доля подобных сочетаний значительно ниже для лексем *terrore* и *panico*, которые намного чаще, нежели *paura*, включаются в состав сочетаний, восходящих к метафорам живого существа или пространства. Это можно объяснить семантическими различиями рассматриваемых лексем: *terrore* и *panico* (определяемые в словаре Vocabolario Treccani[1] соответственно как «sentimento e stato psichico di forte paura o di vivo sgomento, in genere più intenso e di maggiore durata che lo spavento» («чувство и психическое состояние сильного страха или смятения, как правило, более интенсивное и длительное, чем испуг»[2]) и «senso di forte ansia e paura che un individuo può provare di fronte a un pericolo inaspettato, e che determina uno stato di confusione ideomotoria, caratterizzata per lo più da comportamenti irrazionali» («чувство сильной тревоги и страха, которое человек может испытывать перед лицом неожиданной опасности и которое вызывает состояние идеомоторной спутанности, характеризующееся в основном иррациональным поведением») – эмоции в прототипическом случае более интенсивные, нежели *paura*. В силу этого, с одной стороны, начало и процесс их переживания чаще представляются как активные действия со стороны враждебного живого существа. С другой стороны, обретение контроля над ними затруднено, и они часто метафорически концептуализируются как пространства, в которые субъект проваливается, не находя выхода. Таким образом, свойства эмоции являются одним из решающих факторов при выборе в художественной речи той или иной образности для ее описания как языковыми, так и авторскими метафорическими выражениями. Этот вывод представляет интерес в контексте одной из наиболее оживленных дискуссий в метафорологии: спора о природе и степени выраженности образного компонента в различных типах метафорических единиц, в котором приняли участие Д. Дэвидсон, А. Ричардс, Дж. Серль, Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Пранди, Н. Д. Арутюнова и другие виднейшие отечественные и зарубежные ученые. На критерии степени образности основаны многочисленные классификации метафор – от модели Ш. Балли до концепций Г. Н. Скляревской, Э. Гоутли, Э. Дейгнан. Представляется, что даже те метафорические образы, которые в рамках многих классификаций были бы признаны «стертыми» или «угасшими», не теряют своего когнитивного потенциала, не вполне утрачивая и экспрессивный потенциал, что доказывается особенностями лексической сочетаемости слов из соответствующих сфер-источников в метафорических выражениях.

Метафора «страх – это предмет»

В терминах конкретных словосочетаний для объектной метафоры описанные количественные различия связаны прежде всего с высокой частотностью употребления языкового выражения *mettere paura* (61 контекст), обозначающего каузацию переживания страха в конкретном случае (при наличии косвенного дополнения с ролью экспериенцера) или свойство стимула внушить страх (в отсутствие такого дополнения). Сочетание *mettere terrore* в корпусе встретилось всего три раза, *mettere panico* не отмечено вовсе. Таким образом, для описания каузации индивидуального переживания ужаса и паники объектная метафора

[1] URL: https://www.treccani.it/vocabolario/

[2] Зд. и далее перевод наш. – *А. Т.*

практически не используется, однако она часто описывает каузацию коллективного переживания этих эмоций, реализуясь в сочетаниях с глаголами *seminare сеять* (19 контекстов с лексемой *terrore* и 22 контекста с лексемой *panico*), *spargere рассыпать, разбрасывать*, *gettare бросать*.

Указанные выше семантические различия между лексемами *paura*, *terrore* и *panico* отражаются и в частоте выбора предметной метафоры для описания начала переживания страха, ужаса и паники. Если сочетания *prendere / prendersi paura* (*пугаться*, *букв*. 'брать страх') весьма частотны (21 контекст), то выражения *prendere panico / terrore* в корпусе не отмечены. То же касается и сочетаний с глаголом *nascondere прятать* (подобные употребления, хотя и с ослабленным образным компонентом, рассматриваются в итальянских толковых словарях как переносные): зафиксировано 18 случаев употребления выражения *nascondere la paura*, всего один – *nascondere il terrore* и ни одного – *nascondere il panico*, поскольку интенсивность ужаса и паники препятствует сокрытию этих эмоций.

Итак, описанные значения каузации, начала переживания и сокрытия страха выражаются в рамках объектной метафоры частотными конвенциональными сочетаниями, не подвергающимися оригинальным трансформациям. Авторское новаторство проявляется, как и для метафоры субстанции, прежде всего в выражениях, описывающих переживание страха, однако стратегии, используемые итальянскими авторами в этих двух случаях, различны. Для метафоры субстанции это в основном двустороннее расширение метафорической проекции: включение в нее новых метафорических следствий (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону) и выражение посредством авторских метафорических сочетаний смыслов, не представленных в рамках данной когнитивной метафоры. При обращении к объектной метафоре итальянские авторы в основном эксплуатируют сочетания, акцентирующие внимание на негативном воздействии страха на экспериенцера, при этом создавая в ряде случаев метафоры-образы через уподобление страха конкретным предметам (что нехарактерно для метафоры «страх – это субстанция»). Рассмотрим эти случаи подробнее.

Предметная метафора, в отличие от метафоры субстанции, в целом практически не используется для обозначения переживания страха без каких-либо добавочных семантических компонентов: в этой функции отмечены лишь малочисленные выражения с глаголом *portarsi* (*dentro / dietro*) *il terrore / la paura* (*букв*. 'носить (*в себе / с собой*) ужас / страх') и авторское сочетание *trascinare la paura тащить страх*. Это объясняется частотностью употребления сочетания *aver paura*, которое в силу широты семантики глагола *avere* и сложности разделения его значений на прямые и переносные не может быть рассмотрено как образное. Метафорические же выражения, восходящие к проекции *страх – это предмет*, обычно объединяют в себе значения «переживание страха» и «отрицательное влияние страха на экспериенцера». В ходе анализа нами было выделено две группы таких сочетаний. К первой принадлежат выражения, конкретизирующие объектную метафору и представляющие ее в виде *страх – это тяжелый предмет*, который падает на субъекта или раздавливает его: *la paura crolla addosso a qd – страх обрушивается на кого-л.*, *il terrore si abbatte su qd – ужас обрушивается на кого-л.*, *schiacciato dalla paura – раздавленный страхом*, *il peso della paura – вес страха*. Данные сочетания в ряде случаев входят в состав развернутых авторских метафор, ассоциирующих «давление» страха с согбенной позой экспериенцера.

Ко второй группе принадлежат авторские выражения, сочетающие значения «переживание страха» и «неприятные ощущения в результате переживания страха», при этом второй семантический компонент в основном метафорически представляется как боль или дискомфорт в результате давления, оказываемого предметом изнутри. Это может быть неконкретизированное твердое тело, затрудняющее дыхание, или клещи, тиски (сочетания из CORIS с лексемами *tenaglia*, *morsa*). Два контекста из CORIS представляют страх как колющие предметы: иглу (*l'ago della paura*) и осколки, подобные осколкам зеркала (*i frammenti della paura*).

Метафора «страх – это субстанция»

Обращаясь к рассмотрению метафоры *страх – это субстанция*, отметим, прежде всего, другой семантический фокус выражений, входящих в нее: они описывают в основном переживание страха, а также сочетание переживания страха с переживанием других эмоций.

Интересно довольно четкое разделение выражений, относящихся к данной метафоре, на две группы: в первой страх метафорически помещается внутрь субъекта (интериоризированное изображение эмоции), во второй субъект, напротив, погружается в страх как в субстанцию (экстериоризированное изображение эмоции). В обоих случаях корпус изобилует авторскими метафорами, однако различия между этими двумя категориями состоят не только в образности, но и в функциональной нагрузке входящих в них выражений. Так, при концептуализации страха как

жидкости, окружающей субъекта, оригинальные метафорические сочетания базируются прежде всего на двустороннем расширении метафорической проекции для описания различных аспектов контроля над страхом. При использовании механизма двустороннего расширения проекции авторы создают оригинальные метафорические сочетания для передачи смыслов, не выражаемых регулярно языковыми средствами в рамках рассматриваемой метафоры. Это происходит за счет вовлечения в проекцию новых метафорических следствий: спектр возможных действий над жидкостью переносится на возможность операций над страхом, которые сводятся к обретению контроля над эмоцией или избавлению от нее. При этом только глагол *navigare – плыть с использованием плавательного средств*а (*sulla paura*) – описывает контролируемое переживание страха. В остальных контекстах подобные сочетания указывают:

1) на то, что экспериенцер инертно переживает страх, не пытаясь его контролировать – сочетание с глаголом *galleggiare in un vuoto colmo di paura – держаться, плавать на поверхности в пустоте, полной страха* (*L. Trugenberger. Il risveglio dell'ombra*);

2) на потерю контроля над страхом – выражения типа *la paura sommerse qualcuno – страх затопил кого-л.*;

3) на безуспешные попытки прекратить переживание страха – сочетания с глаголами *annaspare барахтаться* и *annegare утонуть* (*nella paura*);

4) на привыкание к эмоции и смирение с ней – конструкция вида *nuotare dentro la propria paura – плавать в собственном страхе* (три последних примера взяты из CORIS). Итальянские писатели в ряде случаев включают данные сочетания в развернутые метафоры, содержащие другие единицы с семой *жидкость*.

Метафорическая экстериоризация эмоций в рамках вещественных метафор, как показал корпусный анализ, нехарактерна в итальянском языке и современной литературе для других негативных переживаний, таких как гнев и грусть.

Интериоризированное изображение переживания страха в ограниченном числе контекстов эксплуатирует образ жидкости, пропитывающей субъекта: сочетания вида *impregnato / imbevuto / inzuppato di terrore / paura* описывают переживание сильного страха. В других случаях страх представляется как жидкость, текущая в теле экспериенцера. Здесь представлен ряд оригинальных метафорических сочетаний, которые, в отличие от группы выражений с экстериоризированной образностью, направлены не на тропеическое представление контролируемости / неконтролируемости эмоции, а на описание ее фаз, прежде всего начала, или процесса переживания сильного страха и его интенсификации. Отметим здесь сочетания лексемы *paura* с глаголами *ingolfarsi – образовывать залив*, *fluire – течь*, *spumeggiare – пениться*, *scorrere* (*nelle vene*) – *течь* (*по венам*), *turbinare – вихриться*, *traboccare – переливаться через край*. Слишком длительное переживание интенсивного страха в одном контексте представляется как замещение страхом крови и серого вещества мозга:

> Ne [di paura] aveva tanta che a volte si domandava se nelle sue vene scorresse sangue o paura, se il suo cervello contenesse materia grigia o paura. Del resto erano vecchi amici, lui e la paura (*CORIS*). – Его [страха] было так много, что он [герой] иногда спрашивал себя, течет ли по его венам кровь или страх, содержится ли в его мозгу серое вещество или страх. Впрочем, они со страхом были старые друзья.

В данном примере эмоциональное воздействие на читателя усиливается за счет использования несобственно-прямой речи, в которой «голос нарратора вторгается в текст персонажа» [Борисова, 2016, с. 59], но при этом частично устраняется.

Несмотря на яркость и необычность образов в подобных контекстах, чаще всего они передают значения, уже нашедшие свое выражение в языковых метафорических сочетаниях, таких как *la paura dilaga страх разливается*. Следовательно, можно говорить об одностороннем расширении метафорической проекции – поиске новых способов метафорической репрезентации смыслов, уже представленных в конвенциональных выражениях, принадлежащих данной метафоре.

Интересны возможности совмещения описанных противоположных типов образности, предлагаемые частотным выражением *pieno di paura полный страха*. В наиболее распространенных контекстах типа *Myriam era scattata in piedi, piena di paura Мириам вскочила на ноги, полная страха* (*V. Evangelisti, Il castello di Eymerich*) страх метафорически наполняет субъекта. Однако возможны и сочетания с лексемами *mondo мир*, *vuoto пустота*, в которых страх представляется как субстанция, заполняющая пространство, в котором находится экспериенцер. Отдельный случай представляют выражения с обозначениями времени, основывающиеся на его метафорическом представлении как пространства:

> Quella frazione di secondo piena di incertezza e di paura (*CORIS*). – Та доля секунды, полная неуверенности и страха.

В нашем корпусе отмечены подобные сочетания с лексемами *notte ночь* и *tempo время*, которые описывают страх как внешнее по отношению к субъекту и часто коллективное явление.

Выражения, описывающие одновременное переживание страха и других эмоций (прежде всего гнева, возбуждения, надежды) как их смешение, многочисленны, но вполне конвенциональны. Это номинативные сочетания с лексемами *misto* и *miscuglio смесь*, адъективные сочетания вида *paura mista a страх, смешанный с*, а также конструкции с глаголами *mescolarsi*, *mischiarsi смешиваться*, *fondersi сливаться*. Внезапность и интенсивность переживания страха, свойственная панике, препятствует одновременному переживанию других эмоций, поэтому подобных сочетаний с лексемой *panico* в корпусе не обнаружено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был рассмотрен ряд речевых реализаций метафор *страх – это субстанция* и *страх – это предмет* в современной итальянской литературе. Принадлежащие им выражения имеют различные функции: первая метафора чаще всего используется для описания различных аспектов непосредственно переживания страха и контроля над ним, тогда как вторая описывает начало или каузацию переживания страха, а также его сокрытие. Представляется, что на переживание страха указывает мало объектных метафорических выражений, потому что предмет – нечто неподвижное, соответственно, плохо подходящее для описания характеризующихся временными рамками процессов. Можно вновь обратиться к метафоре, предложенной в этом отношении З. Бауманом: «В каком-то смысле твердые тела отменяют время; для жидкостей, напротив, имеет значение прежде всего время» [Бауман, 2008, с. 8]. Вероятно, именно поэтому в пределах объектной метафоры указание на переживание страха почти всегда сочетается с другими семантическими компонентами. В результате анализа метафоры субстанции были выявлены выражения, в основе которых лежит образная интериоризация и экстериоризация страха, а также продемонстрированы различия в стратегиях авторского новаторства.

Корпусный анализ показал, что семантика лексем *paura*, *terrore* и *panico*, обозначающих эмоциональные состояния разной интенсивности, обусловливает преимущественный выбор для их описания тех или иных концептуальных метафор, выражающийся в частотности употребления соответствующих метафорических сочетаний. Этот факт свидетельствует о том, что метафорическая концептуализация эмоций в литературе отражает в большинстве случаев не индивидуальное мировидение автора, выполняя сугубо эстетическую функцию, но имеет глубокие, подчас неосознаваемые когнитивные основания, подчиняясь характерным для языковой общности особенностям мировосприятия. Мысль писателя следует закрепленным в языке метафорическим проекциям, которые в ряде оригинальных контекстов претерпевают одностороннее или двустороннее расширение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бауман З. Текучая современность. СПб: Питер, 2008.
2. Vikulova L. G. et al. Retrospective semiometrics of the sign valeur / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, S. A. Gerasimova, V. A. Rayskina, E. F. Serebrennikova // XLinguae. 2020. Vol. 13. № 1. P. 169–183.
3. Сластникова Т. В., Черкашина Е. И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: Языки народов мира, 2021.
4. Говорухо Р. А. Типы клаузального сочинения в итальянском и русском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2008. № 5. С. 31–39.
5. Викулова Л. Г. Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство // Древняя и Новая Романия. 2016. № 17. С. 266–278.
6. Борисова Е. С. Формальные способы устранения голоса нарратора в итальянской художественной прозе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 1(21). С. 54–60.

REFERENCES

1. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost' = Liquid Modernity. St Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Vikulova, L. G. et al. (2020). Retrospective semiometrics of the sign valeur. Xlinguae, 13 (1), 169–183.

3. Slastnikova, T. V., Cherkashina, E. I. (2021). Tsvet i tsvetooboznachenie v lingvisticheskikh issledovaniyakh = Color and color naming in linguistic studies. Moscow: Yazyki Narodov Mira. (In Russ.)
4. Govorukho, R. A. (2008). Clausal Coordination Types in Ialian and Russian. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 5, 31–39. (In Russ.)
5. Vikulova, L. G. (2016). The Writer in the French Society of the 17th Century: Encyclopedic Domination, Language Competence, Communicative Leadership . Drevnyaya i Novaya Romaniya, 17, 266–278. (In Russ.)
6. Borisova, E. S. (2016). Formal Modes of Cancelling the Narrator's Voice in the Italian Fictional Prose. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1(21), 54–60. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарева Александра Леонидовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tokareva Alexandra Leonidovna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Romance Languages and Linguodidactics Department
Institute for Foreign Languages, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	11.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	12.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81-114.02

Специфика реализации категории «эмоции» в англоязычных медиатекстах (на примере публикаций на военную тематику)

Е. О. Шевелева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
shevelev28@mail.ru

Аннотация. Цель настоящей работы – рассмотреть особенности репрезентации категории «эмоции» в англоязычных статьях на военную тематику. На основе анализа корпуса статей ведущих британских и американских изданий, освещающих текущие военные конфликты, установлен статус категории «эмоции» как коммуникативной категории, проанализированы языковые репрезентанты смыслового пространства «эмоции» в англоязычном военном дискурсе и определено соотношение различных семантических зон соответствующего смыслового пространства в рамках статей на военную тематику.

Ключевые слова: коммуникативная категория, эмоции, смысловое пространство, военный дискурс

Для цитирования: Шевелева Е. О. Специфика реализации категории «эмоции» в англоязычных медиатекстах (на примере публикаций на военную тематику) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 118–124.

Original article

Representation of the Category of ‘Emotions’ in English Media Texts on the Military Topic

Evgeniia O. Sheveleva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
shevelev28@mail.ru

Abstract. The article aims to consider the specific features of the representation of the category of Emotions in English media text covering military topics. The analysis of the corpus of British and American articles from leading media sources ascertains the status of the category of Emotions as a communicative category. The study focuses on the lexical representatives of the conceptual space Emotions in English military discourse, as well as reveals the correlation between different semantic zones of the aforementioned conceptual space within the framework of articles on the military topic.

Keywords: a communicative category, emotions, a conceptual space, military discourse

For citation: Sheveleva, E. O. (2023). Representation of the category of ‘Emotions’ in English media texts on the military topic. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 118–124.

ВВЕДЕНИЕ

Всё большее число ученых-лингвистов привлекает изучение специфики современного медиадискурса. Анализу подвергаются самые разные аспекты как отечественного, так и зарубежного массмедийного пространства: исследуются когнитивно-дискурсивные, лингвостилистические, лексико-грамматические и прочие особенности газетных заголовков (Е. С. Шмелёва, 2023); массмедийные источники рассматриваются как средство формирования оценочной картины мира (Е. В. Темнова, 2018), в рамках медиадискурса на материале как европейских, так и восточных языков изучается функционирование различных языковых явлений и смысловых конструктов (Ю. Г. Ткаченко, 2018; В. В. Федоров, 2018; Е. О. Шевелева, 2019). Представляют интерес работы, связанные с изучением средств и способов дискурсивного программирования в СМИ (В. Л. Соколова, 2019). Подобный интерес лингвистов (когнитологов, стилистов, семантиков, лексикологов и прочих специалистов) вызван сложной природой медиатекста, его многофокусной структурой и тем разнообразием функций, которое он выполняет в современной глобальной коммуникативной среде. При безусловной реализации своей базовой функции – информирующей (реципиент получает информацию о событии по стандартной формуле «Кто? Что? Где? Когда?») – современный медиатекст служит практически беспроигрышным инструментом миромоделирования и создания ракурса представляемого события, нужного интерпретатору (то есть автору медиатекста). Манипулятивный эффект новостного сообщения за счет выбора определенных лексических средств (так называемых «конфликт-генов») являлся предметом нашего внимания в цикле работ, посвященных концептуальным основаниям развертывания события и создания образа России в лице ее президента на международной арене в западном политическом дискурсе (Е. О. Шевелева, 2019, 2023).

Цель настоящей работы – рассмотреть особенности реализации категории «эмоции» в англоязычных статья на военную тематику.

Актуальность работы обусловлена не только тем, что категория «эмоции» нечасто становится предметом лингвистического анализа, но и тем, что эмоциональная плоскость события (эмоциональные реакции и эмоциональные проявления непосредственных участников события) служит одним из факторов формирования того самого желаемого ракурса представления и восприятия события, который необходим заинтересованным в этом лицам. Кроме того, изучение специфики проявления категории «эмоции» в рамках описания медиасобытия представляется особенно значимым в связи с «неугасающим интересом к изучению и моделированию целенаправленных когнитивных и языковых механизмов воздействия на сознание (и мнение) реципиента» [Нигматуллина, 2021а, с. 56].

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЭМОЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучению сущности и функций эмоций посвящено достаточно большое число исследований в области философии, психологии, социологии, поскольку данная категория обладает ярко выраженной антропоцентрической, онтологической, гносеологической значимостью. Воздействие внешних и внутренних раздражителей вызывают у человека целый спектр субъективных реакций, характеризующихся интенсивностью, продолжительностью и динамикой.

Очевидно, что эмоции являются неотъемлемым элементом любого типа общения и репрезентируются в языке в виде широкого спектра слов и словосочетаний, номинирующих ту или иную эмоцию (эмоциональное состояние). Лексические единицы, смысловое содержание которых характеризуется наличием семантических компонентов, указывающих на ту или иную эмоцию (эмоциональное состояние), мы называем эмотивами. Совокупность эмотивов понимается нами (вслед за Э. Р. Нигматуллиной) как лексико-семантическая категория «эмоции», входящая на более высоком уровне абстракции в смысловое пространство «эмоции» (*далее* СПЭ) и имеющая в языке и тексте прямые и косвенные языковые проекции.

На наш взгляд, реализация изучаемой лексико-семантической категории имеет вариативный характер и зависит от прагматических параметров общения. В случае опосредованного общения, в частности сквозь призму медиатекста, категория «эмоции» приобретает отчетливый манипулятивный характер. В этом случае ее статус как коммуникативной категории, т. е. такой категории, которая определяет организацию коммуникативного процесса и регулирует его, следует считать основополагающим в процессе так называемого миромоделирования, поскольку эмоции, будучи присущими именно человеку, способны выступить триггером необходимых третьим лицам психических и физических реакций.

По нашему мнению, категория «эмоции» обладает целым рядом свойств, зависящих от ракурса рассмотрения ее категориальных статусов. С одной стороны, как мы говорили выше, эмоции суть коммуникативная категория, во многом регулирующая процесс общения (эмоции определяют порядок общения, оказывая как конструктивное,

так и деструктивное воздействие на ход и исход коммуникации). С другой стороны – как любая категория, категория «эмоции» располагает собственным пулом средств выражения как вербального, так и невербального характера. Сразу отметим, что невербальные компоненты средств выражения категории «эмоции» вынесены нами за рамки настоящего исследования, поскольку станут предметом отдельного изучения. В данном исследовании нас интересует вербальный, языковой, а еще точнее лексический срез средств объективации эмоций в англоязычном медиатексте.

В этой связи мы рассматриваем категорию «эмоции» как лексико-семантическую, обладающую широким спектром средств вербализации, «полученных на основании текстовой выборки» [Нигматуллина, 2021б, с. 12].

Мы согласны с тем, что семантическое наполнение эмотивов формирует смысловое пространство эмоций, обладающее своей структурой. Э. Р. Нигматуллина выделяет шесть семантических зон:

- **зона 1** (*далее* 31) представлена в английском языке лексическими обозначениями базовых эмоций, таких как *fear, happiness, sadness* и др.
- **зона 2** (*далее* 32) включает в себя лексические обозначения эмоциональных состояний (например, *hope, shame* и др.)
- **к зоне 3** (*далее* 33) могут быть отнесены такие обозначения эмоциональных состояний (эмоционально-интеллектуальных состояний), как *satisfaction, pleasure, irritation* и др.
- **зона 4** (*далее* 34) может включать в себя физические проявления эмоций, например, *tears, laughter, cry* и др.
- **зона 5** (*далее* 35) включает те лексические единицы, которые имеют так называемые «устойчивые ассоциации с эмоциями». Это могут быть такие единицы, как *responsible, luxurious, lonely* и т. п.
- **зона 6** (*далее* 36) содержит лексические единицы, которые номинируют ситуации и действия, служащие источниками эмоций.

По Э. Р. Нигматуллиной, данные лексические единицы служат вербальными репрезентантами различных фреймов [Нигматуллина, 2021б]. Одной из задач нашего исследований служит выявление таких фреймов и установление их конфигураций.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «ЭМОЦИИ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ НА ВОЕННУЮ ТЕМАТИКУ

Источником эмпирического материала послужили англоязычные новостные статьи на военную тематику, отобранные методом сплошной выборки из интернет-версий изданий *The Times, The Independent, The Guardian, The Economist* и отражающие происходящие в мире военные конфликты.

Поскольку основная функция новостного сообщения – изложение факта происходящего или свершившегося события, логично предположить, что включение эмотивов в такого рода медиатексты представляется достаточно редким явлением, поскольку автор новостного сообщения стремится охарактеризовать фактическую сторону дела, не примешивая к описанию (повествованию) такой субъективный элемент, как оценка. Между тем проведенное исследование показало, что авторы современного англоязычного медиатекста, посвященного тому или иному военному конфликту, осознавая необходимость держать лицо и создавать видимость объективности, намеренно используют эмотивы различных семантических зон в определенных пропорциях и с конкретными прагматическими установками. По нашему мнению, эмотивы 31–34 представляют собой прямые (эксплицитные) номинации эмоций, в то время как эмотивы 35 и 36 носят имплицитный (непрямой, опосредованный) характер, что позволяет автору сообщения более гибко использовать их программирующий потенциал, увеличивая или снижая рекурретность репрезентантов.

Как указывает Э. Р. Нигматуллина, во-первых «об эмоциях, вызванных происходящим, может рассказать наблюдатель-интерпретатор, и, во-вторых, в тексте могут быть зафиксированы эмоциональные реакции и эмоциональные проявления непосредственных участников события» [Нигматуллина, 2021б, с. 12]. Представляется, что любое медиасобытие, будучи информационной основой новостного сообщения и обладая достаточно объемной сеткой составных элементов, имеет в своей структуре не двух, а скорее нескольких участников события. Как правило, участниками события являются действующие лица, принимающие участие непосредственно в событии – автор новостного сообщения и реципиент (читатель).

При изучении новостных сообщений о военных конфликтах отмечено, что непосредственными участниками события являются: а) воюющие стороны (государства, их лидеры и подчиненные им военные контингенты) и б) население территорий, находящихся в зоне конфликта. Таким образом, смысловое пространство «эмоции» гипотетически может охватывать четыре элемента структуры медиасобытия на военную тематику. Однако работа с языковым материалом показала, что такие элементы, как эмоции воюющих сторон, а также эмоции автора новостного сообщения полностью

выведены за рамки презентации события в медиапространстве. Отсутствие семантических зон СПЭ у данных элементов медиасобытия связано, по нашему мнению, с желанием автора статьи всё же сохранить определенную степень объективности подачи информации. В одной из недавних работ мы говорили о так называемых объективных параметрах события [Шевелева, 2023, с. 259]. К таковым мы отнесли имена и фамилии участников события, посты и занимаемые должности, наименования различных международных организаций, мессенджеров, новостных агентств, географические (природные и социальные) объекты, временная локализация. Изученные нами статьи подтвердили обоснованность выделения данных параметров и отсутствие у них какой бы то ни было эмоциональной окрашенности:

Приведем некоторые примеры:

1. In an address to the nation Sunday, Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan said his government was working with international partners to protect the rights and security of Armenians in Nagorno-Karabakh.[1]

2. In a clarifying statement Thursday, the spokesman for air forces in Africa, Col. Robert Firman, said that in his Wednesday remarks, Hecker was just referring to the air component perspective and was not addressing the overall counterterrorism program in Niger.[2]

В данных контекстах мы не находим каких-либо лексических единиц, напрямую или опосредованно характеризующих эмоции самих участников описываемых событий или эмоциональной оценки событий со стороны авторов сообщений.

Контексты, в которых отмечались лексические единицы **первой зоны** смыслового пространства «эмоции», посвящены характеристике эмоций людей, проживающих на территории конфликта:

3. The development comes days after Baku reclaimed control of the province and began talks with representatives of its ethnic Armenian population on reintegrating the area, prompting some residents to flee their homes for ***fear*** of reprisals.[3]

4. ***Angry*** protesters attack ATMs and block roads in frustration at lack of new banknotes days before election.[4]

5. 'This is why the National Council for the Protection of the Fatherland and the transitional government launch a solemn appeal to the great people of Niger to be ***vigilant*** and never to demobilize until the inevitable departure of French troops from our territory,' he said.[5]

6. With virtually the entire population of Armenians fleeing from Nagorno-Karabakh, refugees are voicing ***rage*** over the loss of their homeland…[6]

Вторая зона СПЭ представлена обозначениями длительных эмоциональных состояний. Например:

7. Three days of national ***mourning*** to honor the civilians and troops killed begin Friday.[7]

8. The counter-offensive that began in June was based on the ***hope*** that…[8]

Третья и **четвертая зоны** СПЭ репрезентированы достаточно малым количеством лексических единиц, номинирующих эмоционально-интеллектуальные состояния и обозначающих физические проявления эмоций. Приведем последовательно примеры реализации 33 и 34:

9. Angry protesters attack ATMs and block roads in ***frustration*** at lack of new banknotes days before election.

10. ***Tears*** as Nigerian military buries 22 officers killed in Niger.[9]

Достаточно большой процент составляют репрезентанты **пятой зоны** СПЭ. К ним относятся те слова и словосочетания, семантическое содержание которых прямо указывает на ту или иную эмоцию. Прямые ассоциации с эмоциями

[1] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-blast-fuel-depot-armenia-azerbaijan
[2] URL: https://www.independent.co.uk/news/niger-ap-pentagon-west-africa-washington-b2411813.html
[3] URL: https://www.independent.co.uk/news/armenia-ap-nagornokarabakh-baku-london-b2417337.html
[4] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/feb/15/angry-protests-erupt-across-nigeria-against-scarcity-of-cash
[5] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/jul/31/niger-coup-leaders-accuse-france-plotting-military-intervention
[6] URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/09/30/russia-nagorno-karabakh-peacekeepers-failure/
[7] URL: https://www.washingtontimes.com/news/2023/sep/7/2-attacks-by-islamist-insurgents-in-mali-leave-49-/
[8] URL: https://www.economist.com/leaders/2023/09/21/ukraine-faces-a-long-war-a-change-of-course-is-needed
[9] URL: https://dailypost.ng/2023/08/25/tears-as-nigerian-military-buries-22-officers-killed-in-niger/

проявляются при семантическом развертывании лексических единиц:

11. Pashinyan and many others in Armenia ***accused*** the peacekeepers of failing to prevent the hostilities and protect the Armenian population.[1]

Согласно данным Oxford Advanced Learner's Dictionary, глагол *to accuse* имеет в качестве одного из семантических компонентов единицу *guilty*, служащую прямой номинацией базовой эмоции, согласно классификации К. Э. Изарда*:*

to accuse – to say that somebody has done something wrong and is ***guilty*** of something[2]

12. 'I'll never go back. It's ***enough*** for me.'[3]

Семантика единицы *enough* включает обозначение испытываемых эмоций:

enough – used to say that something is ***annoying*** or boring and that you want it to stop[4]

Как показало исследование, приведенные выше примеры реализации эмотивов характеризуют эмоциональные состояния непосредственных участников события, это, как правило, жители регионов (территорий), находящихся в эпицентре военных конфликтов.

Особого внимания заслуживает рассмотрение **шестой зоны** СПЭ – той, где сконцентрированы лексические репрезентанты ключевых концептов. Данная зона – самая важная зона смыслового пространства «эмоции» с точки зрения своего программирующего потенциала. Предыдущие зоны СПЭ служат номинации и описанию эмоций участников события, в то время как шестая зона предназначена для формирования необходимого эмоционального настроя реципиента, что в конечном счете является важнейшей задачей СМИ.

С одной стороны, поскольку автор новостного сообщения объективно вынужден, описывая элементы события, прибегать к специальной военной терминологии, решающую роль в выборе лексических номинантов тех или иных концептов играет тематика статьи. Между тем рекурретность появления репрезентантов определенных концептов в бо́льшей степени зависит от автора новостного сообщения. Увеличивая или уменьшая номинативную плотность лексико-семантического поля того или иного концепта в рамках новостной статьи, автор наводит нужный ему фокус соответствующего фрейма. Именно его лексические репрезентанты и выступают в качестве источников эмоций у реципиента – читателя новостного сообщения.

Очевидно, что наиболее ярким концептом является концепт «Война». В изученных контекстах он представлен наибольшим количеством единиц, номинирующих военные контингенты (*the Azerbaijani military, the Armenian forces, peacekeepers, soldiers, fighters, envoys, insurgents* и др.), ход военный действий (*a lightning offensive, blitz, ceasefire, artillery fire*, *the pull-out* и др.), наименование вооружений (*weapons, a landmine, shelling, tanks, air defense, drones*, *missiles* и др.). Война в сознании каждого человека связана с опасностью, горем, лишениями и смертью. Именно поэтому разнообразие лексических репрезентантов концепта «Война» вызывает целый спектр негативных эмоций.

13. The Azerbaijani ***military*** routed Armenian ***forces*** in a 24-hour ***blitz*** last week, forcing the separatist authorities to agree ***to lay down weapons*** and start talks on Nagorno-Karabakh's "reintegration" into Azerbaijan after three decades of separatist rule.[5]

14. Russia's RIA Novosti on Saturday published photos of ***tanks, air defense systems***, and other ***weapons*** reportedly surrendered by the province's separatist ***forces*** to the Azerbaijani ***army***.[6]

Вторым по рекуррентности следует концепт «Смерть / Физические страдания». С одной стороны, он является частью концепта «Война», с другой – репрезентанты данного концепта вызывают эмоции реципиента вне зависимости от наличия или отсутствия приведших к этому боевых действий.

15. 'The Malian government announcement said its forces, in responding to the attacks, ***killed*** some 50 assailants. Three days of national mourning to honor ***the civilians and troops killed*** begin Friday.'[7]

16. 'No fewer than 22 military personnel who ***died*** in combat in Niger State are being ***laid to rest*** at the National Military ***Cemetery*** in the Federal Capital

[1] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-blast-fuel-depot-armenia-azerbaijan

[2] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/accuse?q=accuse

[3] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-attacks-envoys-meet-azerbaijan-armenia-brussels

[4] URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/enough_2

[5] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-blast-fuel-depot-armenia-azerbaijan

[6] URL: https://www.independent.co.uk/news/armenia-ap-nagornokarabakh-baku-london-b2417337.html

[7] URL: https://www.washingtontimes.com/news/2023/sep/7/2-attacks-by-islamist-insurgents-in-mali-leave-49-/

Territory, FCT, Abuja. DAILY POST recalls that the Defence Headquarters (DHQ) on August 14, announced ***the death*** of at least 36 officers who were ***killed*** in battle.[1]

17. Nagorno-Karabakh: at least 20 ***killed*** and hundreds ***injured*** after blast at fuel depot. Officials say 290 ***people have been taken to hospital*** with dozens in '***critical condition***'.[2]

Номинативная плотность концепта «Бегство / Спасение» также демонстрирует особую роль его лексических репрезентантов. Описываемые автором картины спасающихся бегством женщин, детей, стариков, их страданий и лишений по пути из зоны военного конфликта вызывает у реципиента аналогичные отрицательные эмоции. Важно, что в случае реализации данного концепта наблюдается его устойчивая связка с концептом «Количество». Именно лексические единицы, обозначающие массовость людского потока, добавляют драматизма описываемому событию:

18. The Armenian government said that more ***13,550*** Nagorno-Karabakh residents ***had fled*** to Armenia as of Tuesday morning.[3]

19. ***Many have fled to*** Goris, a resort town near the border with Armenia that is at the centre of ***an exodus of refugees*** that could ***swell to up to 120,000 people***. <…> ***Many of those crossing to Armenia*** through the Lachin corridor <…> ***refugees crowding*** around municipal centres with all their possessions tied to the roofs of their cars. <…> ***People had been queueing*** at the depot to collect fuel before leaving for Armenia.[4]

Следует отметить, что важным при формировании эмоционального фона описываемого события является и концепт «Лишения». Этот концепт в англоязычном новостном дискурсе проявляется, во-первых и в основном, лексико-грамматическими средствами (через отрицательные грамматические конструкции), а во-вторых, в редких случаях посредством так называемого политропа (сочетания стилистических приемов метафоры и метонимии):

20. Someone even left ***without any clothes***. They ***couldn't take anything***. There are people who ***haven't eaten anything***.[5]

21. ***My home is in this bag***.[6]

Проведенный анализ показал, что в изученных контекстах наблюдается кластерная реализация эмотивов, что соответствует логике построения медиасобытия в новостном дискурсе и необходимости создания определенного эмоционального фона. Мы согласны с Э. Р. Нигматуллиной в том, что «интерпретатор медиасобытия может вводить в текст повторы обозначений эмоциональных реакций для достижения прагматических целей» [Нигматуллина, 2021б, с. 21]. В изученном нами материале подобные кластеры представлены прежде всего сочетанием репрезентантов в рамках эмотивов 36, например, лексических репрезентантов концептов «Война», «Смерть», «Бегство», «Лишения». Также наблюдается включение эмотивов 31–35 в те контексты, где бо́льшая часть смыслового пространства текста отведена эмотивам 36.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение специфики реализации лексико-семантической категории «эмоции» в англоязычном новостном дискурсе способствует дальнейшему изучению способов репрезентации эмоций в текстах различных жанров на материале как английского языка, так и иных языков. Проведенное исследование позволило определить ряд особенностей языковой репрезентации данной категории.

1. Установлено, что категория «эмоции» обладает статусом коммуникативной категории и определяет характер общения (в том числе и опосредованного общения в триаде «автор – текст – читатель») посредством создания необходимого ракурса рассмотрения события и передачи его реципиенту.
2. В англоязычном медиатексте на военную тематику проявление эмоций (эмоциональных состояний) и эмоциональная характеристика элементов события наблюдается только у непосредственных участников события и у реципиента. При этом эмоциональные проявления свойственны лишь одной группе участников; в рамках военной тематики такими участниками являются люди, находящиеся в зоне боевых действий.

[1] URL: https://dailypost.ng/2023/08/25/tears-as-nigerian-military-buries-22-officers-killed-in-niger/
[2] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-blast-fuel-depot-armenia-azerbaijan
[3] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-blast-fuel-depot-armenia-azerbaijan
[4] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-attacks-envoys-meet-azerbaijan-armenia-brussels
[5] URL: https://www.independent.co.uk/news/armenia-ap-nagornokarabakh-baku-london-b2417337.html
[6] URL: https://www.theguardian.com/world/2023/sep/26/nagorno-karabakh-attacks-envoys-meet-azerbaijan-armenia-brussels

3. Эмоциональный фон не свойствен таким «объективным» параметрам события, как наименования глав государств, географические объекты, наименования международных (в том числе общественных) организаций, временная и пространственная локализация.
4. В англоязычном медиатексте на военную тематику реализуются все семантические зоны смыслового пространства «эмоции», однако степень их реализации различна.
5. Семантические зоны 31–35 проявляются в достаточно малом количестве контекстов и репрезентируют такие эмоциональные концепты, как «Злоба», «Ярость», «Страх» (31), «Надежда» и «Скорбь» (32). Проявление эмоций связано прежде всего со слезами и с высшей степенью огорчения (расстройства) (33 и 34 соответственно). Семантическая зона 5 представлена очень скудно и обнаружена лишь в нескольких изученных контекстах. По нашему мнению, отсутствие (или очевидно малое число) лексических единиц, лишь косвенно связанных с той или иной эмоцией, продиктовано определенной целью новостного сообщения, где стоит информационно-манипулятивная задача, а осознание сопряженности лексических единиц с «неочевидной» эмотивной семантикой, с конкретной эмоцией или эмоциональным состоянием требует большего интеллектуального напряжения читателя, а это задача, которую новостная статья предполагает в меньшей степени.
6. Важнейшая семантическая зона – 36, наполненная лексическими репрезентантами концептов, связанных с ситуациями, действиями, объектами и предметами, выступающими в качестве источника (триггера) эмоций. В рамках данной зоны наблюдается, во-первых, отчетливая кластерность репрезентантов, а во-вторых, увеличение их рекуррентности. Обе тенденции вполне отвечают задаче медиатекста по созданию определенного эмоционального фона представления события и, как следствие, провоцирование у реципиента желательного эмоционального отношения к описываемому событию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нигматуллина Э. Р. Реализация лексико-семантической категории эмоций в англоязычном газетном / журнальном тексте: дис. … канд. филол. наук. М., 2021а.
2. Нигматуллина Э. Р. Реализация лексико-семантической катгории эмоций в англоязычном газетном / журнальном тексте: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2021б.
3. Шевелева Е. О. Специфика репрезентации концепта POWER в современных англоязычных медиатекстах. Когнитивные исследования языка. Москва – Тамбов. 2023. Вып. 3 (54). С. 257–263.

REFERENCES

1. Nigmatullina E. R. (2021a) Realizatsiya leksiko-semanticheskoi katgorii emotsii v angloyazychnom gazetnom/ zhurnal'nom tekste: PhD in Philology. (In Russ.)
2. Nigmatullina E. R. (2021б) Realizatsiya leksiko-semanticheskoi katgorii emotsii v angloyazychnom gazetnom/ zhurnal'nom tekste: abstract of PhD in Philology. (In Russ.)
3. Sheveleva, E. O. (2023). The representation of the concept *POWER* in contemporary English media texts. Cognitive Studies and Language, 3(54), 257–263. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевелева Евгения Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sheveleva Evgeniia Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of English Stylistics of the Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'34+81'33+81'42+811.111+81'221

Традиция использования обобщающего мужского рода в немецком языке

Е. А. Юкляева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Аннотация. В статье дается краткий обзор новейших исследований немецкой лингвистики, связанных с историей и традицией использования обобщающего мужского рода в немецком языке; рассматривается сложная взаимосвязь грамматического рода и пола; анализируются случаи использования существительных мужского рода с обобщающей референцией. Делается вывод о конкуренции обобщающего мужского рода с относительно новыми гендерно маркированными языковыми формами.

Ключевые слова: грамматическая категория рода, обобщающий мужской род, обобщающий женский род, спецификация пола, гендерно-адекватный язык

Для цитирования: Юкляева Е. А. Традиция использования обобщающего мужского рода в немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 125–131.

Original article

Tradition of Generic Masculine Usage in German Language

Elena A. Yuklyaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Abstract. The article gives a short review of the latest German linguistics' studies on the issue of history and tradition for generic masculine usage in German language and considers the complex relationship between the syntactic gender and the semantic gender. Further to that usage cases of masculine nouns with generic reference are dissected. The conclusion about a certain rivalry between generic masculine and relatively new gender-marked language forms is drawn.

Keywords: grammatical category of gender, generic masculine, generic feminine, gender specification, gender-appropriate language

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2023). Tradition of Generic Masculine Usage in German Language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 125–131.

ВВЕДЕНИЕ

Участники ведущихся в немецкоязычных странах дискуссий о гендерно-адекватном языке особенно ожесточенно критикуют использование обобщенного мужского рода (*generisches Maskulinum*) для обозначения лиц женского пола; споры о спецификации пола в номинациях лиц выходят за пределы теоретической грамматики немецкого языка и проникают в область социального и политического дискурса. Так, например, председатель партии Христианско-Демократический Союз (ХДС) Ф. Мерц заявил в июне 2023 года, что каждый случай использования гендерно окрашенных языковых маркеров вместо обобщенного мужского рода в новостных программах немецкого телевидения дает несколько новых сотен голосов партии Альтернатива для Германии (АдГ)[1]. Центральный аргумент поборников гендерной адекватности в языке гласит: обобщенный мужской род является относительно новым и искусственным «изобретением» эпохи бюргерства в Германии, с помощью которого общество пыталось «зацементировать власть мужчин», и поэтому использование его в современном немецком языке является устаревшим и «аморальным».

В данной статье мы попытались проанализировать результаты новейших исследований немецкой лингвистики, связанных с историей и традицией использования обобщающего мужского рода в немецком языке. Материалами для анализа послужили работы известных современных немецких лингвистов Е. Трутковски (E. Trutkowski), Х. Вайса (H. Weiss), У. Долешаль (U. Doleschal) и др.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОБОБЩАЮЩЕГО МУЖСКОГО РОДА

В традиционной грамматике немецкого языка все имена существительные обладают грамматическим родом (*syntactic gender*): мужским, женским или средним; у существительных, употребляемых только во множественном числе (*Pluralia Tantum*), таких как *Leute* или *Eltern*, в зависимости от метода используемого лингвистического анализа категория рода либо отсутствует, либо одновременно представлена в спецификации мужского и женского рода [Bierwisch, 1967]. В основном категория рода является фиксированной для всех существительных; вариативность категории рода встречается прежде всего в диалектах (ср.: южнем. *der Butter* и стандарт. *die Butter*).

Пол (*semantic gender*) же в отличие от грамматического рода не является обязательным признаком существительных. В то время как род существительных представляет собой абстрактную грамматическую категорию, которой обладают также неодушевленные существительные, такие как *der Löffel*, *die Gabel*, *das Messer*, признак пола является скорее лингвистической интерпретацией биологического пола одушевленных существительных со спецификацией мужского или женского пола. Пол (мужской или женский) представляет собой менее очевидную категорию, которая часто проявляется только через грамматический род, а иногда и не проявляется совсем. Неодушевленные имена существительные не обладают полом, и даже у одушевленных имен существительных обладание полом иногда опционально (напр., одушевленное имя существительное *der Mensch*) [Trutkowski, Weiss, 2023]. Иными словами, некоторые одушевленные имена существительные несут в себе наряду с обязательной категорией рода еще и признак пола (мужского или женского), который, однако, не всегда можно идентифицировать только с помощью морфологии, так как признак пола связан с семантикой слова. Поэтому грамматическая категория рода не тождественна признаку пола, несмотря на наличие определенных сложных взаимосвязей между ними. Крайне важно также избегать смешения указанных категорий, прежде всего ввиду ведущейся в настоящее время в немецкоязычных странах дискуссии о гендерной адекватности языка и «дискриминационном» использовании обобщающего мужского рода.

«Обобщающая» референция существительных мужского рода трактуется в грамматике немецкого языка как обозначение именем существительным в мужском роде лиц не только мужского, но и женского пола, смешанных групп, а также групп лиц, которые не определены в отношении пола [Duden, 2016; Klann-Delius, 2005]. Существительное в мужском роде может использоваться для обозначения лица / субъекта, если биологический пол данного лица / субъекта не важен, или когда в равной степени подразумеваются лица мужского и женского пола. В таком случае мужской род интерпретируется как нейтральный или обобщающий.

Согласно У. Долешаль, мужские номинации используются в абстрагированном по отношению к спецификации пола значении в следующих случаях:

1) если отсутствует информация о поле обозначаемого лица, ср.: *Ist* ***neuer Geisterpilot*** *über Paris eine Frau*?

[1]Spiegel. URL: https://www.spiegel.de/politik/friedrich-merz-und-reiner-haseloff-unionspolitiker-kritisieren-gendern-im-tv-a-cbf1e9e8-2126-4f5a-9d2f-0457a62e9568

2) нельзя определить пол лица, ср.: *Nur zirka 12000* ***Studenten*** *haben bisher eine Studienhilfe beantragt*;
3) информация о поле является нерелевантной, ср.: *Je mehr* ***der Künstler*** *als Person in seiner Arbeit zurücktritt, desto größer ist der Spielraum, den er dem Betrachter, aber auch dem Kunstkritiker lässt;*
4) для обозначения смешанной по полу группы лиц, ср.: *Im Kreis* ***einiger weniger Freunde*** *wie Lotte Tobisch tat dies Handelskammerpräsident Karl Dittrich;*
5) для номинации безличного деятеля, ср.: *Das breitere Angebot an der Börse hat auch stärker als bisher* ***die institutionellen Anleger*** *wie etwa Versicherungen angelockt;*
6) при метафорической персонификации, ср.: *Die Polizei –* ***dein Freund und Helfer****;*
7) если номинация для обозначения лица женского пола выполняет в предложении роль предиката или атрибута, ср.: *Sie ist von Beruf* ***Schlosser***;
8) если номинация выступает в качестве основы для образования сложных слов, ср.: ***Arbeiter****bewegung,* ***Ärztek****ammer,* ***Hörer****versammlung* и производных слов, ср.: ***lehrer****haft,* ***studenti****sch,* ***tischler****n* [Doleschal, 2002].

В современной немецкой лингвистике нет единого мнения по вопросу спецификации пола имен существительных; так, например, Е. Дивальд аргументирует, что дихотомия «женский / мужской пол» является частью значения существительного [Diewald, 2018]. Другие авторы, например, П. Айзенберг (P. Eisenberg)[1] и М. Нееф [Neef, 2018] предполагают, что обобщающее значение является частью основного значения слова. У. Зауэрланд, продолжая традицию Р. Якобсона, рассматривает формы мужского рода как немаркированные, в отличие от форм женского рода [Sauerland, 2008].

Следует отметить также, что существующие в настоящее время определения обобщающего грамматического рода характеризуют прежде всего обобщающий мужской род и оставляют за скобками обобщающий женский род, который часто встречается, например, в области фауны: *Katze, Kuh* и т. д. В этой связи Е. Трутковски предлагает следующую дефиницию обобщенности: «Обобщающей является такая интерпретация существительных и местоимений со спецификацией пола, при которой отсутствует суждение о биологическом или социальном поле референта»[2] [Trutkowski, Weiss, 2023, с. 7].

ОБОБЩАЮЩИЙ МУЖСКОЙ РОД В ДИАХРОНИИ

Использование форм мужского рода с обобщающей референцией подвергается ожесточенной критике со стороны феминистской лингвистики. В этой связи большой интерес представляет исследование Е. Трутковски и Х. Вайсса «Разыскиваются свидетели! К истории обобщающего мужского рода в немецком языке» [Trutkowski, Weiss, 2023], опубликованное в начале 2023 года и анализирующее в диахронии феномен обобщающего мужского рода как неотъемлемую часть грамматической структуры немецкого языка.

В своей работе лингвисты проанализировали использование языковых форм на ранних этапах развития немецкого языка; целью анализа было выяснить, могли ли номинации мужского рода уже в те периоды использоваться в обобщающей (*generisch*) референции. Одним из важнейших вопросов, на который попытались найти ответ исследователи, был вопрос о том, используется ли обобщающий мужской род в немецком языке только потому, что его истоки связаны с обозначением некоторых профессий, которые раньше считались сугубо мужскими. В этой области очень сложно провести четкую границу между лингвистическими и экстралингвистическими факторами, тем не менее Е. Трутковски и Х. Вайсс нашли в историческом контексте доказательства обобщающей интерпретации форм мужского рода за пределами профессиональной лексики. Тем самым лингвисты опровергают общепринятую точку зрения, что обобщающий мужской род возник только тогда, когда женщины стали активно овладевать чисто мужскими профессиями.

В ходе исследования удалось доказать, что существительные мужского рода уже в древневерхненемецком языке могли употребляться для обозначения представителей обоих биологических полов – по аналогии с современным использованием существительного женского рода *Person* или существительного среднего рода *Mitglied*.

На основе анализа таких существительных, как *Freund, Feind, Gast, Nachbar, Sünder* лингвисты приходят к выводу, что в древне– и средневерхненемецком периодах подобные существительные в основном использовались не с референцией спецификации пола, а с обобщающей референцией. Так, например, поэт древневерхнемецкого периода Отфрид фон Вайсенбург

[1] URL: https://www.tagesspiegel.de/wissen/debatte-um-den-gender-stern-finger-weg-vom-generischen-maskulinum/22881808.html

[2] Зд. и далее перевод наш. – *Е. Ю.*

в IX веке, повествуя об Иисусе и Марии как гостях на свадьбе в Кане Галилейской, употребляет форму *Gästen*:

> Ni ward io in wóroltzitin,
> thiu zisámane gihitin,
> thaz sih gésto guati
> súlihhero rúamti.
> Thar was Kríst guater
> joh sélba ouh thiu sin múater.
> (Zu keiner Zeit hat sich ein Hochzeitspaar rühmen können, so hohe Gäste zu haben (wie diese): Der heilige Christus und auch seine Mutter waren da erschienen.) [Trutkowski, Weiss, 2023, S. 24].

В ходе диахронического анализа особо подвергающихся критике имен существительных с окончанием *-er* (*ArbeitER, SchülER*, *LehrER*) также было доказано, что в древне- и средневерхненемецких периодах указанные существительные использовались с нейтральной половой спецификацией:

> die von alter har burgere zu Straßburg gewesen sind, es sigent frowen oder man (die von alters her Bürger in Straßburg gewesen sind, es seien Frauen oder Männer).

Здесь после существительного обобщенного мужского рода *Bürger* следует экспликация, упоминание обоих полов *Frauen oder Männer* . В таких примерах из древневерхненемецкого форма мужского рода вообще относится только к женщине [Trutkowski, Weiss, 2023].

> Ihr bedürft eines Weibes zum Freunde nicht;
> dass die fremde Magd Richter über die Schönheit wäre
> sie ist ein rechter Lügner

Так как в это время уже использовался суффикс *-in* для обозначения существительных женского рода, например, в таких существительных, как *Sünderin* и *Königin*, можно утверждать, что речь, действительно, идет об обобщающей форме мужского рода, а не просто об отдельных примерах иного использования морфологических правил.

ОБОБЩАЮЩИЙ МУЖСКОЙ РОД В СИНХРОНИИ

С целью определения имен существительных, имеющих обобщающую референцию в современном немецком языке, Е. Трутковски и Х. Вайсс провели интересный эксперимент со студентами-носителями немецкого языка. В ходе эксперимента испытуемые должны были составить «рейтинг» (используя шкалу от 1 (абсолютно неприемлемо) до 7 (абсолютно приемлемо) приемлемости тех или иных случаев употребления имен существительных в их обобщающем гендерном значении [Trutkowski, Weiss, 2023].

Для предъявления испытуемым были предложены эллиптические синтаксические конструкции: в подобных конструкциях род подлежащих со спецификацией пола может быть изменен из-за опущения предикатива с дивергентными признаками, но только в том случае, если соответствующий предикатив мужского рода.

Испытуемым были предложены следующие предложения:

a) Hans ist Pilot. Maria auch.
b) Hans ist Pilot. Werner auch.
c) Hans ist ein netter Mensch. Maria auch.
d) Hans ist ein netter Mensch. Werner auch.
e) *Maria ist Pilotin. Hans auch.

Они оценили первые 4 предложения как приемлемые, однако рейтинг предложения *a* был ниже, чем предложения *b*. Предложения *c* и *d* были оценены одинаково высоко. В чем же причина этого? Можно предположить, что, так как в предложениях *a* и *c* женское имя (*Maria*) соотносится с существительным мужского рода *der Mensch*, *der Pilot*, имеет место явление так называемого родового несоответствия (*Genus-Mismatch*): род подлежащего отличается от рода предикатива, а в предложении *a* наблюдается еще и дополнительная дискордантность пола, снижающая приемлемость. Существительное *Pilot* обладает как мужской, так и обобщающей референцией, что скорее всего привело к многозначности восприятия вышеуказанных синтаксических конструкций.

Что касается предложения *e*, то звездочка указывает на то, что данная конструкция была оценена как неприемлемая. Существительное *Pilotin* имеет спецификацию женского пола, которая не позволяет использовать указанное существительное в данном контексте с обобщающей референцией. На этом основании Е. Трутковски и Х. Вайсс делают вывод о том, что для имен существительных, обозначающих людей, существует категория обобщающего мужского рода, но отсутствует категория обобщающего женского рода.

Вместе с тем лингвисты указывают, что обобщающие интерпретации могут наблюдаться также и при использовании существительных женского рода со спецификацией женского пола, однако подобные примеры встречаются в основном при обозначении животных в тех случаях, когда существительные женского рода в качестве гиперонима обозначают семейство животных.

Поэтому испытуемые оценили предложение *e* как приемлемое, а предложение *g* – как неприемлемое:

f) Lily ist eine Katze. Leo auch.
g) *Leo ist ein Kater. Lily auch.

Все проанализированные выше примеры показывают, насколько прочно укоренилась обобщающая интерпретация форм мужского рода в немецком языке. При этом в качестве обобщающих могут использоваться имена существительные со спецификацией пола, но допускающие в своей основной форме многозначность либо специфичной (мужской или женской), либо абстрактной в отношении пола интерпретации, например, *Pilot* или *Katze*.

Какое же значение имеют результаты новейших исследований немецких лингвистов для дискуссии о гендерной адекватности в языке? Анализ использования обобщающего мужского рода в синхронии свидетельствует об отсутствии семантической прозрачности словообразовательных процессов в современном немецком языке, на которой настаивают приверженцы гендерно-адекватного языка. Кроме того, Е. Трутковски и Х. Вайссу удалось доказать, что обобщающий мужской род является неотъемлемой частью грамматической системы немецкого языка, начиная с древневерхненемецкого периода, и критика использования обобщающего мужского рода, по сути, является попыткой повлиять на грамматику и лексику немецкого языка как лингвистическую систему. Обобщающий мужской род выполнял и выполняет функцию гендерной нейтральности, следовательно, не существует объективной необходимости в использовании таких способов выражения гендерной адекватности, как гендерный астерикс или двойные номинации.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБОБЩАЮЩЕГО МУЖСКОГО РОДА

Каковы же перспективы дальнейшего использования обобщающего мужского рода в немецком языке? Некоторые лингвисты считают, что с точки зрения теоретической грамматики гендерные маркеры, например, двойные номинации (*Teilnehmer und Teilnehmerinnen*) не приживутся в немецком языке прежде всего из-за принципа языковой экономии; употребление двойных номинаций сравнивается с отказом от использования экономичных эллиптических конструкций (*Maria backt Kuchen und Hans backt auch Kuchen* вместо *Maria backt Kuchen und Hans auch*) [Merchant, 2008]. Однако в данном случае языковой экономии противостоит так называемый *моральный долг* [Stefanowitsch, 2018], о котором постоянно говорят поборники гендерной адекватности в языке. Именно поэтому более длинная и сложная «почетная» гендерная форма слова конкурирует с более экономичной языковой формой – обобщающим мужским родом. Укоренится ли гендерная форма в языке в ходе языкового развития и вытеснит ли она обобщающий мужской род – является в настоящее время дискуссионным вопросом. Добровольное, а не предписанное использование гендерно-адекватного языка расценивается в немецкоязычных странах в настоящее время как своеобразное *позитивное* позиционирование, *stance taking* [Jaffe, 2009] в отношении равноправия полов. Лингвисты предполагают, что обобщенный мужской род мог бы исчезнуть из употребления в языке только тогда, когда его использование интерпретировалось бы как *негативное* позиционирование по отношению к гендерной адекватности. Однако несмотря на то, что в институциональном употреблении языка (ведомства и учреждения) и общественных дискуссиях весьма заметны соответствующие тенденции, обобщенный мужской род в настоящее время продолжает занимать значительные позиции в устной и письменной речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый нами анализ результатов новейших исследований немецких лингвистов и социолингвистов, изучающих историю и традицию использования обобщающего мужского рода в немецком языке показал следующие особенности и тенденции:

1) в немецком языке существует определенная взаимосвязь между грамматическим родом и полом, однако она является односторонней: биологический пол может проявляться через грамматический род, однако выражение грамматического рода через пол невозможно;
2) использование мужского рода в обобщающей референции берет свое начало в древневерхненемецком периоде и, следовательно, обобщающий мужской род является неотъемлемой частью грамматической и лексической структуры немецкого языка;
3) в современном немецком языке существует не только обобщающий мужской род, но и обобщающий женский род; однако последний используется, как правило, при обозначении животных;
4) в настоящее время с обобщающим мужским родом конкурируют менее экономичные гендерно маркированные языковые формы,

отвергаемые большинством носителей немецкого языка, но тем не менее используемые средствами массовой информации, государственными учреждениями и университетами – сторонниками гендерно-адекватного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bierwisch M. Syntactic features in morphology: general problems of so-called pronominal inflection in German // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday 11 october 1966. 1967. Vol 1. P. 239–270. The Hague / Paris: Mouton.
2. Trutkowski E., Weiss H. Zeugen gesucht! Zur Geschichte des generischen Maskulinums im Deutschen // Linguistische Berichte. 2023. Heft 273. S. 5–40. Hamburg: Helmut Buske Verlag. URL: https://pub.ids-mannheim.de/extern/lb/lb2023-1.html
3. Duden. Die Grammatik. 9. Auflage. Duden, Band 5. Berlin: Dudenverlag, 2016.
4. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Metzler, 2005.
5. Doleschal U. Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne // Linguistik online. 2002. Bd. 11. Nr. 2. S. 39–70. URL: https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/915
6. Diewald G. Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2018. Heft 46(2). S. 283–299. URL: https://pub.ids-mannheim.de/extern/zgl/zgl46_2.html
7. Neef M. Das Konzept des sogenannten, Geschlechtergerechten Sprachgebrauchs' aus sprachwissenschaftlicher Sicht // Facetten der deutschen Sprache. 2018. S. 44–66. Berlin: Peter Lang. URL: https://www.peterlang.com/document/1056894
8. Sauerland U. On the semantics markedness of phi-features // Phi Theory: Phi-Features across Modules and Interfaces. 2008. P. 57–82. Oxford: Oxford University Press. URL: https://global.oup.com/academic/product/phi-theory-9780199213764?cc=ru&lang=en&
9. Merchant J. Variable island repair under ellipsis // Topics in ellipsis. 2008. P. 132–153. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/topics-in-ellipsis/variable-island-repair-under-ellipsis/700516C93442239FFC95809C2E876A03
10. Stefanowitsch A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin: Dudenverlag, 2018.
11. Jaffe A. Stance. Sociolinguistic Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2009.

REFERENCES

1. Bierwisch, M. (1967). Syntactic features in morphology: general problems of so-called pronominal inflection in German. To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday 11 october 1966. Vol 1. P. 239–270. The Hague / Paris: Mouton.
2. Trutkowski, E., Weiss, H. (2023). Zeugen gesucht! Zur Geschichte des generischen Maskulinums im Deutschen. Linguistische Berichte. Heft 273. S. 5–40. Hamburg: Helmut Buske Verlag. https://pub.ids-mannheim.de/extern/lb/lb2023-1.html.
3. Duden. (2016). Die Grammatik. 9. Auflage. Duden, Band 5. Berlin: Dudenverlag.
4. Klann-Delius, G. (2005). Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Metzler.
5. Doleschal, U. (2002). Das generische Maskulinum im Deutschen. Ein historischer Spaziergang durch die deutsche Grammatikschreibung von der Renaissance bis zur Postmoderne. Linguistik online, 11(2), 39–70. https://bop.unibe.ch/linguistik-online/article/view/915
6. Diewald, G. (2018). Zur Diskussion: Geschlechtergerechte Sprache als Thema der germanistischen Linguistik – exemplarisch exerziert am Streit um das sogenannte generische Maskulinum. Zeitschrift für Germanistische Linguistik. Heft 46(2). S. 283–299. https://pub.ids-mannheim.de/extern/zgl/zgl46_2.html (In German)
7. Neef, M. (2018). Das Konzept des sogenannten, Geschlechtergerechten Sprachgebrauchs' aus sprachwissenschaftlicher Sicht. Facetten der deutschen Sprache. S. 44–66. Berlin: Peter Lang. https://www.peterlang.com/document/1056894

8. Sauerland, U. (2008). On the semantics markedness of phi-features. Phi Theory: Phi-Features across Modules and Interfaces. P. 57–82. Oxford: Oxford University Press. https://global.oup.com/academic/product/phi-theory-9780199213764?cc=ru&lang=en&
9. Merchant, J. (2008). Variable island repair under ellipsis. Topics in ellipsis. P. 132–153. Cambridge: Cambridge University Press. https://www.cambridge.org/core/books/abs/topics-in-ellipsis/variable-island-repair-under-ellipsis/700516C93442239FFC95809C2E876A03
10. Stefanowitsch, A. (2018). Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. Berlin: Dudenverlag.
11. Jaffe, A. (2009). Stance. Sociolinguistic Perspectives. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна
кандидат педагогических наук
и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyaeva Elena Aleksandrovna
PhD (Pedagogy)
Acting Head of the Department of the German Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 82.01/.09

К истории литературных связей России и Западной Европы: источники и особенности интерпретации образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века

Е. Е. Наумова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
e.naumova@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются немецкоязычные источники образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века и исследуются особенности его интерпретации в произведениях русских писателей – в поэме «Агасвер» и романе «Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера, а также в поэме В. А. Жуковского «Странствующий Жид». Автор прослеживает связь этих произведений с немецкоязычной литературной традицией, с творчеством представителей движения «Буря и натиск», а также выявляет особенности трактовки сюжета об Агасфере в русской литературе первой половины XIX века.

Ключевые слова: Агасфер, Вечный жид, В. К. Кюхельбекер, В. А. Жуковский, предромантизм, романтизм, вечный образ, Каин

Для цитирования: Наумова Е. Е. К истории литературных связей России и Западной Европы: источники и особенности интерпретации образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023 Вып. 12 (880). С. 132–138.

Original article

On the Issue of Literary Connections between Russia and Western Europe: Sources and Interpretation of Legend of the Wandering Jew in Russian Literature in the First Half of the 19th Century

Elena E. Naumova

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russia
e.naumova@my.mgimo.ru

Abstract. The article examines German sources of the image of Ahasverus in the Russian literature of the first half of the 19th century. It studies the peculiarities of its interpretation in the works of Russian writers – in the "Ahasuerus, a Poem in Fragments" and the novel "The Last Colonna" by Wilhelm Küchelbecker, and also in the epic poem by Vasily Zhukovsky "The Wandering Jew". The author traces the connection of these works with the German literary, in particular, with the the works of representatives of the "Sturm und Drang" ("Storm and Stress") movement, and reveals the features of interpretation of the Ahasverus plot in the first half of the 19th century Russian literature.

Keywords: Ahasverus, The Wandering Jew, Wilhelm Küchelbecker, Vasily Zhukovsky, pre-Romanticism, Romanticism, Literary Archetypes, Cain

For citation: Naumova, E. E. (2023). On the issue of literary connections between Russia and Western Europe: sources and interpretation of legend of the Wandering Jew in Russian literature in the first half of the 19th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 132–138.

ВВЕДЕНИЕ

Легенда о неумирающем свидетеле земной жизни Иисуса Христа зафиксирована в европейских источниках начиная с XIII века. Человека, ударившего Христа и наказанного за это вечной жизнью, называли по-разному: Малх, Иосиф Картафил, Иоанн Буттадеос. Исследования легенды появились еще в конце XIX – начале XX века, в том числе и в России [Веселовский, 1880; Веселовский, 1885; Адрианова, 1915], но многое в ее происхождении до сих пор остается неясным.

В художественную литературу данный персонаж вошел под именем Агасфер[1], или Вечный жид[2], а источником стала народная книга «Краткое повествование о некоем иудее из Иерусалима по имени Агасфер...», вышедшая в 1602 году. Этот вариант легенды приобрел широкую популярность и стал основой последующих литературных версий.

К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ ОБРАЗА АГАСФЕРА В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Легенда о Вечном жиде проникла в Россию в 1663 году «в виде перевода одного из позднейших изданий немецкой брошюры 1602 года» [Адрианова, 1915, с.232]. Несмотря на присутствие легенды об Агасфере в русском литературном дискурсе уже с XVII века, отечественные писатели начинают обращаться к ней лишь во второй половине 20 – начале 40-х годов XIX века. В 1826 году появляется стихотворение А. С. Пушкина «В еврейской хижине лампада...». В опубликованном в 1833 году романе А. Ф. Вельтмана «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» встречается образ Чудо-Юда, в котором угадываются черты Агасфера. С 1832 по 1846 год В. К. Кюхельбекер работает над поэмой «Агасвер», а в 1832–1845 годах пишет роман «Последний Колонна». А. К. Жуковский (Е. Бернет) в 1839 году публикует поэму «Вечный жид», а в 1841 году В. А. Жуковский приступает к поэме «Странствующий Жид». В 1844 году вышла книга В. Ф. Одоевского «Русские ночи», где один из персонажей, Джованни Баттиста Пиранези, отождествляет себя с Вечным жидом, сравнивая бесконечные муки творчества с нескончаемыми страданиями Агасфера.

Появлению Агасфера в русской литературе мы обязаны влиянию немецкоязычной литературы, и в частности И. В. Гёте, в 1774 году задумавшем поэму «Агасфер», а в 1814 написавшем об этом замысле в третьей книге «Поэзии и правды». Не случайно устойчивый интерес к образу мы обнаруживаем у В. А. Жуковского, «родоначальника “немецкой” школы русских поэтов» [Жирмунский, 1982, с. 77] и у В. К. Кюхельбекера, «проводника немецких поэтических влияний» [там же, с. 120].

Примечательно, что два поэта с не просто разными, а противоположными судьбами почти одновременно обращаются к одному и тому же сюжету, обнаруживая сходство замыслов. Оба писателя трудятся над поэмами об Агасфере в последние десятилетия жизни, пребывая в тяжелом моральном и физическом состоянии. Оба придают этим произведениям очень важное значение[3]. И тому, и другому смерть помешала закончить поэмы. Однако они всё же позволяют сделать выводы о причинах обращения к сюжету об Агасфере, и причины эти совпадают. Мифологема вечного скитания дает возможность говорить о вере в Бога как о единственной опоре человека. Бесконечная жизнь делает ее обладателя свидетелем бренности всего земного. Успехи в стяжании земных благ теряют свою притягательность при мысли о неизбежности гибели всего материального.

Показательно, что и у Кюхельбекера, и у Жуковского тема Агасфера оказывается связана с образом Наполеона. Человеку первой половины XIX века корсиканец представлялся самым удачливым стяжателем власти и земной славы. В 1834 году Кюхельбекер пишет в дневнике, что толчком к возвращению к работе над начатой два года назад поэмой стало высказывание Н. А. Полевого о пьесе А. Дюма «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет из истории Франции». Далее он указывает, что одним из мест появления Агасфера в поэме будет «поле битвы после Бородинского или Лейпцигского побоища»[4]. В конечном итоге этот эпизод в произведении так и не появился. А вот в «Странствующем Жиде» Жуковского сосланный на далекий остров император – один из центральных персонажей.

ОБРАЗ АГАСФЕРА В ПОЭМЕ В. А. ЖУКОВСКОГО «СТРАНСТВУЮЩИЙ ЖИД»

Над поэмой «Странствующий Жид» В. А. Жуковский начинает работать в 1841 году[5], а с 1842 года интенсивно занимается переводом «Одиссеи». В по-

[1] *Лат.* Ahasverus.

[2] *Англ.* The Wandering Jew; *нем.* Der Ewige Jude (также Wandernder Jude); *фр.* Le Juif errant.

[3] ...это будет моя лучшая, высокая, лебединая песнь (*В. А. Жуковский. Письмо П. А. Плетневу от 1(13) сентября 1851 г.*); «Вечный Жид» мой будет чуть ли не лучшим моим сочинением (*В. К. Кюхельбекер, Дневник* (*1831–1845*)).

[4] В. К. Кюхельбекер. Дневник (1831–1845).

[5] В письме П. А. Плетневу от 1(13) сентября 1851 года Жуковский сообщает, что «принялся за поэму, которой первые стихи ... были написаны тому десять лет».

эме о скитальце Агасфере Жуковский использует композиционный прием гомеровского эпоса о страннике Одиссее: Улисс повествует о своих приключениях царю Алкиною на острове Схерия, Агасфер рассказывает свою историю Наполеону на острове Св. Елены. Низложенный император видит в небе орла (символ власти) и готов шагнуть в небытие, бросившись с обрыва. Его удерживает Агасфер, переживший падение империй и побывавший на острове Патмос у Иоанна Богослова. Символ евангелиста Иоанна – это также орел. Образ Наполеона, выступающего в роли пассивного слушателя, у Жуковского почти не разработан; он имеет символическое значение, воплощая неизбежность утраты земного величия.

Как уже было отмечено, немецкая традиция оказывается определяющей в осмыслении образа Агасфера в русской литературе первой половины XIX века. В поэме «Странствующий Жид» связь с этой традицией очевидна. Н. Е. Никонова отмечает, что «…в круге чтения и личных знакомств (Жуковского – *Е. Н.*) присутствуют несколько тысяч немецкоязычных авторов» [Никонова, 2015, с. 5].

В рассматриваемом произведении Жуковского можно увидеть сюжетные параллели с поэмой предромантика К. Ф. Д. Шубарта «Вечный жид». Содержание поэмы Шубарта составляют поиски смерти Агасфером. У Жуковского он поначалу также активно ищет смерти. Как и у Шубарта, поняв тщетность этих попыток, он произносит проклятия в адрес Бога. Для поэта-штюрмера в первую очередь важна идея бунта человека против рока. Эстетика предромантизма предполагает самоценность активности человека в неподдающемся рациональному познанию мире. Это объясняет парадоксальность развязки поэмы Шубарта [Наумова, 2017]. Его произведение заканчивается неожиданным прощением Агасфера со стороны Всевышнего. В произведении поэта-романтика В. А. Жуковского образ Агасфера вписывается в категорию «романтический характер» – нелинейный, предполагающий возможность кардинальной трансформации. Приняв Крещение от евангелиста Иоанна, вечный скиталец обретает Бога. Его участь при этом не меняется, но существование обретает иное качество. Для него единение с Богом – это растворение в нем[1]. Согласно романтической философии в таких отношениях с Абсолютом находится природа, реальный универсум [Шеллинг, 1966]. Обретя веру, Агасфер утрачивает индивидуальность и сливается с Богом; он со смирением и радостью принимает свою муку, бескорыстно любит людей и призван помогать им *словом*. Мифологема вечного странника не предполагает вариативности. Однако, не меняя судьбу героя, Жуковский показывает изменение отношения героя к своей участи, и в результате наказание перестает быть наказанием.

Любопытно, что попытки других писателей показать трансформацию образа, как правило, приводили к изменению сюжетной основы легенды. Так, в поэме французского писателя Э. Гренье (É. Grenier) «Смерть Вечного жида» раскаявшийся Агасфер получает прощение и обретает смерть, что ломает мифологему вечного скитания. Сейчас уже невозможно выяснить, как Жуковский собирался разрешить выявленное противоречие. Неясным остается и смысл «высокого предназначения», которое Агасферу открывает апостол Иоанн. Интересно, что в произведении другого французского автора, Э. Кинэ (E. Quinet), это предназначение состоит в том, чтобы стать родоначальником нового поколения человечества. Мистерия Э. Кинэ «Агасфер» появилась в 1833 году, и вполне вероятно, что при втором обращении к работе над поэмой В. А. Жуковский уже был знаком с этим произведением.

Говоря об особенностях интерпретации образа вечного странника в поэме Жуковского, следует также обратить внимание на сравнение участи Агасфера с «казнью скитальца Каина» (*В. А. Жуковский. Странствующий Жид*). Это также свидетельствует о типологической общности трактовки образа с европейской романтической традицией, довольно часто отождествляющей Агасфера с Каином [Baugh, 1980].

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ВЕЧНОГО СТРАННИКА В ПОЭМЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «АГАСВЕР»

Работая над поэмой о вечном скитальце, В. К. Кюхельбекер также не избежал влияния гомеровского эпоса[2]: Однако еще более существенной оказывается связь сюжета поэмы «Агасвер» с упомянутым замыслом И. В. Гёте. Агасфер у Кюхельбекера, так же как и у Гёте, наделен умом, он признает в Иисусе мессию и возлагает на него определенные надежды. Свой проступок он совершает, разочаровавшись в Христе, не оправдавшем надежд. Очевидные параллели в трактовке легенды о Вечном жиде В. К. Кюхельбекером и И. В. Гёте вполне объяснимы. Кюхельбекер был

[1] Я с Ним, Он мой, Он всё, в Нём всё, Им всё; Всё от Него, всё одному Ему (*В. А. Жуковский. Странствующий Жид*)

[2] Начал я поэму «Вечный Иудей»; сочиняя вступление, заметил, что чтение Гомера осталось не без действия на мой слог (*В. К. Кюхельбекер, Дневник* (1831–1845)).

лично знаком с веймарским классиком и сыграл немаловажную роль в знакомстве с ним русских читателей [Тынянов, 1969]. Кюхельбекер читал «Поэзию и правду» Гёте, а значит был знаком с его трактовкой образа Агасфера: в результате размышлений о вере и религии, Гёте «пришла на ум занятная мысль эпически обработать историю Вечного Жида…изобразить…наиболее значительные моменты из истории религии и Церкви» (*И. В. Гёте. Поэзия и правда*).

Кюхельбекер как будто воплощает неосуществленный замысел Гёте, показывая переломные события в истории христианства. Свою «поэму в отрывках» он характеризует как «разрозненные звенья бесконечной цепи, которую можно протянуть через всю область истории Римской империи, средних веков и новых до наших дней» (*В. К. Кюхельбекер. Агасвер*). Агасфер у Кюхельбекера, так же как и у Гёте, «помышляющий только о житейском» (*И. В. Гёте. Поэзия и правда*), ожидает от явившегося Мессии действий, борьбы за свободу иудейского народа, надеется на создание рая на земле, а когда Иисус не оправдывает надежд, он отталкивает его от своего порога. Поставивший земное выше небесного, Вечный жид остается неизменным в меняющемся мире. Путешествуя из века в век, он жаждет увидеть падение веры в разочаровавшего его Бога, но постоянно оказывается свидетелем ее торжества. В третьем фрагменте поэмы он наблюдает за казнью приверженцев Христова учения во времена Траяна. Их вера оказывается сильнее страха смерти.

В следующем отрывке действие происходит в XI веке. Агасфер бросает умирающему папе римскому Григорию VII упреки в том, что тот подменил духовную власть, основанную на слове Божьем, властью земной, основанной на силе. Приняв упрек, понтифик всё-таки уходит из жизни с надеждой на спасение. Земными средствами он пытался утверждать торжество Бога, в то время как Агасфер попытался использовать Бога в земных целях. Первый умирает, обретя духовное бессмертие, второй же обречен вечно влачить свое материальное существование.

Пятый эпизод переносит нас в эпоху Реформации. Мартин Лютер предстает перед императором Карлом V на заседании Вормсского рейхстага. Все ожидают, что инициатора Реформации постигнет судьба Яна Гуса. Но услышав боговдохновенное слово «виттенбергского соловья» Карл V не решается предать Лютера смерти.

Дальнейшее действие поэмы разворачивается в период якобинского террора. Агасфер наблюдает расправу над нантскими священнослужителями. К изумлению вечного странника, все они предпочитают смерть отречению от Бога.

Таким образом, в поэме В. К. Кюхельбекера постоянному изменению мира противопоставляется неизменность торжества веры в Бога. Используя кольцевую композицию, автор начинает поэму с размышления о недолговечности всего «житейского», а заканчивает апокалиптической картиной мира. В «Окончательном отрывке» мир превращен в пустыню. На руках Агасфера гибнет последний человек. Когда-то Христу в пустыне явился искуситель. Теперь «нетленный странник» Агасфер, сидя на груде камней, ожидает второго пришествия Христа. Свидетель подошедшей к своему завершению мировой истории, статичный наблюдатель за меняющимся материальным миром становится живым аргументом в пользу утверждения о бессмысленности жизни, не освященной верой в Бога.

В образе Агасфера нет развития характера. Он всегда остается верен самому себе. И хотя в русской литературе того времени уже утвердился романтизм, художественный мир произведения создан по законам просветительской эстетики с ее характерами-функциями. И всё-таки произведение нельзя считать чисто просветительским.

В. К. Кюхельбекер на долгие годы оказался лишенным непосредственного общения с коллегами по цеху, ему оставались только переписка и чтение. И у него появилось свойственное романтизму особое отношение к творимому художниками миру как к части шеллингианского идеального универсума. Взявшись за осуществление замысла Гёте, он призвал собратьев по перу, прежде всего своих соотечественников, к сотворчеству[1].

ОБРАЗ АГАСФЕРА В РОМАНЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПОСЛЕДНИЙ КОЛОННА»

Работая над поэмой «Агасвер», В. К. Кюхельбекер одновременно пишет роман «Последний Колонна», где Вечный жид – второстепенный персонаж. В романе также прослеживается связь с творчеством веймарского классика. Излагая свой замысел, он писал: «Щедрой рукою я придал ему (Вечному жиду.– *Е. Н.*) ум и юмор еще одного башмачника, Ганса Сакса…» (*И. В. Гёте. Поэзия и правда*). Кюхельбекер в своем романе не просто связывает Вечного жида с Гансом Саксом, а

[1] «Это, собственно, не поэма, а план… для поэмы всемирной; автор представленных здесь отрывков счел бы себя счастливым, если бы мог быть просто редактором, по крайней мере между своими соотечественниками, хоть малой части столь огромного создания», – пишет Кюхельбекер в предисловии к поэме (В. К. Кюхельбекер. Агасвер).

отождествляет их. Кроме того, один из персонажей романа, священник Фра Паоло, излагает легенду об Агасфере в трактовке Гёте. В основе сюжета романа – любовный треугольник. Русский дворянин Юрий Пронский привозит в Россию итальянского художника Джиованни Колонну, тот влюбляется в невесту Пронского Надежду Горич. Не в силах совладать с чувством ревности, в день свадьбы Юрия и Надежды он устраивает пожар, в котором молодожены погибают. Пронский – благородный молодой человек, который из-за нежелания верить очевидному гибнет сам и губит свою невесту, противопоставлен Колонне. С любовным сюжетом переплетена тема искусства, взаимоотношений художника и почитателя его таланта. Всё это заставляет рассматривать произведение Кюхельбекера в русле романтической эстетики.

«Последний Колонна» – роман в письмах, имеющий полифоническое звучание. Кюхельбекер постоянно вынуждает читателя менять оптику, мы смотрим на происходящее глазами семи разных персонажей. Любовная история помещена в широкий культурный и литературный контекст, в котором важное место занимает искусство предромантизма. Так, Пронский читает роман Шиллера «Духовидец». В творчестве Колонны он видит продолжение традиций Сальватора Розы (1615–1673) – предтечи романтизма в живописи. Колонна пересказывает начальные строки баллады В. А. Жуковского «Светлана» и цитирует его же балладу «Кассандра». И даже провинциальная помещица Перепелицына в своем письме вспоминает Анну Радклиф, намекая на ее готический роман «Итальянец». Интересно, что в дневниках Кюхельбекера упомянуты еще два варианта названия романа «Последний Колонна» – «Италианец» и «Предчувствие». В первом случае очевидна отсылка к произведению Радклиф, второй вариант дает исходную точку для понимания проблематики романа. Дело в том, что почти все его действующие лица или предчувствуют трагедию, или получают предсказание о ней. В первом случае мы имеем дело с человеческой интуицией, во втором – с присутствием мистического в жизни. Джиованни Колонна вызывает недобрые предчувствия у слуг Пронского, Надежда Горич с первой встречи испытывает неприязнь к итальянцу. Да и самого Юрия в какой-то момент посещают дурные предчувствия.

Предчувствия в романе «Последний Колонна» совпадают с предсказаниями, причем предсказания – это, с одной стороны, продукт суеверий (сон Юрия в самом начале романа, святочные гадания), с другой – результат оккультных практик. И если в первом случае речь идет о русских персонажах, то мистическая философия приписывается германскому гению. Так тема трансцендентного знания пересекается у Кюхельбекера с темой религии и национального характера. Главным предсказателем оказывается как раз Вечный жид, живущий в Дрездене. В жилище Агасфера гости видят изображения трех разных людей – Ганса Сакса (1494–1576), саксонца Якоба Бёме (1575–1624) и Джона (Джорджа) Фокса (1624–1691). У всех на портретах одно лицо, и это – лицо Агасфера, для воплощений которого Кюхельбекер выбрал трех сапожников, проповедников протестантизма, причем два последних могут быть охарактеризованы как философы-мистики[1].

Предсказание, данное Агасфером Джиованни Колонне, выражено одним словом – *Каин*. Услышав его, Джиованни начинает свыкаться с мыслью, что ему суждено совершить братоубийственный грех. Изображая преступление Каина в своих рисунках, он придает библейскому первоубийце собственные черты, а Авелю – черты Пронского. Более того, на рисунках всегда почему-то присутствует еще и Агасфер.

Ни предчувствия, ни предсказания не побуждают героев совершить попытку сопротивления року. И если Джиованни Колонна не может справиться с чувством ревности, то Юрий оказывается жертвой простодушия и любви к искусству. В этом отношении показательны слова, сказанные ему Вечным жидом: «Ты мечтатель, легкомыслен, тщеславен; нет в тебе больших пороков, да подчас слабости не лучше пороков» (*В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна*).

Сближение образа Колонны с Каином, а Пронского с Авелем основано не только на противопоставлении злодея-убийцы и невинной жертвы: в обоих случаях мотивом убийства становится зависть. Связующим звеном между двумя парами оказывается Агасфер. И поскольку нередко Каин отождествляется с Агасфером, логично рассматривать Каина, Вечного жида и Колонну как типологически сходных персонажей. Все трое совершили свое преступление в отношении смиренных, добрых и близких людей. Правда, Агасфер выпадает из этого ряда, если причиной злодейства считать исключительно зависть. Но есть еще одна причина – недостаток веры. Каин обижается на Бога, который, как ему кажется, недооценил его жертвы. Агасфер сердится на Иисуса Христа, обманувшего его надежды. Джиованни Колонна, обладая даром Божьим, помышляет о житейской славе. Таким образом, мы приходим к той же идее, которая лежит

[1] Даты их жизни удивительным образом подходят для того, чтобы они могли служить воплощениями одного и того же человека.

в основе поэмы В. К. Кюхельбекера – утверждение веры в качестве единственной опоры земного существования человека и силы, способной отвратить его от зла.

Но если Каин – Агасфер – Колонна образуют триаду, и при этом Каину противопоставлен Авель, Колонне – Пронский, то очевидную противоположность Агасферу представляет Христос. Увидеть ипостась Христа в Авеле – праведнике, принявшем насильственную смерть, несложно. Сложнее увидеть параллель Христу в Пронском, и всё же она прослеживается. И здесь снова уместно вспомнить И. В. Гёте. У Гёте Агасфер обвиняет Иисуса в легкомыслии, неразумии, говоря, что тот сам виноват в своей смерти. Пронский тоже легкомыслен, а точнее – простодушен, и тоже в известной мере сам виноват в своей смерти. Христос приносит себя в жертву во имя вечной жизни; Пронский, не веря в «злодейство» гения, фактически приносит свою жизнь в жертву вечному искусству. Такое парадоксальное сравнение вполне в духе романтизма и, вероятно, выглядело бы красивым построением в духе философии Шеллинга, если бы не одно обстоятельство: жертвой легкомыслия Пронского оказывается еще и Надежда Горич.

И здесь необходимо вернуться к теме национального характера, которой в литературе романтизма, в том числе русского, уделено большое внимание [Федотова, 2011]. Итальянец Джиованни, «пламенный, необузданный» (*В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна*), игнорирует предсказание еще и потому, что, будучи католиком, не верит в предопределение. Рассуждая о русских, Колонна замечает, что «испуганное воображение поневоле увлекает их…в хаос, уму не доступный, отечество страшилищ и призраков…» (*В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна*). Культурные различия могут приводить к трагическому непониманию: страсти Джиованни и впечатлительность Юрия Пронского вовлекают их в пространство хаоса, где чреда событий перестает быть подконтрольной разуму и приводит к случайным жертвам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России, где перевод немецкой народной книги появился одновременно с английским и французским, собственной национальной фольклорной традиции в связи с этим переводом не возникло, легенда о Вечном жиде воспринималась как чужеродное сказание, о чем свидетельствует запись в дневнике И. В. Киреевского [Киреевский, 1979]. Этим нарративом воспользовался А. Ф. Вельтман в романе «Кощей Бессмертный» (1833), где ассоциирующийся с Агасфером образ Чудо-Юда обыгрывается как некий инонациональный аналог персонажей русского фольклора.

Таким образом, русская традиция осмысления образа Агасфера, в отличие от других европейских литератур, восходит к немецкой не фольклорной традиции, а литературной, прежде всего связанной с именем И. В. Гете, хотя перевод немецкой народной книги и знакомство с этим образом в России, разумеется, не были случайны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веселовский А. Н. Легенды о Вечном Жиде и об императоре Траяне // Журнал министерства народного просвещения. 1880. Вып. 7–8. С. 85–97.
2. Веселовский А. Н. К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Вып. 5. С. 166–183.
3. Адрианова В. П. К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. 1915. Т. 20, кн. 3. С. 217–232.
4. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982.
5. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. М.: Альянс-Археo, 2015.
6. Наумова Е. Е. Легенда об Агасфере и особенности интерпретации образа в немецкоязычной литературе XVIII–XIX веков // Филологические науки в МГИМО. 2017. Вып. 4 (12). С. 109–119.
7. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
8. Baugh, A. (Ed.). A Literary History of England: in 4 vols. (Vol. 4. The Nineteenth Century and after). Vol. 4 London: Taylor & Francis Ltd, 1959. 2nd ed.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.
10. Федотова Л. В. Утверждение национальной самобытности культуры в русском романтизме // Знание. Понимание. Умение. 2011. Вып. 2. С.151–156.
11. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.

REFERENCES

1. Veselovskij, A. N. (1880). Legendy o Vechnom Zhide i ob imperatore Trajane = Legends of the Wandering Jew and the Emperor Trajan. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija, 7–8, 85–97. (In Russ.)
2. Veselovskij, A. N. (1885). K voprosu ob obrazovanii mestnykh legend v Palestine = On the formation of local legends in Palestine. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija, 5, 166–183. (In Russ.)
3. Adrianova V. P. (1915). K istorii legendy o stranstvujushhem zhide v starinnoj russkoj literature. = To the history of the legend of the Wandering Jew in ancient Russian literature. Izvestija otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti imperatorskojakademii nauk, 3 (XX), 217–232. (In Russ.)
4. Zhirmunskij, V. M. (1982). Gete v russkoj literature = Goethe in Russian literature. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
5. Nikonova, N. E. (2015). Zhukovskiy i nemetskiy mir = Zhukovsky and the German World. Moscow: Alliance-Archeo. (In Russ.)
6. Naumova, E. E. (2017). Legend of the Wandering Jew and its interpretation in the German-language literature of the XVIII–XIX centuries // Linguistics & Polyglot Studies, 4(12), 109–119. (In Russ.)
7. Schelling, F. W. (1966). Filosofiya iskusstva = Philosophy of Art. Moscow: Mysl. (In Russ.)
8. Baugh, A. (Ed.). (1959). A Literary History of England: in 4 vols. (Vol. 4. The Nineteenth Century and after). London: Taylor & Francis Ltd. 2nd ed.
9. Tynyanov, Y. N. (1969). Pushkin i yego sovremenniki = Pushkin and his contemporaries. Moscow: Nauka (In Russ.)
10. Fedotova, L. V. (2011).The Set of National Culture Uniqueness in Russian Romanticism // Knowledge. Understanding. Skill, 2, 151–156. (In Russ.)
11. Kireevskij, I. V. (1979). Kritika i estetika = Criticism and aesthetics. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумова Елена Евгеньевна
преподаватель кафедры международной журналистики
факультета международной журналистики
Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Naumova Elena Evgenievna
Lecturer, Department of International Journalism, School of International Journalism
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Статья поступила в редакцию	14.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 821(450).09»20»

«Время убивать» как последний колониальный роман итальянской литературы

Ю. И. Николаева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
julianika80@gmail.com

Аннотация. Роман Э. Флайано «Время убивать» (1947) следует паттернам колониального повествования, характерным для художественной литературы фашистской Италии. При этом своим сюжетным строением он невольно выявляет очевидные противоречия между искусственно созданным положительным образом завоевателя и неприглядной реальностью колониальной авантюры. Такой разрыв стал прецедентным для постколониальной прозы и критики, развивавшейся в Италии с 1980-х годов. Роман Э. Флайано повлиял на постколониальную традицию благодаря усиленной авторской рефлексии, став одной из моделей для работы с трудным историческим прошлым.

Ключевые слова: итальянская литература, колониализм, постколониализм, образ Африки, Эфиопия, колониальная империя, колониальный роман

Для цитирования: Николаева Ю. И. «Время убивать» как последний колониальный роман итальянской литературы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 139–144.

Original article

“A Time to Kill” as the Last Colonial Novel of Italian Literature

Iuliia I. Nikolaeva

The Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
julianika80@gmail.com

Abstract. E. Flaiano’s novel “A Time to Kill” (1947) follows the patterns of colonial narrative characteristic of the fiction of Fascist Italy. At the same time, its plot structure unwittingly reveals obvious contradictions between the artificially created positive image of the conqueror and the unsightly reality of the colonial adventure. This gap has become a precedent for the postcolonial prose and criticism that has been developing in Italy since the 1960s. E. Flaiano’s novel has influenced the postcolonial tradition through an intensified authorial reflection, which has become one of the models for dealing with a difficult historical past.

Keywords: Italian literature, colonialism, postcolonialism, image of Africa, Ethiopia, colonial empire, colonial novel

For citation: Nikolaeva, I. I. (2023). “A Time to kill” as the last colonial novel of Italian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 139–144.

ВВЕДЕНИЕ

Авторитарные и тоталитарные проекты XX века претендовали на равномерную идеологизацию всех сфер жизни общества. Идеология диктатуры Бенито Муссолини требовала однозначного оправдания и даже рекламы колониализма как выражения неоспоримой мощи государства, поэтому литература двадцатилетнего правления Муссолини прямо или косвенно романтизировала колониальную политику Италии. Муссолини намеренно реорганизовывал Италию, превращая ее из периферийного национального государства Европы в подобие колониальной империи.

Итальянская колонизация территорий Африканского Рога шла постепенно, начавшись с мирного освоения бухты Ассаб в конце XIX века. Затем Италия обрела контроль над Ливией по результатам Итало-турецкой войны. 1 июня 1936 года Эфиопия, Эритрея и Итальянское Сомали были объединены в составе Итальянской Восточной Африки. Экспансия в Африку была частью амбиционного плана создания империи по образцу Римской.

Однако имперские амбиции противоречили как экономической слабости страны, так и нехватке человеческих ресурсов для интеграции новых территорий. Поэтому итальянская литература и искусство должны были взять на себя миссию вербовки новых кадров для покорения будущих колоний и управления уже существующими.

В своем очерке *Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie* С. Камилотти отмечает, что литература так или иначе участвует в создании обобщенного образа эпохи, усиливая или разрушая его. Независимо от того, разделял ли писатель до конца фашистскую идеологию, его образы современности могли быть идеологизированы [Camilotti, 2014].

Даже нейтральная художественная литература того времени поневоле воспринималась читателями в ключе тех образов, которые создавала мощная пропаганда. Основу этой пропаганды, для распространения которой использовались как старые (книги, газеты), так и новые (радио, кинематограф) медиа, составляли простые мифы, соединявшие архаизацию сознания и плоский прогрессизм. Так, культ Римской империи и рассуждения о якобы особенной итальянской расе, состоящей из героев, готовых погибнуть за вождя, соединялся с призывами к обновлению промышленности, поощрением молодежных инициатив и милитаризмом. Литература тем самым оказывалась в водовороте усиленной пропаганды средствами идеологических образов. Далее следует краткое описание того, как выглядел колониальный дискурс в литературе фашистского периода и как эта тема эволюционировала в творчестве Э. Флайано.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИТАЛЬЯНСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

Согласно мнению ряда критиков[1], художественные произведения о колониальных завоеваниях, полностью укладывавшиеся в новую идеологическую программу, не имели большой литературной ценности. Авторами выступали непрофессиональные литераторы, чаще всего военные, сменившие мирных исследователей и миссионеров первых лет колонизации и защищавшие милитаризм в клишированных текстах, в основу которых был положен героический дискурс восхваления героя-колонизатора, несущего цивилизацию диким народам. В таких текстах «героические» эпизоды чередовались с описаниями любовных авантюр: обязательным элементом приключений героя была эротическая связь с местной женщиной, овладение которой символизировало завоевание Африки.

В своем эссе *Il romanzo coloniale tra imperialismo e rimorso 2001* Мария Пальяра реконструирует базовую структуру колониального романа [Pagliara, 2001]. Повествование обычно делится на четыре этапа: отправление, контакт, препятствие и вынужденное возвращение. Здесь схема сказки (по В. Я. Проппу[2]) оказывается подчинена высшей государственной необходимости, и тем самым государство во главе с вождем оказывается властителем не только реальности, но и литературного вымысла. Отбытие главного героя из Италии в «дальние края» является отправной точкой фабулы. Также, отмечает Пальяра, начиная с 1930-х годов, фигура «гражданского» колонизатора заменяется военным. Итальянцы покидают Родину с двойной миссией: цивилизационной, т. е. с целью приобщить местное население к собственной культуре, и политико-экономической, направленной на обогащение Италии и своего народа. Кроме того, наличие колоний уравняло бы Италию с другими европейскими колониальными державами.

Второй этап повествования – встреча двух народов, «белого» и «другого». Этот контакт описывается с помощью кричащих контрастов, которые приняты в массовой литературе. Это и встреча двух культур, двух способов восприятия реальности. «С одной стороны порядок, мера, энергия,

[1] Де Донато, Гаццола Стаккини (1991); Дель Бока (1994); Изненги (1996); Томазелло (2004); Вентурини (2010).

[2] Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Собрание трудов Т. 2. 1998.

активность, преданность, – цивилизация, иными словами; с другой стороны, хаос, лень, пассивность, коварство»[1] [Pagliara, 2001, с. 14]. Встреча происходит либо в самом начале повествования, либо в самом конце, выполняя роль эпилога. Если главный герой – африканец, встреча с «белым» обычно происходит в конце повествования, как положительный исход всех злоключений. Такое повествование ведется с точки зрения колонизируемого с целью утвердить превосходство «белого». Встречу белого мужчины с местной женщиной можно считать инвариантом в романах, опубликованных до принятия расовых законов 1938 года.

В таких случаях герой держит женщину при себе, при этом любовь и брак невозможны. Пальяра добавляет, что в некоторых текстах «несовместимость двух героев преодолевается, если женщина принадлежит к высшему классу и, следовательно, имеет больше возможностей принять идею прогресса, олицетворяемого белым мужчиной» [там же, с. 16].

Тем самым все варианты развития событий, характерных для массовой литературы, становятся на службу фашистской идеологии.

Третьим важным этапом повествования оказывается отъезд героя или появление другой женщины, обычно белой, принадлежащей к европейской культуре.

Последним, четвертым, этапом обычно является возвращение героя в Европу – зачастую против собственной воли, по приказу высшего руководства. «Герой испытывает ностальгию по Африке и уже в собственной стране чувствует себя иностранцем, мечтающим вернуться в нетронутые цивилизацией края» [там же, с. 18].

Говоря об изображении африканской женщины в итальянской художественной литературе фашистского периода, Джульетта Стефани рассуждает: «Женственность и эротичность покоренных земель были необходимы для укрепления мужской власти, основанной на силе. Также символизм отношений между полами, т. е. доминирование мужчин над женщинами, или колониальной силы (мужчин) над колониями (женщинами), представлялся естественным порядком вещей» [Stefani, 2007, с. 98].

В итальянском колониальном дискурсе экзотизация и эротизация африканских территорий (а, следовательно, и женщин) проходили неравномерно. Во время первых контактов – в 80-е годы XIX века – «африканский континент изображался как место доступных чувственных удовольствий» [там же], где женщины одержимы плотскими инстинктами и часто сравниваются с животными (сравнение, которое используется и для мужчин-туземцев).

С. Камилотти пишет, что изображения Африки и ее обитателей в колониальной литературе сочетают в себе две сильные эмоции: отвращение и очарование. Африка предстает как завоеванная земля, которая соблазняет красотой, но и дезориентирует вплоть до погибели. Это территория мифа, земля «чужих», неподвижная и не знакомая с цивилизацией и прогрессом. Ее климат суров, а народы доведены до животного состояния. Африка – одновременно и недруг, и верная раба [Camilotti, 2014].

Это фантастическая территория с несметными богатствами (часто преувеличенными), «дикой» природой, неудержимой эротичностью женщин, возможностями для самореализации. С другой стороны, она описывается как «варварское» место, «погруженное во тьму». Африканский континент воспринимается Западом как убежище от условностей, а также как место, куда можно экспортировать «цивилизацию», расширяя таким образом собственные культурно-политические границы.

В своем обзоре колониальной литературы эпохи фашизма Д. Томазелло делает важное дополнение: стереотипы изображения Африки, привитые фашистским режимом, еще долгое время жили в общественном сознании, несмотря на потерю колоний и поражение в войне. Колониальное прошлое страны не было переосмыслено итальянскими историографами послевоенного периода в достаточной мере. В результате мифы о позитивном влиянии колонизации просуществовали в массовой культуре еще несколько десятилетий. Так в 1970-е годы распространилась идея о колонизации как о «гуманитарной» акции, направленной на помощь и содействие [Tomasello, 2004].

Радикальное изменение политических условий по результатам Второй мировой войны и падение фашизма не могли не повлиять на изменение видения Африки. Территория колоний начала ассоциироваться с негативным опытом неудавшейся политической стратегии и поражения в войне. Африка больше не изображалась как место, где героя ждут захватывающие приключения, или как поле военных подвигов, но стала символом поражения, разочарования и раскаяния завоевателей.

Одним из таких литературных произведений, изображавших Африку в новом ключе, и стал роман Э. Флайано «Время убивать».

АНТИКОЛОНИАЛЬНОСТЬ РОМАНА Э. ФЛАЙАНО «ВРЕМЯ УБИВАТЬ»

Роман Э. Флайано «Время убивать» (1947) написан спустя шесть лет после крушения итальянской империи в Эфиопии. Повествование ведется от первого лица, и личные переживания героя

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Ю. Н.*

перемежаются с описаниями внешнего контекста: Эфиопии, ее жителей, пейзажа в разгар итало-эфиопской войны.

Любопытен выбор названия романа. Известно, что рукопись, которую автор передал издателю в марте 1947 года, имела заглавие *Il coccodrillo* («Крокодил»). Существовали еще два варианта: *Il Dente* («Зуб») и *La scorciatoia* («Кратчайший путь»). Все три заголовка были отвергнуты издательством, позволяя тем не менее проследить некоторые темы и символы романа.

Само словосочетание *время убивать* отсылает читателя к Соломоновым антиномиям книги Екклесиаста (3:3) и остается без продолжения, лишний раз напоминая о жестокости и трагизме войны, где убийство и смерть неизбежны. Нельзя недооценить смелость автора, уже в 1947 году отважившегося писать о войне в Эфиопии, которая, начавшись как грандиозная имперская кампания, закончилась страшным позором для Италии и была предана забвению на долгие годы. «Время врачевать» в отношении к этому эпизоду итальянской истории наступило совсем недавно.

Та форма изложения, которую выбрал Э. Флайано для описания путешествия итальянского офицера, далека от буквального изложения фактов. Повествование от первого лица позволяет проникнуть в самые глубины личности главного героя и разделить его чувства и переживания. Такое видение максимально субъективно и эгоцентрично.

Роман стал продолжением дневников автора под заголовком *Aethiopia. Appunti per una canzonetta* («Эфиопия. Заметки для песенки»), которые публикуются вместе с текстом романа. Выбор места повествования реалистичен и автобиографичен. Э. Флайано лично участвовал в эфиопской кампании в 1935–1936 годах, однако само путешествие безымянного героя наполнено символами и аллегориями.

Автор оставляет своего героя без имени, и единственным обращением к нему служит его должность – *tenente*. С помощью такого нехитрого приема автор делает историю своего героя универсальной.

Повествование начинается с болезни: у лейтенанта сильно болит зуб, и он получает разрешение отправиться к зубному врачу. Образ болезни как движущей силы повествования также весьма символичен. Не славу, а боль и неудобства обретает герой-завоеватель. Простая задача найти зубного врача оборачивается трагедией – непредумышленным убийством местной девушки Мариам – и привносит новую линию в повествование. Офицер начинает подозревать, что девушка заразила его проказой, и все его дальнейшие скитания будут обусловлены страхом перед неизлечимой болезнью.

Интересную интерпретацию болезни дает Кристина ди Пьетро: проказа, которая в разных культурах считалась символом божественной кары, является причиной и следствием экзистенциального одиночества. Автор статьи приравнивает болезнь к наказанию за участие в завоевательной войне [Di Pietro, 2015].

В романе также фигурирует образ кратчайшего пути, который занимает особое место в его топонимике. Сворачивая на тропинку, главный герой теряется в незнакомых местах и оказывается виновником убийства. Строительство более короткой дороги становится основным занятием подразделения, в котором служит лейтенант, несмотря на всю бессмысленность этого предприятия. Неподалеку от тропы повешены несколько местных жителей – соседей и родственников Мариам и ее отца, Йоханнеса.

Итальянская колонизация Африки представлялась колонизаторам – коротким и легким путем к могуществу и процветанию, но результат оказался иным. Так и в тексте: кривая дорожка с разлагающимися трупами мулов по обеим сторонам ведет к преступлению, отчаянию, болезням и смерти.

Образ африканской женщины довольно активно эксплуатировался в колониальной литературе Италии. Ссылаясь на С. Камилотти, можно видеть, что женщина-туземка воспринимается прежде всего как объект подчинения, презрения или удовольствия, подчас приводящего к гибели [Camilotti, 2014]. При этом она всегда остается молчаливой частью пейзажа. Здесь Э. Флайано следует традиции.

В интерпретации Кристины ди Пьетро встреча с Мариам становится центральным событием для понимания отношения лейтенанта к девушке и Африке в целом [Di Pietro, 2015]. Имя Мариам выбрано не случайно. В некотором смысле это тоже обобщение:

> non poteva chiamarsi che Mariam (tutte si chiamano Mariam quaggiù) (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Ее не могли звать иначе как Мариам (здесь их всех зовут Мариам).

Сцена встречи лейтенанта с девушкой – аллегория отношений между колонизатором и подчиненным. Герой считает себя вправе овладеть ею, и этот поступок не является для него преступлением. Встреча заканчивается трагедией, и мысли о Мариам и постоянный диалог с ней сопровождают главного героя на протяжении всего романа. В этой встрече Флайано «переворачивает»

традиционный образ покорителя. Болезнь и чувство вины – вот всё, с чем остается лейтенант.

Одинокий герой Э. Флайано так глубоко погружен в свою боль, что всё вокруг – включая природу и людей – выглядит серо и тускло. Местные жители, с которыми он общается, немногословны или безмолвны, детали быта описаны скупо. Подчеркивается примитивность и бедность этих мест. Почти все африканцы, с которыми встречается главный герой, молчат. Это и Мариам, от которой мы слышим лишь несколько слов, когда лейтенант пытается общаться с ней с помощью рисунка. Это и девушки с граммофоном в сцене с майором.

Чудесное исцеление офицера, которое не было бы возможно без помощи Йоханнеса, отца убитой Мариам, не способствует сближению черного лекаря и белого пациента. Йоханнес безмолвен. Сослуживец лейтенанта говорит о нем лишь то, что эти люди не имеют привязанностей:

> Non è gente che si affeziona
> (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*).

В одной из сцен лейтенант обменивается с майором своим мнением об Африке:

> Africa è lo sgabuzzino delle porcherie, eh?
> (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*).

Определение Африки как «вместилища мерзостей» одновременно презрительно и иронично. В этой фразе слышна надменность «высшей» расы и противоречие с романтическим образом колоний, который старательно конструировал фашистский режим.

Природа, описанная блуждающим лейтенантом, также выступает мертвым фоном. Пейзажи лишены цвета, часто упоминается пыль, разлагающиеся трупы мулов и шныряющие в зарослях геенны. Всё это похоже на декорацию: бесцветные полотна из папье-маше.

> Le piante di quella boscaglia erano di cartapesta, veri fondi di magazzino dell'Universo (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Растения в этом лесу были из папье-маше, будто самое дно хранилища Вселенной.

Известно, что по возвращении в часть главный герой ждет возмездия, но никому нет дела до его преступлений, и пафос раскаяния исчезает:

> Mi sembra inutile parlare di delitti visto che nessuno mi cerca (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Мне кажется бесполезным говорить о преступлениях, раз меня никто не ищет.

Как цинично замечает его сослуживец:

> Il prossimo è troppo occupato coi propri delitti per accorgersi dei nostril (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Ближний слишком занят собственными преступлениями, чтобы обращать внимания на наши.

Даже образ горна, который лейтенант воспринимает как символ Страшного суда, кажется ему комичным:

> È una tromba abbastanza comica per il mio Giudizio… ma a ciascuno la sua tromba (*E. Flaiano Il tempo di uccidere*). – Это весьма смешной горн для моего Суда… но каждому свой горн.

Каждому свой горн – заключает он, как бы перефразируя известное изречение *suum cuique* о том, что каждый получит по заслугам.

Поиск исцеления от придуманной болезни, страх за собственную жизнь, отсутствие покаяния и возмездия за убийство, хоть и непредумышленное, создают мрачный образ искалеченного, сломленного героя.

Пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем звук горна перестанет быть комичным, а Мариам, Йоханнес и другие молчаливые герои обретут собственный голос [Spivak, 1988] и расскажут собственные истории.

Как пишет Джулиана Бенвенути в статье *Da Flaiano a Ghermandi: riscritture postcoloniali*, роман Э. Флайано представляет собой особенный текст не только потому, что уже в 1947 году он подвергает критике основы колониализма и описывает разочарование от несбывшихся надежд главного героя, но прежде всего потому, что центральное место в нем занимает чувство вины. Итальянский офицер, совершивший убийство, впадает в забытье. Психоз становится символом колониальной кампании [Benvenuti, 2012]. В романе нет прямого осуждения колониализма, но Флайано заставляет читателя осознать абсурдность и безумие колонизации как таковой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман Э. Флайано оказался переломным этапом от колониальной к постколониальной литературе и важной вехой в истории итальянской словесности. Косвенным подтверждением этому является присуждение ему престижной литературной премии «Стрега» в 1947 году.

Начиная с 1980-х годов, колониальная история, ее герои и трагедии становятся объектами исторических и литературоведческих исследований

и постепенно находят свое место в итальянском литературном каноне. К примеру, роман писательницы итало-эфиопского происхождения Г. Германди «Царица цветов и жемчужин», вышедший в 2007 году, выступает как контрнарратив к роману Флайано. Именно так он определяется в ряде критических работ. Следует уточнить, что контрнарратив, или контрповествование, понимается, помимо прочего, как возможность дать слово исключенным меньшинствам, которые не имеют голоса, т. е. сюжетам и героям, не имеющим самостоятельной идентичности.

Г. Германди по крупицам собирает «цветы и жемчужины» историй своих соотечественников, испытавших на себе ужасы войны с Италией и ее последствия. При этом Эфиопия Г. Германди – это еще и неописуемо богатый мир красок, ароматов, вкусов. Это поэзия, песни, молитвы и сказки. Мир, отвергнутый европоцентризмом, который обретает свой голос благодаря смелости автора и ее бережному отношению к прошлому.

Таким образом, несмотря на очевидную близость к колониальной традиции (повествование от лица солдата-завоевателя, экзотизация и романтизация африканской реальности, наличие эротических сцен), роман Э. Флайано значительно отдаляется от стандартов колониальной литературы эпохи фашизма, осуждая и критикуя идею колонизации. Столь смелый взгляд автора во многом способствовал началу осмысления колониального прошлого, которое продолжается до сих пор в рамках постколониальных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Camilotti S. Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie. Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing, 2014. C. 17–19.
2. Pagliara M. Il romanzo coloniale. Tra imperialismo e rimorso. Bari: Laterza, 2001.
3. Stefani G. Colonia per maschi: Italiani in Africa Orientale. Verona: Ombre Corte Editore, 2007.
4. Tomasello G. L'Africa tra mito e realtà. Storia della letteratura coloniale italiana. Palermo: Sellerio editore, 2004.
5. Di Pietro C. Tempo di uccidere – 1947 Un grande romanzo della tradizione letteraria coloniale e postcoloniale italiana. Creative Commons Attribuzione – Non commerciale – 22/05/2015.
6. Spivak G. Ch. Can the Subaltern Speak? Marxism and the Interpretation of Culture ed. by C. Nelson. Basingstoke: Macmillan, 1988. P. 271–313.
7. Benvenuti G. Da Flaiano a Ghermandi. Riscritture postcoloniali, «NARRATIVA», 2012, 33/34. P. 311–321.

REFERENCES

1. Camilotti S. (2014). Le colonie italiane nelle rappresentazioni letterarie (pp. 17-19). Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing.
2. Pagliara M. (2001). Il romanzo coloniale. Tra imperialismo e rimorso. Bari: Laterza.
3. Stefani G. (2007). Colonia per maschi: Italiani in Africa Orientale. Verona: Ombre Corte Editore.
4. Tomasello G. (2004). L'Africa tra mito e realtà. Storia della letteratura coloniale italiana. Palermo: Sellerio editore.
5. Di Pietro C. (2015). Tempo di uccidere – 1947 Un grande romanzo della tradizione letteraria coloniale e postcoloniale italiana. Creative Commons Attribuzione – Non commerciale.
6. Spivak G. Ch. (1988). Can the Subaltern Speak? Marxism and the Interpretation of Culture ed. by C. Nelson (pp. 271–313). Basingstoke: Macmillan.
7. Benvenuti G. (2012). Da Flaiano a Ghermandi. Riscritture postcoloniali, (pp. 311–321) «NARRATIVA», 33/34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Юлия Игоревна

аспирант
преподаватель Российско-итальянского учебно-научного центра при историко-филологическом факультете Института филологии и истории Российского государственный гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolaeva Iuliia Igorevna

Postgraduate student
faculty member at the Russian-Italian Research Center at the Faculty of History and Philology, Institute of Philology and History Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию	21.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 008+82-1/-9

Трилогия Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат

Е. А. Осьминина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
eleosminina@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается определение жанра трилогии Д. С. Мережковского, состоящей из трех частей: «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (1925), «Тайна Запада: Атлантида – Европа»(1930), «Иисус Неизвестный» (1932–1934). Выделены особенности типа произведения, темы, композиции, стиля, формы подачи материала.Трилогия представляет из себя развернутое доказательство базовых религиозно-философских идей писателя на историко-культурном материале. В основу композиции положено рассуждение с аргументацией по аналогии и опорой на авторитет. В языке выделены особенности, характерные для научного стиля: сложные конструкции, уточнения, обобщения, определения и объяснения. Сделан вывод о том, что жанр трилогии может быть обозначен как религиозно-философский трактат.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, Иисус Неизвестный, трактат, Египет, Вавилон, Атлантида, Европа, Израиль.

Для цитирования: Осьминина Е. А. Трилогия Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат// Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарныенауки. 2023. Вып.12 (880). С. 145–150.

Originalarticle

D. S. Merezhkovsky' Trilogy "The Unknown Jesus" as a Religious and Philosophical Treatise

Elena A. Osminina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
eleosminina@mail.ru

Abstract. This article suggests a definition of the genre of D. S. Merezhkovsky's trilogy consisted of three parts: "The Mystery of Three: Egypt and Babylon" (1925), "The Mystery of the West: Atlantis– Europe" (1930), "Jesus Unknown" (1932–1934). There identify the peculiar properties of the type of work, theme, composition, style, form of presentation of the material . The trilogy is a detailed evidence of the basic religious and philosophical ideas of the writer on the historical and cultural material. The composition based on reasoning with the argument by analogy and reliance on authority. The peculiar properties typical for the scientific style are highlighted in the language: complex constructions, abundance of clarifications, generalizations, definitions and explanations. Itis concluded that the trilogy can be called the religious-philosophical treatise.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Jesus Unknown, treatise, Egypt, Babylon, Atlantis, Europe, Israel.

For citation: Osminina, E. A. (2023). D. S. Merezhkovsky' trilogy "The Unknown Jesus" as a religious and philosophical treatise.Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 145–150.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о жанре трилогии Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» остается открытым. О. А. Коростелёв и Е. А. Андрущенко, касаясь его в послесловиях к первым двум книгам трилогии «Тайна Трех: Египет и Вавилон» и «Тайна Запада: Атлантида – Европа», приводят определения жанра, данные при жизни писателя, в том числе и самого Мережковского: «Эта книга – путевой дневник» (Д. С. Мережковский), а также критики: «интуитивное постижение скрытого смысла» (Б. В. Вышеславцев), «исследование-догадка» (И. П. Демидов), «статья» (А. В. Бахрах), церковных кругов: «новый апокриф» [Мережковский, 2017]. Писатель А. Амфитеатров обозначил вторую часть трилогии как «труд философский и богословский, но точно также и публицистический вопль» [Амфитеатров, 1930, с. 3].

Нет однозначного определения и у современных литературоведов. Н. А. Никулина назвала последнюю часть трилогии романом-эссе [Никулина, 2002]. А. В. Лавров обозначил первую ее часть как опыт «в жанре философско-исторического и религиозно-мистического эссе» [Лавров, 2013, с. 353]. В. В. Полонский отнес трилогию к «метаисторической публицистико-философской прозе» [Полонский, 2008, с. 110], возвел генезис жанра к «афористике Ницше» и «розановскому “разорванному” письму образца “Уединенного” и “Опавших листьев”» [там же, с. 136–137]. Теоретики литературы называют произведения В. В. Розанова «эссеистикой» [Хализев, 2000, с. 317]. Вместе с тем Полонский сравнил Мережковского с Амфитеатровым, а жанр произведения последнего обозначил как «научно-популярный трактат с господствующим публицистическим вектором изобразительности» [Полонский, 2008, с. 59].

Представляется, что Мережковский тяготел в своей трилогии именно к трактату. Есть некоторое «прагматическое» объяснение для обращения писателя к научному жанру, достаточно для него новому (до Революции был опыт только литературоведения – трактат «Толстой и Достоевский»). З. Н. Гиппиус писала В. А. Злобину 13 декабря 1922 года про Американское христианское издательство, о котором ей сообщала С. Ремизова: это издательство издает не беллетристику, но платит долларами [Пахмусс, 1998].

Представляется, однако, что дело не только в прагматических соображениях. Мережковский в трилогии излагает собственную оригинальную религиозно-философскую концепцию. Как будто в эмиграции он смог, наконец, высказаться в полный голос и подвести итоги (в год отдельного издания первой книги ему исполнилось 60 лет).

В первых двух частях трилогии «Тайна Трех: Египет и Вавилон» (1925) и «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930) писатель объяснил смысл и мифологические истоки своих важнейших символов и идеологем (путь вверх / вниз, буря, гроб / колыбель, умереть / родиться, сын / супруг, скопец / андрогин и пр). «Иисус Неизвестный» (1932–1934), последняя часть, по которой названа вся трилогия, – может быть названа «главной книгой» писателя, считавшего: «без “Иисуса Неизвестного” дело мира не обойдется» [Мережковский, 2017, с. 776]. Для «пророка» неохристианства, религиозного модернизма, Третьего завета, Завета Духа-Матери, каким и был Мережковский, понятно обращение к истокам учения.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ТРИЛОГИИ

Трактат, по определению, «1) рассуждение на специальную тему; 2) один из основных жанров классического философствования, наиболее близкого по типу используемых стратегий к научному дискурсу. В трактате рассматривается отдельный вопрос или проблема» [Многообразие жанров философского дискурса, 2001, с. 265].

Какие же вопросыи проблемырассматриваются в трилогии?

Вероятно, структурообразующей оказывается мысль о синтезе язычества и христианства, христианстве как «откровении, апокалипсисе язычества» [Мережковский, 2001, с. 190]. Для Мережковского в его историософской триаде язычество занимает место Ветхого Завета, а после Нового следует «Третий Завет», Царство «Духа-Матери». Поэтому первая и вторая книга трилогии посвящены язычеству, третья – христианству. Заметим, что такой синтез (единство) характерен для гностических концепций, к которым многие литературные критики и ученые возводили систему Мережковского.

Это единство доказывается с помощью изложения и толкования мифа об умирающем-воскресающем боге, которое лежит в основе композиции первых двух книг трилогии. Для «Тайны Трех» – это мифы об Озирисеи Таммузе, для «Тайны Запада» – мифы о Кветцалькоатле, Адонисе, Аттисе и Дионисе.

Иисус Неизвестный, герой третьей части, – не умирающий-воскресающий бог язычества, но само язычество через этих «крещеных богов» [Мережковский, 2017, с. 404] воспринимается как преддверие христианства: «Озирис Египетский, Таммуз вавилонский, Адонис ханааноэгейский, Аттис малоазийский, Дионис эллинийский, в них

во всех – Он, по слову апостола Павла: “это есть тень будущего, а тело во Христе” (Колос. II.17)» [Мережковский, 2017, с. 19].

С вышеназванными богами связана вторая важнейшая мысль Мережковского – о богочеловеке / человекобоге. «Обожение», представление о человеке как о божестве и затем сомнение и разочарование в нем – особенность изображения главных героев исторических романов и биографий писателя. В трилогии писатель всё время подчеркивает единство божественного и человеческого в своих героях, например: «Озирис – человек, Бог и человек вместе; воистину Бог, и человек воистину» [там же, с. 82]. Такие же характеристики можно найти для Таммуза и далее…

Следующая мысль Мережковского – о Царстве Божьем на земле, о богочеловечестве / бесочеловечестве. Построение такого царства является главной задачей, целью деятельности богочеловека / человекобога практически во всех исторических романах и биографиях Мережковского. В трилогии этим богочеловечеством поочередно представляется в первой части – Египет: «След рая – на лицах египтян» [там же, с. 55], «он весь небесная радость земли» [там же, с. 57], – и Вавилон: «Именно здесь, в Месопотамии, был древле сад Господень, рай земной, Gan – Eden» [там же, с. 169]; во второй части – Атлантида, как пракультура, прародина Европы: «Атлантида – рай на земле» [там же, с. 259]. Основной целью Иисуса Неизвестного и является установление Царства Божьего, которое «уже входило во время, в историю, и могло бы войти окончательно, если бы люди этого так захотели, как Он» [там же, с. 285].

Но богочеловечество грозит обернуться или прямо оборачивается бесочеловечеством, «всесмертью» – в исторических романах писателя, биографиях, в истории Египта: «Полный свет Египта – в богочеловечестве, сумерки – в человекобожестве» [там же, с. 127], Вавилона: «Вечной жизни ищет он – и находит вечную смерть» [там же, с. 204], Атлантиды: «кручи райского берега сделались срывами в ад» [там же, с. 263], такая же участь грозит и Европе.

Наконец, в первых двух частях трилогии поднимается столь интересующая Серебряный век «проблема пола». Мережковский решает ее в религиозном духе, пишет о религиозно-половых таинствах (воскрешение Изидой Озириса, обряде священной проституции в Вавилоне, Елевсинских таинствах), о двуполости и кровосмешении, об андрогине как совершенном богочеловеке. П. П. Гайденко именно эту тему считает главной у Мережковского; действительно, новизна его концепции, по сравнению с предшествующей традицией, – во внимании к полу, который толкуется как путь к богочеловечеству.

СПОСОБ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА

С трактатом произведение Мережковского сближает не только цель, доказательство определенной идеи, но и подход, способ изложения материала. В первых двух книгах – это рассуждение, в расположении частей которого просматривается параллельность.

Аргументация строится с опорой на авторитет, подкрепляется многочисленными примерами, в том числе лингвистическими и литературными. Исключение составляет «художественные» отрывки в последней части трилогии («Иисус Неизвестный»), которые Мережковский называет «апокрифами», вспоминая Фра БеатоАнжелико [Мережковский, 1996, с. 81]. И всё же целиком апокрифом «Иисуса Неизвестного» назвать нельзя. Художественные отрывки только входят в текст как цветные иллюстрации; в последней части книги Мережковский полностью от них отказался.

Метод рассуждения Мережковского может быть назван «антитетическим»: это диалектика без последнего синтеза. Вернее, к синтезу писатель стремится (сама идея Третьего Завета – идея синтеза), но никогда его не достигает. Об этом «вечном двоении», как «наиболее характерном» о Мережковском писал и Н. А. Бердяев [Бердяев, 2001, с. 335].

Антитеза проявляется у Мережковского на всех уровнях: и в базовых идеях (богочеловек / человекобог, богочеловечество / бесочеловечество), в аргументации (он объясняет чудеса «Иисуса Неизвестного», вводя понятия «перевернутого мира», четвертого измерения: «Выйдите из этого мира, из трех измерений, и войдите в тот мир, в измерение четвертое, где нижнее становится верхним, и верхнее – нижним, правое – левым, и левое – правым, где все наоборот» [Мережковский, 1996, с. 262]) и в композиции – особенно четко в «Тайне Трех», с противоположно-подобием глав о Египте и Вавилоне.

Следующая черта, сближающая тексты Мережковского с научными трактатами – обширный историко-культурный материал, особым образом организованный. Уже тексты «Тайны Трех» пестрят цитатами со ссылками на труды по философии, религиоведению, культурологии, истории, археологии, истории искусства. «Тайна Запада» снабжена обширными примечаниями, оформленными в соответствии с требованиями науки того времени. Такие же примечания, с элементами научной полемики, завершают и текст «Иисуса Неизвестного».

Количество упоминаемых авторов огромно; можно перечислить некоторых, наиболее часто цитируемых. Философы: А. Бергсон, Гераклит, Платон, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр; богословы: блж. Августин, св. Василий

Великий, св. Григорий Богослов, св. Ипполит Римский, св. Климент Александрийский, Ориген; многочисленные гностики; историки: Беросс, Геродот, Диодор Сицилийский, Манефон Себеннитский; культурологи: И. Донелли, Ф. Ленорман, Дж. Фрэзер.

Из обширного историко-культурного контекста в трилогии Мережковского, следует выделить несколько «базовых» трудов, послуживших писателю образцами. Если говорить о «Тайне Трех» и отчасти «Тайне Запада» – это «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера. Именно к мифу об умирающем-воскресающем боге, с многочисленными примерами из Фрэзера, обращается писатель. Кроме того, в «Тайне Запада» очень широко используются материалы из книги И. Донелли «Атлантида: мир до потопа».

Сложнее с третьей книгой трилогии. Наиболее часто из историков культуры Мережковский здесь вспоминает Э. Ренана, полемизируя или соглашаясь с его «Жизнь Иисуса» (последняя входит в «Историю происхождения христианства»).

Огромен массив исследований по египтологии, ассириологии, гебраистике, культуре Древней Америки, Античности, Древней Европы. Мережковский называет важнейших представителей каждой отрасли науки. Например, для египтологии – во Франции: Ж.-Ф. Шампольон, О. Мариэтт, Ж. де Морган, Г. Масперо, Э. Амелино; в Германии: К. Лепсиус, Г. Бругш, А. Эрман, Л. Борхард, А. Видеманн, Эд. Мейер; в Англии: М. Мюллер (отчасти), А. Вейгалл, У. Бадж; в Америке: Дж. Брэстед; в России: Б. А. Тураев.

Писатель пересказывает и цитирует тексты мифов, литературных произведений описываемых культур, Евангелия канонические и апокрифические. Некоторые из них в «Тайне Трех» он перелагает сам: например, египетскую «Песнь арфиста», части «Эпоса о Гильгамеше».

ЯЗЫК ТРИЛОГИИ

Наконец, и форма изложения Мережковского сближает его тексты с научными сочинениями. Собственная религиозно-философская концепция доказывается с помощью фрагментов, на которые разбиты все главы всех частей трилогии. Фрагменты – традиционная форма философских сочинений. Труды столь часто цитируемого в трилогии Гераклита существуют в виде фрагментов; можно вспомнить фрагменты романтиков, Ницше, Розанова ...– всё это знаковые для Мережковского имена.

Общее строение фрагмента у писателя таково: цитата, ее распространение, вывод, примеры из языческой истории, связь с Новым Заветом, посыл для следующего фрагмента; может быть и иная последовательность расположения. В каждом фрагменте, как правило, обсуждается один тезис; иногда поясняется и расширяется тезис предыдущего фрагмента, подкрепляется художественным образом или цитатой. Иногда в первом фрагменте делается образное допущение, а в следующем – оно становится уже аргументом.

Тезис предыдущего фрагмента часто повторяется внутри следующего, восходя на новый виток – действует принцип спирали. Мысль цепляется одна за другую, медленно разворачивается, переходит из фрагмента во фрагмент, кажется стройной, хотя в рассуждениях есть допущения; вводятся, как сами собой разумеющееся, спорные положения. Это цепочка ассоциаций, где образ нанизывается на образ, символ – на символ. Зацепившись за словосочетание из цитаты, Мережковский начинает развертывать цепь ассоциаций и, в конце концов, может прийти к положению, противоположному исходной мысли процитированного автора. Например, фраза апостола Павла о «тени» и «теле» служит Мережковскому опорой для сопоставления языческих богов и Христа, апостол же имеет в виду не язычество, а ветхозаветные учреждения.

Цитата, чужой текст, кроме аргумента в рассуждении имеют и другую функцию. Сначала чужая мысль дается с указанием источника, затем отдельное словосочетание приводится уже без ссылки на автора и становится своего рода скрепой, рефреном повествования (так некогда в исторических романах писателя многократно повторялись одни и те же эпитеты, сравнения, высказывания и даже длинные описания). Этим словосочетанием Мережковский вызывает в памяти читателя всю цитату как доказательство, и оно становится лейтмотивом его текста. Такие цитаты-словосочетаний приводятся из Платона, Бергсона и др.

Иногда это цитаты стихотворные – тогда они являются не только доказательством, но и образной иллюстрацией мысли. Чаще всего Мережковский обращается к стихам М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева, З. Н. Гиппиус.

Такой же иллюстрацией служат и описания памятников, артефактов мировой культуры: как вербальных, так и визуальных. Это тексты мифов, самые известные архитектурные сооружения, скульптура и живопись изображаемой культуры. Все они истолковываются в духе основных идей писателя.

Наконец, отдельно можно выделить доказательства через лингвистические сопоставления, этимологию. Сравнивая греческие, арамейские слова, их перевод, их толкование, ища общие корни, писатель тоже находит доказательства для своих идей: «По-гречески, Πνεῦμα, Дыхание, среднего рода, по-латински Spiritus, Дух – мужского рода,

по-еврейски Ruach, то мужского, то женского, по-арамейски *Ruacha* – всегда женского» [Мережковский, 2017, с. 207].

В лексике трактатов можно найти соответствия научному стилю. В тексте достаточное количество философских и искусствоведческих терминов: *силлогизмы*, *индукция*, *имманентный*, *трансцендентный*, *эмпирический*, *метафизика*, *гемма*, *глиф*. Также много географических названий, обозначений памятников культуры, имен богов, фамилий исследователей – вообще имен собственных. Как уже указывалось, в текст включаются и закавыченные (а порой и раскавыченные) словосочетания из других текстов, слова на разных языках – греческом, арамейском, вавилонском, латыни.

Для синтаксиса, как и полагается в научном стиле, характерны сложноподчиненные предложения. Можно найти придаточные условия, цели, сравнительно-сопоставительные конструкции. Например: «Чтобы сделать свободный выбор, надо знать, а чтобы знать, надо страдать, жажда свободы есть жажда познания-страдания» [там же, с. 552].

Много уточнений, цепочек синонимов, обобщений. Для доказательства своих идей Мережковскому необходимо показать единство мировой культуры, поэтому обобщение – один из его излюбленных приемов; чаще оно находится в конце предложения: «Весь Египет, Вавилон, Ханаан, Хаттея, Эгея, Израиль – весь Отчий Завет идет по этому пути» [там же, с. 196].

Большое количество фраз построено по принципу научного определения или объяснения. Для этого используется глаголы *есть*: «Напряжение двух противоположных начал есть Божественная сущность мира» [там же, с. 147] – или *значит*: «Смерть и воскресение Бога – вот что значит Таммузовы таинства – для пророка “мерзости”» [там же, с. 184].

Но весь этот аппарат конструкций, свойственный научному стилю – облегчается, поэтизируется. Сухое рассуждение становится образным текстом; размышление из отвлеченного перерастает в убеждающее – благодаря ряду приемов, в которых отражается и способ мышления Мережковского, и его мастерство художника.

Прежде всего, сам строй текстов Мережковского подчинен определенному ритму. Ритм этот задается не только обрывом, паузами внутри фрагментов; но и последовательностью предложений и слов внутри предложения. Используется параллелизм конструкций, антитезы, неполные предложения, – весь арсенал античной риторики, «георгианские фигуры». Часто Мережковский играет на контрасте: за длинной конструкции, осложненной сложноподчинениями, уточнениями и т. п., – следует короткое предложение, как заключительный удар:

> Как в сверкающей под зажигательным стеклом донца, в одну точку св. Земли направлены четыре луча с четырех концов света: с юга, из Египта, луч Сына, Озириса; с севера, из Хеттеи, луч Матери, Кибелы; с востока, из Вавилона, луч Отца, Эа; и с запада, из Крито-Эгеи, троичный луч – Отца, Сына и Матери. А зажигаемая точка – Вифлеемская Звезда [там же, с. 427–428].

Благодаря лаконизму и афористичности, при динамично-сложной синтаксической конструкции, фразы легко запоминаются. Стиль Мережковского, безошибочно узнаваемый, выдает мыслителя-поэта. Например: «…в ледяных гранях Апполоновых чисел – огненное вино исступлений Дионисовых» [там же, с. 26].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, черты научного дискурса обнаруживаются на всех уровнях текста: в содержании, способе изложения и построения материла, в языке (лексике и синтаксисе). Поэтому «Тайну Трех» и «Тайну Запада» можно назвать религиозно-философскими трактатами, основанными на историко-культурном материале, «Иисуса Неизвестного» – религиозно-философским, с включением художественных отрывков. С некоторым допущением их можно назвать и трактатами экзегетическим (поскольку в первых двух толкуются тексты языческих мифов, а в третьем – Евангелие).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мережковский Д. С. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин, 2017.
2. Амфитеатров А. Существовала ли Атлантида? // Сегодня. 1930. 14 дек. С. 2–3.
3. Никулина Н. А. Мотивная структура романа-эссе Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный». Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2002.
4. Лавров А. В. Мережковский Д. С. // Литература русского зарубежья (1920–1940). Отв. ред. Б.В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 344–365.
5. Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008.

6. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.
7. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография. Под ред. В. И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001.
8. Пасхмусс Т. Письма Зинаиды Гиппиус Владимиру Злобину. 1922–1923 // Новый журнал. 1998. № 212. С. 193–227.
9. Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001.
10. Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. М.: Республика, 1996.
11. Бердяев Н. А. Новое христианство (Д. С. Мережковский) // Д. С. Мережковский: proetcontra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 331–354.

REFERENCES

1. Merezhkovskiy, D. S. (2017).Sobranie sochineniy v 20 t., t. 14 =The Works in 20 vol., vol. 14. Moscow: Dmitrii Sechin.(In Russ.).
2. Amfiteatrov A. (1930). Sushchestvovala li Atlantida? = Did Atlantis exist? Segodnya=Today, 14 December (2–3). (In Russ.).
3. Nikulina N. A. (2002). Motivnaya struktura romana-esse D. S. Merezhkovskogo «Iisus Neizvestnyy» = The motif structure of D. S. Merezhkovsky's novel-essay «Jesus Unknown». PhD in Philology.Tyumen(In Russ.).
4. Lavrov A. V. (2013). D. S. Merezhkovskii = D. S. Merezhkovsky. Literatura russkogo zarubezh'ia (1920–1940) = Literature of the Russian abroad (1920–1940). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University (344–365). (In Russ.).
5. Polonskiy V. V. (2008). Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoy literature kontsa XIX–nachala XX veka = Mythopoetics and dynamics of the genre in Russian literature of the late XIX–early XX century. Moscow: Science. (In Russ.).
6. Khalizev V. E. (2000). Teoriya literatury = Theory of literature. Moscow: High School. (In Russ.).
7. Plotnikov V. I. (Ed.). (2001). Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa = Diversity of genres of philosophical discourse. Ekaterinburg: Cultural Information Bank. (In Russ.).
8. Paskhmuss T. (1998). Pis'ma Zinaidy Gippius Vladimiru Zlobinu. 1922–1923 = Letters of Zinaida Gippius to Vladimir Zlobin 1922–1923. New Review, 212 (193–227). (In Russ.).
9. Merezhkovskiy D. S. (2001). Tsarstvo Antikhrista: Stat'i perioda emigratsii = The Kingdom of the Antichrist: Articles of the period of exile. St. Petersburg:RCHI. (In Russ.).
10. Merezhkovskiy D. S. (1996) Iisus Neizvestnyy [Jesus Unknown]. Moscow: Republic. (In Russ.).
11. Berdyaev N. A.(2001). Novoe khristianstvo (D. S. Merezhkovskiy) = A new Christianity (D. S. Merezhkovsky). D. S. Merezhkovskiy: pro et contra. St. Petersburg: RCHI.(In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осьминина Елена Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Osminina Elena Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor
Professor of the Department of the World Culture
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УКД 008

Идентификационный потенциал руральной архитектуры Сицилии

Т. С. Дорофеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ankhe@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается традиционная сельская архитектура в контексте проблемы региональной идентичности. Описываются и анализируются с точки зрения идентификационного потенциала различные виды сицилийской руральной архитектуры. На основе современных публикаций и данных о возрождении массерий и сооружений по методу сухой кладки делается вывод о том, что именно они сегодня воспринимаются как неотъемлемая часть образа руральной Сицилии и интерпретируются исследователями как маркер сицилийской идентичности.

Ключевые слова: Сицилия, сицилийская идентичность, традиционная архитектура, сельская архитектура, руральная архитектура, региональная идентичность, этнокультурная идентичность, массерия, культурный ландшафт, метод сухой кладки

Для цитирования: Дорофеева Т. С. Идентификационный потенциал руральной архитектуры Сицилии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 151–158.

Original article

Identification Potential of the Rural Architecture of Sicily

Tatiana S. Dorofeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ankhe@yandex.ru

Abstract. This article examines the rural traditional architecture in the context of the problem of regional identity. Various types of Sicilian rural architecture are described and analyzed in terms of their identity potential. On the basis of contemporary publications and data on the revival of masseria and the tradition of dry stone, it is concluded that nowadays they are perceived as an integral part of the image of rurality of Sicily and interpreted by researchers as a marker of Sicilian identity.

Keywords: Sicily, Sicilian identity, traditional architecture, rustic architecture, rural architecture, regional identity, etnocultural identity, masseria, cultural landscape, dry stone

For citation: Dorofeeva, T. S.(2023). Identification Potential of the Rural Architecture of Sicily. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12 (880), 151–158.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие идентичности появляется в научном дискурсе в работах Э. Эриксона, где он характеризует это понятие как «определенную форму соответствия человека и культуры» [цит. по: Сапожникова, 2005, с. 14]. Сегодня идентичность понимается как «сложный социально-психологический феномен, означающий отождествление, эмоционально окрашенное осознание и переживание человеком своей принадлежности к социуму, обусловленное психологической потребностью человека в социальной адаптации» [Малыгина, 2018а, с. 64]. Региональная идентичность – это явление, в основе которого лежат особенности ландшафта, климата; напластования социальных, культурных, исторических событий и явлений. С одной стороны, она включает в себя элементы материнской (например, национальной) идентичности, с другой, – обладает уникальными чертами, обусловленными особенностями культурной среды региона. Об исключительной роли взаимодействия с локальной традицией И. В. Малыгина пишет следующее: «… культурная среда региона предстает как пространство формирования базовых идентичностей человека, ментального и экзистенциального комфорта, интеграция в которое делает человека носителем определенного этноментального опыта, культурной памяти и гарантирует ему столь необходимое ощущение укорененности и принадлежности» [Малыгина, 2018б, с. 113]. Архитектура является частью культурной среды и она в значительной степени связана с ландшафтом и климатом [Тикунова 2021], и, следовательно, можно говорить об архитектуре как маркере региональной идентичности.

Сицилия – островная область Италии с богатой историей. Ее население демонстрирует свою особую идентичность. На сегодняшний день это явление изучается антропологами, лингвистами, социологами, археологами и другими исследователями. Очевидными маркерами сицилийской идентичности считаются «ритуально-праздничная культура, памятники литературы, музыкальная культура, традиционные формы торговли и ремесел, фольклор, локальная кухня, уходящая корнями в глубокую древность, особая психология и отработанные в веках стереотипы поведения» [Фаис, 2016, с. 277].

Сицилийскую архитектуру до сих пор не рассматривали с точки зрения идентификационного потенциала. Между тем она является частью региональной культуры и традиции, маркирует границы «чужого» и «своего» пространства. По внешнему облику застройки человек с легкостью распознает окружающую среду как родную или чуждую, как знакомую или незнакомую, как комфортную или тревожную, а также, обладая определенными фоновыми знаниями, способен достроить в своем сознании культурно-исторический контекст.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Сегодня архитекторы обращаются к проблемам идентичности, справедливо отмечая, что как среда влияет на формирование культурной принадлежности индивида, так и индивид в дальнейшем определяет облик окружающей среды [Скалкин, 2017]. Существует запрос на архитектуру, которая переживается как «своя». Для определения данного явления всё чаще используется термин «архитектурная идентичность». Разрабатывал данное понятие А. А. Скалкин: «Таким образом и выражается перенос дефиниции идентичности от субъективного <…> в пользу объективного <…> Окончательно отстраниться от субъективности невозможно, так как среда не только воспринимается человеком, но и полностью его отражает» [Скалкин, 2017, с. 92]. Однако поскольку идентичность – это свойство субъекта, а не объекта, представляется более корректным говорить об архитектуре в терминах «идентификационного потенциала», маркеров или образов идентичности.

Архитектура Сицилии представляет собой значительный пласт региональной культуры, отличающийся генезисом, функциональными, эстетическими и технологическими параметрами, а также идентификационным потенциалом. В данной статье мы рассмотрим исключительно местную руральную архитектуру, которую зачастую определяют как традиционную или народную. В отечественной традиции архитектуру загородных жилых и технических сооружений называют сельской или деревенской. Однако применительно к Средиземноморскому региону, представляется более корректным использование еще не устоявшегося термина «руральная архитектура» (от *фр.* сельский), поскольку она в большей степени будет ассоциироваться с характерным обликом зданий, о которых пойдет речь.

Одним из распространенных заблуждений в отношении руральной архитектуры долгое время было представление о ней, как об «исключительно функциональной и лишенной стиля»[1] [Germana`, Di Girolamo, Viola, 1999, с. 15]. При такой трактовке сельская архитектура лишается сколько-нибудь выраженного идентификационного потенциала в силу своей универсальности и исключительной

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Т. Д.*

прагматичности. Однако данный подход не учитывает целого ряда объективных факторов, связанных с климатом, особенностями местного строительного материала, историей региона, культурными влияниями и т. д. Часть исследователей считает, что сельская архитектура одного ландшафтно-климатического региона (например, степь, лесостепь, Средиземноморье) формирует единый архитектурный образ, невзирая на сосуществование на одной территории различных этнокультурных групп. Так Д'Аморе пишет в этой связи: «Рутальная архитектура представляет собой своего рода продолжение природной среды, в которой она расположена, как в силу материала, из которого она выполнены, так и в силу ее расположения на лоне природы, экологичности и целесообразности «архитектуры без архитектора»; она – дочь материальной культуры конкретной географической области» [D'Amore, 2020, с. 1751]. Вместе с тем многие авторы, признавая существенную ролью ландшафта и климата в формировании традиционной застройки, учитывают ее генезис, эстетическое своеобразие и функции культурного кода [Germana`, 1999]. Важным доводом, при этом, становится появление буквально по соседству значительно различающихся по внешнему облику сооружений, возводимых представителями различных культур [Герасименко, 2012]. При подобном подходе сельская или руральная архитектура воспринимаются как материальное свидетельство традиции, тесно связанное с этнической, социальной принадлежностью индивидов, причастных к ней. Таким образом, она может становиться одним из маркеров идентичности.

РУРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА СИЦИЛИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

На первый взгляд традиционная сельская застройка со всем комплексом сооружений различного назначения (печи для обжига, кузницы, маслодавильни, винодельни и др.) практически полностью утрачена. Однако в последние годы по всей Европе обозначилась тенденция к реконструкции рурального фонда (значительные средства выделяются Европарламентом[1]). При этом важно отметить, что данный процесс коснулся не всех типов сооружений.

На Сицилии, например, дома, составляющие основную часть деревенской застройки, настолько трансформировались, что утратили свою аутентичность, более того значительно изменился привычный пейзаж [Barilaro, 2005]. В 1960–1970-х годах культурный ландшафт прибрежной полосы (для которой в первую очередь были характерны деревенские дома) претерпел радикальные изменения: разросшиеся пригороды и курорты поглотили его практически полностью, кроме того, активно возводились крупные тепличные комплексы [Germana`, 1999].

Рис. 1. Типы сицилийских мурагги и паггьяри[2]

С точки зрения туриста или приезжего крайне своеобразной представляется архитектура каменных хижин: *мурагги* (*muragghi*) / *даммузи* (*dammusi*), *казудже* (casudde) или *паггьяри* (*pagghiari*) / *куббури* (*cubburi*) (см. рис. 1). Это круглые и реже прямоугольные сооружения, сложенные из камня по методу сухой кладки, которая известна с древности, и перекрытые полусферическим каменным сводом или крыты соломой. Такие сооружения чаще всего служили убежищем на случай непогоды для пастухов или крестьян, оказавшихся далеко от дома, хотя в отдельных случаях они становились постоянным жилищем [Cassarino, Scerra, 2020]. Подобные хижины, восходящие к постройкам эпохи неолита, можно встретить практически по всей зоне Средиземноморья, на Британских островах

[1] В 2003 г. был принят закон "Положение о защите и освоению сельской архитектуры" (N378) и на его основе ряд других законодательных актов. В 2004 г. открыта программа «Освоения сельской архитектуры и пейзажа». В 2005 г. основан «Европейский аграрный фонд сельского развития», активно поддерживающий реставрацию старого архитектурного рурального фонда.

[2] [Cassarino, Scerra, 2020, с. 16].

и даже в Китае. Эти сохранившиеся образцы привлекают туристов. Интересен опыт каменных хижин Апулии – трулло: после непродолжительного забвения их возродили, они вошли в популярные туристические маршруты, обрели новую жизнь как музейный объект и часть гостиничного фонда области, более того, стали ее визитной карточкой. Сицилийские каменные хижины являют собой другой пример. Они были заброшены, зачастую разбирались на строительный материал, сносились. На сегодняшний день о пастушьих хижинах встречается крайне мало упоминаний. В популярных изданиях (*Siciliafan*[1], *LaFrecciaverde.it*[2]) о них рассказывают как о некой диковинке, малознакомой обычному сицилийцу. Научное сообщество изучает их исключительно с точки зрения истории архитектуры [Miosi, 2012]. Можно предположить, что сицилийцы не воспринимают это наследие как культурный код, как образ сицилийской идентичности. Одной из причин данного отношения может служить тот факт, что мурагги и им подобные хижины строились спорадически и исключительно в малонаселенных и удаленных уголках Сицилии, не были на виду, и сегодня не ассоциируются с типичным сицилийским культурным ландшафтом.

Рис. 2. Каменные изгороди по методу сухой кладки в окрестностях Ното[3]

Примечательны в этом отношении *каменные изгороди по методу сухой кладки*. Речь идет о сложенных вручную каменных оградах (рис. 2). Хотя подобные сооружения и встречаются по всей Европе [Barone, Marchese, 2022], они не везде получили широкое распространение. На Сицилии каменные изгороди не только прижились, но и постепенно приобрели ряд отличительных черт. Во-первых, максимально расширилось их функциональное назначение: они используются не только как средство разграничения территорий, но и для укрепления склонов, подверженных эрозии; формируют террасы для выращивания винограда и риса, защищают посевы от подтоплений, внедрены в систему севооборота небольших огородов и оформляют границы садов и сельских дорог. Во-вторых, сицилийские изгороди несколько отличаются внешне: они часто заметно выше изгородей в других областях и покрывают территорию более плотной сетью (особенно в предгорье Иблеи, где почва очень каменистая). Причины уходят корнями в XIV–XVII века, когда целый ряд указов королей и вице-королей отрегулировал правила возведения данных сооружений на испанский манер. Исследователи сходятся во мнении о том, что сами изгороди являются наглядным примером испано-сицилийского культурного синкретизма. Так же, как многие другие черты сицилийской культуры, определяемые как собственные, восходят именно к периоду испанского господства [Cassarino, Scerra, 2020].

Сегодня каменные изгороди постепенно стали осознаваться как культурная и ландшафтная ценность. Пристальное внимание ученых к данному общеевропейскому феномену привело к тому, что 29 ноября 2018 года ЮНЕСКО включило технику сухой кладки в список нематериального культурного наследия как достояние восьми стран[4]. Главным аргументом была древность и непрерывность традиции: ведь навык выполнения данной кладки передавался из поколения в поколение со времен неолита. На территории Италии только две области признаны «носителями» данного наследия – это Апулия и Сицилия. Однако не столько финансирование[5] и регулирование «сверху» дали новую жизнь изгородям, сколько инициатива самих сицилийцев: в последние годы появляются обучающие программы для желающих освоить данную строительную технологию как хобби (la Sicilia[6]) и даже

[1] URL: https://www.siciliafan.it/pastori-siciliani-antichi-rifugi/?refresh_ce ; URL: https://www.siciliafan.it/cubburo/?refresh_ce.

[2] URL: https://www.lafrecciaverde.it/architettura-rurale-pagghiari-delletna

[3] URL: http://www.movimentoazzurro.org/2020/06/14/sicilia-iblea-muri-a-secco ; https://terraiblea.wixsite.com/home)

[4] Греции, Испании, Италии, Кипра, Словении, Франции, Хорватии и Швейцарии.

[5] Специалисты сетуют на то, что программ по защите изгородей недостаточно: огромные площади охраняемого объекта требуют совершенно другого уровня финансирования [Barone, Marchese 2022].

[6] URL: https://www.lasicilia.it/cultura/a-scuola-di-muretti-a-secco-per-salvare-paesaggio-e-tradizione-1188913. Кроме того в Интернете предлагается много обучающих роликов.

как профессию. Параллельно строительные компании сегодня всё чаще предлагают услугу по возведению изгородей по методу сухой кладки[1]. Спрос на подобные обучающие программы и услуги демонстрирует возрастающий интерес к изгородям, которые воспринимаются, как неотъемлемая часть образа сицилийского пейзажа: «Сицилия – это, несомненно, область, в которой обширные территории всё еще в большой степени организованы данными сооружениями и идентифицируются с ней в коллективной памяти; за долгие века эта техника стала также узнаваемым методом освоения земли» [Barone, Marchese, 2022, с. 136][2].

Еще один тип рурального сооружения – это *массерия* (см. рис. 3), своего рода хутор, характерный прежде всего для внутренних районов Сицилии. Это комплекс помещений различного назначения, способный существовать практически автономно. В центре расположен четырехугольный, обычно неправильной формы двор с колодцем посередине. Вокруг двора располагаются все необходимые помещения: жилые, для обработки продуктов, для их хранения, овин и хлев и др.

Рис. 3. Массерия в окрестностях Валь ди Ното[3]

Массерия также вобрала в себя разновременные культурные влияния. Монументальная латифундия эпохи позднего Рима под воздействием арабского и норманнского влияний становится сравнительно небольшим укрепленным поместьем: оно часто расположено на стратегически выгодных высотах, окна за редким исключением выходят только во внутренний двор и забраны решеткой, попасть внутрь комплекса можно только через центральные ворота. В 1870-е годы массерии прошли путь модернизации: инженеры и архитекторы создали ее типовые проекты. Сохранив традиционный облик, они учли современные требования, в области гигиены, ветеринарии и др. Предложенные новации получили широкое распространение. Более того, обновленная массерия распространилась практически по всему острову. При этом в некоторых районах они чаще назывались бальо (baglio). Так данная архитектурная форма стала наиболее распространенной и типичной для Сицилии. Этот пример прекрасно иллюстрирует теорию традиции, предложенную отечественным ученым Э. С. Маркаряном. Он описывает культурную традицию как универсальный механизм, который выбирает и аккумулирует новации, интегрируя их в жизнь социума [Лурье, 2015].

В 50–60-х годах XX века сельское население эмигрировало как в прибрежные города острова, так и на север Италии. Этот процесс необходимо рассматривать в контексте модернизации сельского хозяйства, активной урбанизации и усиления глобализационных процессов, результатом которых стал кризис базовых форм идентичности. Это была эпоха, когда люди массово покидали исконные земли, расставаясь с привычным укладом жизни, с местами памяти, знакомым культурным ландшафтом. Кризис локальной идентичности отозвался кризисом традиционной архитектуры: вся сельская застройка, в том числе массерии пришли в упадок, большая часть из них оказалась заброшена [Barilaro, 2008; Calamia, 2020]. В 70-е годы XX века прогнозы в отношении сельской архитектуры Сицилии были весьма неутешительными [Barilaro, 2008]. И только в начале XXI века, когда стал очевиден масштаб культурной утраты, именно массерии, имевшие широкое распространение на острове, были осознаны как важные свидетельства этнографического и культурного своеобразия Сицилии, как эстетическая ценность, как основание локальной руральной архитектуры и образ местной идентичности [Barilaro, 2005; D'Amore, 2020]. Так Б. Санджинето сокрушается, что «Юг Италии и южане оказываются полностью лишенными той цементирующей части коллективного народного самосознания, которое выражается памятью, той самой памятью, которая помогает осознавать себя и окружающих. Ее утрата превращает южные области в области всё более населенные индивидами, лишенными прошлого. Индивидами, которые, за редким исключением, не живут в родных исторических центрах, не ремонтируют свои старинные дома, а предпочитают строить новые и которые вследствие этого теряют то эстетическое воспитание, которое закладывается ежедневным соприкосновением с красотой форм, изяществом архитектуры, гармонией пространств,

[1] Например, семейное предприятие ЭдилМури URL: https://www.edilmuri.it/, строительная компания КазаПратика Подобные предложения частных специалистов исчисляются десятками.

[2] «la Sicilia è indubbiamente una regione nella quale vaste aree sono ancora fortemente modellate e identificate nella memoria collettiva da questa tecnica costruttiva che nei secoli è diventata anche un elemento identitario di un modo di abitare il paesaggio.»

[3] URL: https://www.idealista.it/es/vendita-case/siracusa/colline-litoranee-di-noto-avola/con-prezzo_60000,rustici/

которые передавались из поколения в поколение»[1] [Sangineto, 2010, с. 118].

Сегодня реконструкция обветшалых массерий рассматривается как способ воссоздания традиционного архитектурного образа руральной Сицилии [Barilaro, 2005]. Эти традиционные постройки всё чаще обретают новую жизнь: часть из них перестраивается как гостевые дома в рамках развития гастрономического туризма и экотуризма. Другие же восстанавливаются в первоначальном функциональном назначении, в качестве базы фермерских хозяйств. Продукция массерий при этом сертифицируется как аутентичная, традиционная и органическая. Так массерии становятся хранителями локальных гастрономических традиций, что обретает особенный смысл, если учесть, что для Сицилии именно гастрономическая культура является одним из наиболее ярких и бесспорных маркеров локальной идентичности [Фаис, 2019]. Приезжие, оказываясь в подобных «уголках сицилийскости» ощущают, что местные жители гордятся своим краем, его обликом и уникальной продукцией. Они с достоинством отмечают: «такое готовят только у нас» [Герасименко, 2012, с. 32]. Массерии, возрожденные в качестве туристических центров становятся местом репрезентации своей «самости» и культурного своеобразия.

[1] Il Mezzogiorno ed i meridionali appaiono del tutto privi, nel complesso, di quello elemento fondante della coscienza collettiva di un popolo che è rappresentato dalla memoria, quella memoria che permette di riconoscersi e di riconoscere. Assenza che fa, delle regioni del sud, regioni sempre più popolate da individui smemorati. Individui che non abitano quasi più nei loro centri storici, che non restaurano le loro antiche case, ma preferiscono costruirne di nuove e che, quindi, non sono più educati alla continua, quotidiana frequentazione con la bellezza delle forme, con l'eleganza dell'architettura, con l'armonia degli spazi che si sono depositati nella successione dei secoli»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что сицилийская руральная архитектура сегодня с полным основанием может рассматриваться в качестве одного из маркеров локальной идентичности и «территориального бренда». Несмотря на то что культурное своеобразие области связывают прежде всего с особенностями языка, гастрономической и праздничной традициями, фольклором, растущий запрос на возрождение некоторых видов сельской архитектуры может рассматривается как тенденция к актуализации еще одного «ресурса». Анализ функциональной динамики традиционной сицилийской архитектуры позволяет заключить, что такие виды руральных сооружений как массерии и каменные изгороди, обладающие выраженным идентификационным потенциалом, пережили период забвения, и сегодня активно восстанавливаются как в первоначальном назначении, так и в качестве туристических объектов. В данном явлении проявляется увеличивающийся запрос на воспроизводство местной традиции и культурных кодов области. Обретение рурального культурного ландшафта при этом выступает как важный способ проявления локальной специфики и идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. С. 13–17.
2. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие. Изд.2-е. М.: Согласие, 2018а. 240 с.
3. Малыгина И. В. Региональное измерение российской идентичности: между культурой и экономикой // Вестник КЕМГУКИ, 2018б. № 42. С. 110–117.
4. Тикунова С. В. Идентичность человека и городского архитекурно-ландшафтного пространства: точки пересечения и разрыва // Вестник МГУКИ. 2021. № 2 (100). С. 88–95.
5. Фаис О. Д. К вопросу об идентичности сицилийцев // Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы // Отв. ред. и составители М. Е. Кабицкий и др. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 271–300.
6. Скалкин А. А. Понятие идентичности и факторы ее формирования // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 4 (41). С. 57–67.
7. Germanà M. L., Di Girolamo M., Viola G. L'architettura rurale tradizionale in Sicilia: conservazione e recupero // Appendice. Publiscula Ed., 1999. 125 p.
8. D`Amore A. Le masserie delle Madonie: da segni di abbandono a potenziali fattori di crescita di un'area interna della Sicilia occidentale // ArcHistoR. 2020. T. 7. №. 13. P. 1748–1765.

9. Герасименко Т. И. Вмещающий ландшафт и комплиментарность этносов-основа формирования региональной идентичности // Вестник СПбГУ. 2012. Спецвыпуск. С. 31.
10. Barilaro C. Il paesaggio agrario siciliano tra processi di trasformazione e ricerca di identità // Scritti in onore di Carmelo Formica, a cura di N. Castiello, Università degli Studi di Napoli Federico II, Napoli. 2008. P. 103–114.
11. Cassarino G., Scerra S. Eleganti Architetture Rurali Nel Paesaggio Ibleo: Il Caso Dei Muri a Secco e Dei 'Muragghi'Nelle Campagne Ragusane// Gisotti G. (Ed.) // Pereto (AQ), 2020. P. 12–18.
12. Miosi M. Tholoi d'Italia: trulli e capanne in pietra a secco con copertura a tholos // Etnografie, 9 // Edizioni di Pagina, Bari. 2012. 303 p.
13. Barone Z., Marchese F. L'arte dei muri a secco, confronti tra esperienze per la conservazione del patrimonio culturale dei paesaggi rurali // Restauro Archeologico. 2022. T. 30. №. 1. P. 136–140.
14. Лурье С В. Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование. 2015. №. 4 (19). С. 5–12.
15. Calamia P. Architettura rurale e valorizzazione del patrimonio culturale in Sicilia // UCOARTE. Revista De Teoría e Historia Del Arte .2020., P. 92–105
16. Sangineto B. La scomparsa del paesaggio del Mezzogiorno // Nuove Lettere Meridionali. 2010.N.1 P. 114–124
17. Фаис, О. Д. Кухня Сицилии: традиции и инновации / О. Д. Фаис. Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 3. С. 139–149.

REFERENCES

1. Sapozhnikova, R. B. (2005). Sapozhnikova R. B. Analiz ponyatiya «identichnost'»: teoreticheskiye i metodologicheskiye osnovaniya = Analyzing the concept of "identity": theoretical and methodological foundations. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, (1), 13–17. (In Russ.)
2. Malygina, I. V. (2018a). Malygina I. V. Identichnost' v filosofskoy, sotsial'noy i kul'turnoy antropologii = Identity in philosophical, social and cultural anthropology: textbook. 2nd ed. Moscow: "Soglasiye". (In Russ.).
3. Malygina, I. V. (20186). Regional dimension of the Russian identity: between culture and economics. Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts, 42, 110–118. (In Russ.)
4. Tikunova, V. S. (2021). The identity of a person and the urban architectural and landscape space: points of intersection and discontinuity. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts, 2 (100), 88–95. (In Russ.)
5. Fais, Oxana D. (2016). Sitsiliytsy: etnicheskoye men'shinstvo ili osobaya etnicheskaya obshchnost'? (k voprosu ob identichnosti sitsiliytsev) = Sicilians: an ethnic minority or a special ethnic community? On the question of the identity of the Sicilians // Yevropa men'shinstv – men'shinstva v Yevrope: Etnokul'turn·yye, religiozn·yye i yazykov·yye gruppy = Europe of Minority – Minorities in Europe: Ethno-cultural, Religious and Linguistic Groups / (eds) M. Ye. Kabitskiy, M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAS. 271–301. (In Russ.)
6. Skalkin, A. (2017). The Concept of Identity and Factors of its Formation. Architecture and Modern Information Technologies, (4 (41)), 57–67. (In Russ.)
7. Germanà, M. L., Di Girolamo, M., Viola, G. (1999). L'architettura rurale tradizionale in Sicilia: conservazione e recupero. Publiscula Ed. 125. (In Ital.)
8. Gerasimenko, T. I. (2012). Vmeshchayushchiy landshaft i komplimentarnost' etnosov – osnova formirovaniya regional'noy identichnosti = The intervening landscape and complementarity of ethnicities as the basis for the formation of regional identity. Vestnik of Saint Petersburg University, special issue, 31–41. (In Russ.)
9. Barilaro, C. (2008). Il paesaggio agrario siciliano tra processi di trasformazione e ricerca di identità. Scritti in onore di Carmelo Formica, a cura di N. Castiello, Napoli: Università degli Studi di Napoli Federico II, 103–114. (In Ital.)
10. Cassarino, G., Scerra, S. (2019). Eleganti architetture rurali nel paesaggio ibleo: il caso dei muri a secco e dei "muragghi"nelle campagne ragusane. (ed.), Pereto (AQ), 9 Agosto 2019, 12–18. (In Ital.)
11. Miosi, M. (2012). Tholoi d'Italia: trulli e capanne in pietra a secco con copertura a tholos. Bari: Edizioni di Pagina. Etnografie. 9. (In Ital.)
12. Barone, Z., Marchese, F. (2023). "L'arte dei muri a secco", confronti tra esperienze per la conservazione del patrimonio culturale dei paesaggi rurali. Restauro Archeologico. 30(1). (In Ital.)
13. Lurie, S. V. (2015). Markarian`s traditionology: unlike foreign theories about tradition. Culture and Education, 4 (19), 5–12. (In Russ.)
14. Calamia, P. (2020). Architettura rurale e valorizzazione del patrimonio culturale in Sicilia. UCOARTE. 92–105. (In Ital.)

15. D'Amore, A. (2020). Le masserie delle Madonie: da segni di abbandono a potenziali fattori di crescita di un'area interna della Sicilia occidentale. ArcHistoR, 7(13), 1748–1765. (In Ital.)
16. Sangineto, B. (2010). La scomparsa del paesaggio del Mezzogiorno. Nuove Lettere Meridionali, n. 1, 114–124.
17. Fais, O. D. (2019). Traditions and innovations in Sicilian cuisine.Traditional Culture, № 3, 139–149. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорофеева Татьяна Сергеевна
соискатель
старший преподаватель кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dorofeeva Tatiana Sergeevna
External PhD Student
Senior Lecturer at the Department of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 378

Культурология в контексте национальной имплементации

М. И. Козьякова

Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина, Москва, Россия
markoz@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о необходимости отражения в образовательном процессе цивилизационного противостояния Запада и России. В данной ситуации противостояния всё более важная роль принадлежит национальному суверенитету, и потому актуальной становится задача формирование новой, патриотической парадигмы образовательного процесса. Российское образование традиционно включало в себя не только передачу знаний, но и выработку гражданских мировоззренческих позиций. Новые, важные задачи стоят в этом плане перед культурологией. Некоторые из них рассмотрены автором.

***Ключевые слова*:** культурология, культура, цивилизация, противостояние, образование, ценности,национальный суверенитет, идентичность, история

***Для цитирования*:** Козьякова М. И. Культурология в контексте национальной имплементации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып.12 (880). С. 159–166.

Original article

Cultural Studies in the Context of National Implementation

Mariya I. Kozyakova

Higher Theater School (Institute) named after M. S. Shchepkin, Moscow, Russia,
markoz@yandex.ru

***Abstract*.** The article analyzes the problems of reflecting the civilizational confrontation between the West and Russia in the educational process. In this situation, an increasingly important role belongs to national sovereignty, and therefore the task of forming a new, patriotic paradigm of the educational process becomes urgent. Russian education has traditionally included not only the transfer of knowledge, but also the development of civic worldview positions. Culturology faces new, important tasks in this regard. Some of them are considered by the author.

***Keywords*:** cultural studies, culture, civilization, confrontation, education, values, national sovereignty, identity, history

***For citation*:** Kozyakova, M. I. Cultural Studies in the Context of National Implementation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 159–166.

ВВЕДЕНИЕ

Культура в своей максимально широкой трактовке всегда рассматривалась как глобальный феномен, в котором разворачивается история человечества. В этом модусе она обладает особой универсальностью, и потому в основу ее изучения неизбежно должны закладываться идеи системности, целостности, динамики. Они, естественно, находят свое последовательное проявление при рассмотрении различных сторон этого поистине бесконечного дискурса. Реалии природных и социальных явлений, с которыми сталкивается человек, осваиваются и перерабатываются им через культуру и ее инструменты, в том числе язык. При этом они становятся фактами истории культуры, нагружаются теми или иными ценностными коннотациями, обретают собственное существование в качестве норм и правил, традиций и обычаев.

Культурная семантика значений и оценок, смыслов и концептов, в частности национальная, сопровождает различные стороны человеческого бытия, становясь неотделимой от них. Приведем пример, обратившись для этого к так называемым вечным темам культуры, которые занимают в культурологической тематике особое место – это любовь и смерть, отношение к ним общества. В них биологическая природа человека проявляется эмпирически наглядно. Однако именно в этой узловой точке человеческого бытия культурологический контекст особенно показателен: так по отношению к смерти можно судить о жизни, о культурных реалиях эпохи.

Тема смерти всегда присутствует в жизни общества. Акт смерти, как и рождения, представляет собой один из важнейших элементов, конституирующих субстанциональность жизни. Моменты рождения и смерти детерминируют начало и конец индивидуального бытия, маркируют его границы. С развитием самосознания конечность человеческого бытия осмысляется как характерное свойство жизни. Обреченность человека, его телесная смертность требуют своего осознания и духовно-нравственного преодоления. Всё вышесказанное относится к общей, достаточно абстрактной характеристике феномена. Далее культурологическое исследование неизменно должно обратиться к исторической конкретике.

Смерть создает вокруг себя культурное пространство – ритуалы, обычаи, символы, верования, которые на языке культуры знаменуют собой финал, окончание, развязку. Составляя один из коренных «параметров» общественного сознания, отношение к смерти – «своего рода эталон, индикатор характера цивилизации». В истории зачастую именно «смерть была великим компонентом культуры, «экраном», на котором проецировались все жизненные ценности» [Гуревич, 1992]. Семантика этого феномена не всегда являлась четко сформулированной, осознанной. Наоборот, проблема восприятия человеком смерти – одна из плохо верифицируемых проблем социально-психологической сферы. Но это пласт коллективного сознания, позволяющий уловить чувства, эмоции, не всегда выраженные вербальным языком.

Отношение к смерти, характерное для данного общества, не остается неизменным на протяжении длительного времени. Оно исторично, изменятся вместе с эволюцией самого общества, с динамикой его социокультурной среды. Смерть в истории, смерть как проблема исторической антропологии всегда вызывала пристальный интерес культурологов. В культурологических работах Ф. Арьеса, М. Вовеля, А. Тененти, ставших уже классическими, исследуются установки общества перед лицом смерти в их эволюционном изменении, в совокупности тенденций социального, духовного, демографического, экономического развития. И здесь, естественно, важнейшее место занимает историческая, национальная специфика.

Исследуя общие черты и закономерности, культурология неизменно отмечает отдельные черты, особенности национальных культурных паттернов. Наука о культуре в этом плане достаточно «заземлена»: она не может далеко отрываться от своего имманентного объекта, коим являются практики человеческого рода, взятые во всем своем многообразии, и потому, несмотря на свой интегративный потенциал, она будет «распределена» между различными областями и сферами. Практики чрезвычайно разнообразны: мир повседневности с его многочисленными занятиями, специализированная деятельность, соотносимая с различными сегментами – это политика, бизнес, управление, народное хозяйство с его отраслями, духовные практики, науки и многое другое. Для них для всех будет характерна национальная специфика, онтологизированная в том или ином объеме, выраженная в том или ином аспекте.

Вопрос, который может быть в этой связи поставлен, касается соотнесенности исторической событийности и культуры, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Как, когда, в какой степени историческая событийность, в том числе политика, идеология влияют на культуру, видоизменяя и трансформируя ее? И как совместить объективную реальность науки с политической конъюнктурой, связать ее с потребностями образовательного процесса?

Для прояснения этих взаимосвязей обратимся к вопросам преподавания культурологии, связанным с современной международной и внутренней проблематикой.

ВОЗМОЖНА ЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ?

Прошло уже 20 лет с того времени, как 19 сентября 2003 года Россия присоединилась к Болонскому процессу в Берлине во время саммита европейских министров образования. Целью Болонской системы было создание общеевропейского образовательного пространства, на котором должны были быть унифицированы национальные образовательные системы, сформировав единую модель первоначально для стран, входящих в Общий рынок. Для нас это присоединение означало переход на западные стандарты обучения. Национальный суверенитет, однако, невозможен без духовного, идейного суверенитета, сохранения исторической памяти и традиций. Проблемы национального суверенитета не стояли на первом месте для элит западного мира, более всего стремящихся к решению объединительных задач, эти проблемы не были актуализированы в то время и для нас. Прошло два десятилетия и время показало тщетность некогда существовавших надежд на «единую Европу», на единое европейское пространство «от Лиссабона до Урала».

Необходимо подчеркнуть, что в России образование всегда рассматривалось не просто как передача определенного объема знаний, а как процесс духовно-нравственного воспитания, направленного на выработку у обучающегося гражданских мировоззренческих позиций, воспитание духовных ценностных ориентиров. Ныне, однако, наша система образования, национальная и государственная по форме, оказалась лишенной своего суверенитета, поскольку образовательные стандарты, а также программы и методы обучения в предыдущие десятилетия во многом задавались извне.

Начиная с 90-х годов традиционная отечественная система ценностей заменялась западной под прикрытием очень привлекательных лозунгов демократии, свободы и толерантности. Российскую школу, среднюю и высшую, адаптировали к нуждам глобального информационного общества, переводя на западную систему ценностей. Навязывая концепцию «глобального гражданина» и «нового человека», национальное образование втягивалось в сферу интересов транснационального бизнеса. Запад выделял огромные средства, чтобы заменить наши учебники по истории, культурологии, другим гуманитарным дисциплинам, напечатав их в изобилии. В учебниках, профинансированных Соросом, другими западными спонсорами, были расставлены иные акценты, дана иная, не отечественная интерпретация исторических событий. Упор делался на замалчивании достижений нашего народа, на преувеличение негативных моментов истории, описывая их как исключительно российскую модель. Затем был сокращен объем времени на изучение русского языка и литературы, а также изменен и урезан список классических отечественных литературных произведений, обязательных для изучения.

Следует отметить, что забвение своей истории, моральное, идеологическое разложение общества как раз отвечало бы интересам наших западных оппонентов, поскольку цивилизационный конфликт Запада и России неумолимо приобретает всё более масштабные и ожесточенные формы, переходя в экзистенциальное, так называемое горячее противостояние. Общество консолидируется, предпринимая необходимые действия, соответствующие серьезности ситуации, явственно проявляя характеристики зрелого гражданского сознания. Это патриотический настрой, выражающийся в разных аспектах поддержки СВО, постоянный диалог власти и общества, приобретающий новые качества.

Ситуация изменилась и в этой связи встает вопрос о необходимости объяснения данного цивилизационного противостояния, его надлежащего отражения в образовательном процессе. Можно отметить, что сегодня, как никогда, находит свое подтверждение максима: «Хочешь победить своего врага – воспитай его детей». Будучи то ли восточной мудростью, то ли принципом, сформулированным в лоне ордена иезуитов в XVI веке, она крайне актуальна в настоящее время. Вопрос в том, кто и на каком историческом материале учит молодые поколения россиян? Речь в данных обстоятельствах должна идти о концептуализации в образовательном процессе национальной идеологемы культурно-исторической общности Русского мира, о сохранении исторической правды и памяти о роли России в мировой истории.

В стремительно деградирующей Западной Европе всё более очевидным становится тот «закат», который был некогда предсказан О. Шпенглером в его широко известной работе «Закат Европы». Она неотвратимо приближается к своему естественному концу: речь не идет, конечно, о ее субстанциональном исчезновении, но о прекращении той благополучной, сытой и спокойной жизни, благодаря которой в глазах жителей других континентов Европа обладала особой притягательной силой, была окружена неким ореолом

исключительности. Америка, в лице Соединенных Штатов, «огнем и мечом» насаждающая по всему миру собственную систему «демократических» ценностей, третирующая весь остальной мир, также не может трактоваться как статусный ориентир.

Безусловным приоритетом в этой ситуации будет обладать Русский мир, сохраняющий свою историческую и культурную специфику. Ему, по-видимому, можно предсказать блестящую перспективу, учитывая архетипические черты россиян. Апология державности, сакрализация власти, пиетет к величию и мощи империи, приоритет государственного интереса – все эти аспекты можно отнести к секулярной характеристике национального менталитета. Аспекты, определившие лицо русской культуры, противопоставили модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности. Приверженность традиционным ценностям, оставаясь неизменной на протяжении столетий, обеспечивала жизнестойкость и уникальность русской культуры. Именно этим, а также полиэтничностью генофонда, природными богатствами и мощью исторического основания можно объяснить ее феноменальные способности к возрождению. Россия развивается, хотя дважды на протяжении прошедшего столетия государство разрушалось и воссоздавалось заново.

Итак, необходимо говорить о новом наполнении учебных программ, о новой парадигме образовательного процесса, в первую очередь патриотической. Конечно, речь здесь должна идти главным образом о гуманитарных дисциплинах, но не только о них, потому что и в преподавании естественных, технических специальностей можно акцентировать большой вклад наших ученых, изобретателей, первооткрывателей. Важно, чтобы студенты, школьники знали, что, какие открытия, изобретения Россия подарила миру. Необходимо увеличение количества часов, привлечение в курс изобразительного ряда, использование богатейшей российской, советской фильмотеки – фильмов или отрывков из различных исторических произведений, к примеру, классических программных произведений «Андрей Рублев», «Война и мир» и др. Но просто передача информации, изложение событийной канвы истории далеко не достаточно, необходима ее специфическая, умная и грамотная культурологическая трактовка, акцентирование национальной самобытности, создание предпосылок для ее актуализации.

В контексте гуманитарного образования естественным образом возникает вопрос о дисциплине, наиболее полно и емко воплощающей культурологический синтез различных гуманитарных наук. Системообразующая роль принадлежит здесь культурологии, поскольку именно она интегрирует данные различных гуманитарных наук, разрабатывая на этой основе единую концепцию культуры. Именно она может стать междисциплинарной основой любого типа и направления высшего образования. Культурология также способна взять на себя основную нагрузку по выработке у студента мировоззренческих позиций, воспитанию ценностных ориентиров.

Рассматривая особенности национальной идентичности, культурология подарит возможность соприкоснуться с пластами нетленной культуры, снабдит выпускника вуза духовным противоядием от нигилизма и культурного одичания, предохранит от превращения в «одномерного» человека (Г. Маркузе). Она даст точку гражданского отсчета и системность, стереоскопичность видения мира. Максима, приписываемая Отто фон Бисмарку, что «войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники», актуальна для системы образования XXI века, поскольку в ней речь идет о духовном и нравственном потенциале общества. Прибавим только, что наряду со школьными учителями надо упомянуть и вузовских преподавателей.

Можно много и долго перечислять те обстоятельства, имена и события, которые являлись ключевыми, значимыми для понимания нашего исторического пути, на которые в курсах истории, культурологии просто не хватило времени, урезанных с целью «оптимизации» учебного процесса. Многие из них не нашли должного отражения в современных программах, иные были просто исключены по конъюнктурным или политическим основаниям, поскольку препятствовали препарированию учебных курсов в духе либерализации. Конечно, здесь не ставится вопрос о необходимости возвращения к советским образовательным стандартам, об изучении истории в марксистско-ленинском духе.

Приведем несколько примеров, как представляется, имеющих далеко не проходной характер. Русь в вузовских курсах изучают с IX века, с 862 года. При этом констатируется, что столицей Древней Руси являлся исключительно Киев, сплошь и рядом «забывая» о втором столичном городе – стольном граде Новгороде – крупнейшем по численности населения европейском городе того времени, игравшем важнейшую роль в северной Ганзейской торговле и торговле с Востоком. По своей масштабности и древности феномен является исключительным: на этой территории археологи докопались чуть ли не до палеолитических

стоянок.[1] Его уникальность как второго столичного центра – пример полицентризма, одного из доминантных факторов русской культуры. В исторической энциклопедии советских времен, однако, Новгород скромно характеризуется как всего лишь «один из самых древних русских городов», при этом внимание акцентируется на «засилье церковных и светских феодалов», на восстаниях посадских людей [Советская историческая энциклопедия, 1967, С. 263].

Другой контрапункт – монголо-татарское иго. Никак нельзя замалчивать или нивелировать, преуменьшать значимость ига как времени разорения и бедствий страны, случившихся в период феодальной раздробленности, точнее сказать – вследствие этой самой раздробленности, разобщенности русских земель, отсутствия сильной централизованной власти. В результате нашествия Русь, именовавшаяся скандинавами Гардарикой (страна городов), из страны городов, самой передовой в Европе того времени, превратилась в страну деревень. Плодороднейшие черноземные земли превращены были в дикое поле в результате гибели, увода в плен, массового оттока населения. Об этом писали такие важные для изучения истории нашей страны фигуры, как историки В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, но в современных учебниках вряд ли можно найти подробное изложение этих обстоятельств.

Переходя к Новому времени, к реформам Петра I, при всех дифирамбах государю, «прорубившему» окно в Европу, ликвидировавшему, например, «теремной быт», т. е. затворничество женщин из привилегированных слоев, нельзя не отметить фатальный негатив многих новаций. Из-за границы для ассамблей были импортированы далеко не лучшие образцы обихода, но нравы голландского кабака с его простотой и грубостью поведения, чрезмерной выпивкой и курением, прочими атрибутами трактирного разгула [Козьякова, 2016]. Им же был дан старт максимальному обособлению господствующего класса от всех других сословий через внедрение иностранного языка, сначала немецкого и голландского, потом, при Елизавете Петровне, французского. В будущем это заложит на два столетия суприматию французских мод, обычаев, манер, будет провоцировать космополитизм элиты, ее ориентацию на западные стандарты.

Можно не задавать риторический вопрос, знают ли наши абитуриенты и студенты имя Потёмкина, ведь в исторической энциклопедии подчеркивался его фаворитизм, его тщеславие, стремление к обогащению, что он «мешал» Суворову и данная характеристика затмевала все его реальные достижения [Советская историческая энциклопедия, 1968, С. 474]. Имя этой исторической фигуры, которой мы во многом обязаны обретением фактически «отбитой» у Турции земли Малороссии, оказалось незаслуженно забытым. Можно понять, что в период советской России вплоть до самых напряженных периодов Великой Отечественной войны не вспоминали имена прославленных военачальников царской России, таких как Суворов, Нахимов и др., но совершенно непонятна современная ситуация. Потёмкину, герою-военачальнику, практически не знавшему поражений, создавшему буквально с нуля российский черноморский флот, до сих пор не поставлен памятник.

Что известно о нем молодому поколению, кроме пресловутых, созданных отнюдь не нашими доброжелателями мифов о «потёмкинских деревнях» [Панченко, 2000]? А ведь Потёмкин, кроме военных побед, был основателем городов Херсона, Севастополя, Николаева, Екатеринослава. Он был покровителем Суворова и фактически создал тот новый тип отношений командиров и солдат, включавший в себя бережное отношение к солдату, который мы потом назвали суворовским и который является уникальным цивилизационным опытом. Отметим, что не только в истории, но и в культурологии уделяется внимание римской цивилизации и ее колоссальным завоеваниям, что было обеспечено особым типом организации войска, подготовки и ведения военных кампаний. Но вот уникальный нарратив русской армии, позволявший одерживать блистательные победы, в культурологии отражен весьма слабо.

Практически ничего не известно про битву при Молодях – первое крупное поражение за всю историю Османской империи, нанесенное непобедимой до того армии султана Сулеймана Великолепного. Османская империя к тому времени, покорив большую часть средиземноморских земель, захватив территории от Ирана почти до центра Европы, подошла к Венеции и осадила Вену. В 1572 году султан решил покорить и «дикую» Московию, завоевавшую к тому времени Казанское и Астраханское ханства и оказавшуюся неожиданно соседкой Блистательной Порты. Из Крыма на север двинулось многотысячное войско, костяк которого составляли отборные профессиональные отряды янычар. Возле деревеньки Молоди им преградили дорогу полки князя Михаила Воротынского, стоявшие насмерть – за ними, в нескольких часах ходу, была Москва.

В неравном бою крымско-османское войско, в несколько раз превосходившее силы русских, было полностью разгромлено. Защитники Москвы вырезали всех янычар и османских мурз, заранее

[1] Золин П. Палеолит Приильменья...

деливших еще не покоренные русские княжества. Это было первое крупное поражение за всю историю Османской империи. Потеряв на русских границах отборные полки янычар и почти всё крымское войско, блистательная Порта и крымский хан вынуждены были отказаться от надежд завоевать Россию. «Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы», – сказал о дне битвы Н. М. Карамзин[1]. Стоять насмерть, защищая Москву, сердце России – историческая традиция, которая также должна акцентироваться в курсе культурологии.

Сравнительный цивилизационный анализ, к примеру, Английской и Российской империй поможет понять своеобразие последней, никогда не грабившей своих колоний, поскольку их у нее не было. Сравнение будет особенно наглядно, если проиллюстрировать тему, прояснив, как по разному относился центр к своей периферии. Показательно, как за счет грабежа своих колоний обогатилась метрополия, вывозившая все ценности, до которых англичане физически могли добраться, вплоть до позолоты с потолка дворцов. Ободранные «цивилизованными» господами колонизаторами дворцы до их пор стоят неотреставрированными.

Интерес в плане опровержения распространяемых Западом инсинуаций о якобы «агрессии» и «захвате» чужих территорий нашей страной представляет история вхождения в состав Российской империи различных субъектов, которые в дальнейшем, по большевицкому принципу национального деления СССР, получили статус республик. В наше время, уже после распада СССР они были провокационно объявлены «захваченными», «оккупированными». Как пример можно привести Грузию, зажатую между крупными исламскими государствами Ираном и Турцией. Прежде чем она была принята в состав Российской империи, она несколько раз просила об этом в виду внешней угрозы и несколько раз ей отказывали, поскольку это автоматически влекло бы за собой необходимость ее военной защиты.

Современные идеологи маленьких прибалтийских государств, третируя своих сограждан, говорящих на русском языке, почему-то умалчивают об истребленных Тевтонским орденом исконно обитавших на берегах Балтики балтийских славянах, остатки которых были онеметчены и смешались с этническими группами эстов, ливов и др. Концепция «Drang nach Osten» («Натиск на Восток») – фашистский лозунг и одновременно ключевой элемент нацистской идеологии – тоже была заимствована у Тевтонского ордена времен его средневековых походов в Прибалтику. Славяне были истреблены в ходе немецкой агрессии наряду с долго сопротивлявшимися пруссами, от этноса которых осталось только имя, превратившееся в синоним германского милитаризма – Пруссия. Как и ономим *татары*, оно было легитимизировано другими историческими акторами.

Складывается впечатление, что наши учебники во многом исходят из некоего довольно странного принципа: весь негатив в нашей истории является правдой, весь позитив – пропагандистский штамп. Возникает вопрос: а кто вообще писал наши учебники по гуманитарным дисциплинам, почему они составлены по западным лекалам? Военных побед или не было вовсе (как это и произошло в случае с «неизвестной» битвой при Молодях), или же они были незначительными, случайными, а их последствия обязательно негативными (так, победитель Наполеона Александр I тут же превратился в жандарма Европы).

Всё, что было изобретено предками, якобы было либо принесено к нам из Европы, как это произошло с паровой машиной, электрической лампочкой или радио, либо просто беспочвенный миф. Никаких открытий русские не делали, хотя, например, первый электрический свет, заливавший столицы европейских государств, имел название «русского света». Они никого не спасали и не освобождали, а если всё-таки подобное случалось, то заканчивалось пленом и рабством.

Нам следует посыпать голову пеплом и каяться, поскольку история наша кровавая, а правители сплошь тираны, как это и произошло, например, с Иваном Грозным. Следовательно, «цивилизованный мир» имеет право на отмену русской культуры, на войну и уничтожение русских – это не терроризм, это стремление к свободе и демократии. А удел всех русских – каяться. Кстати, призыва к покаянию нет ни в американской, ни в англосаксонской истории, при том, что американцы уничтожали племена индейцев, загнав последних выживших в резервацию, а англосаксы обладали самой большой в мире колониальной империей. При этом не полагается вспоминать такие периоды в истории Англии, как эпоху правления королевы Марии, прозванной в истории кровавой, или же описанную Шекспиром череду преступлений в Войне Алой и Белой розы, в результате которой была практически уничтожена почти вся английская знать.

Примеры исторических умолчаний, подмен и фальсификаций можно перечислять и далее, но есть один важный аспект. Представляется, что не менее, а может быть, и более важную роль, чем

[1]Забытая великая победа. Сражение, спасшее государство: битва при Молодях. URL: https://mmk-rnd.ru/upload/mmk/1/29.pdf

история, может сыграть в решении этих задач культурология. Кому, как не ей, надлежит находить и исследовать специфические черты отдельных культур, анализировать их эволюцию, давать сравнительную характеристику различных цивилизаций.

В этой связи хочется обратиться к Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) В ней впервые определено особое положение России как самобытного государства-цивилизации[1]. Необходимо приветствовать это решение, ведь в течение почти 20 лет на разных гуманитарных конференциях в выступлениях многих ученых звучали подобные утверждения. Приводились доказательства, рассматривались исторические факты. Но ранее эти голоса не слышали, наша официальная позиция неизменно сводилась к тому, что мы – часть европейской культуры, у нас единая европейская цивилизация и, естественно, отсюда вытекали и многое практические последствия. Например, постулаты о необходимости следования в русле общеевропейского курса, о максимально широком участии во всевозможных, даже недружественных к нам европейских организациях, о нашем едином европейском доме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Недальновидная ориентация на Запад, внедрение отдельных образцов атлантической цивилизации шло вразрез с культурными паттернами и национальными интересами российского социума. На протяжении длительного времени к мнению сообщества ученых официальные органы не считали нужным прислушаться, как не прислушалась в свое время к дружному хору ведущих специалистов, протестовавших против механического введения Болонской системы. Но теперь положение дел коренным образом изменилось: ситуация бесконечно терпеливого адаптирования, приспособления к неким, не отвечающим нашим интересам стандартам, наконец, разрешилась.

События последнего времени ставят на повестку дня вопрос о традиционных ценностях, о защите в первую очередь национального суверенитета, позволяя тем самым обеспечить развитие национальной культуры и творчества. И потому жизненно важно «выращивание» не очередного космополитически ориентированного поколения, но патриотически ориентированной элиты, и воспитать ее возможно не на фантомах постмодернистской рефлексии, но на исторической преемственности национального культурного кода. Необходимость подобной работы определяется ее актуализацией в современных условиях, так как национальная идея есть формула суверенного существования российского государства.

Обеспечить связь политики, идеологии с комплексом гуманитарных наук, с трактовкой отечественной истории – дело актуальное и сложное. Не менее, а, может быть, более важную роль, чем история, должна сыграть в решении этих задач культурология, поскольку пространство культуры будет обязательно локализовано в национальных, этнических формах, иметь региональную специфику. Именно культурологии надлежит находить и исследовать специфические черты отдельных культур, анализировать их эволюцию, давать сравнительную характеристику различных цивилизаций.

[1]Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуревич А. Я. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина ; общ. ред. С. В. Оболенской ; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992.
2. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 10–11. М.: Советская энциклопедия, 1967–1968.
3. Козьякова М. И. Исторический этикет. Изд. 2-е. М.: Согласие. 2016.
4. Панченко А. М. О русской культуре и истории. СПб.: Азбука, 2000.

REFERENCES

1. Gurevich, A. Ya. (1992). Filipp Ar`es: smert` kak problema istoricheskoj antropologii = Philippe Ariès: Death as a problem in historical anthropology. Ar`es F. Chelovek pered liczom smerti. Perevod s franczuzskogo Ronina V. K. Obshh. red. Obolenskoj S. V. Predisl. Gurevicha A.Ya. Moscow: Progress-Akademiya. (In Russ.)

2. Zhukov, E. M. (ed.). (1967–1968). Sovetskaya istoricheskaya e`nciklopediya = Soviet Historical Encyclopaedia (vols. 10–11). Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
3. Koz`yakova, M. I. (2016). Istoricheskij e`tiket = Historical etiquette. 2nd ed. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
4. Panchenko, A. M. (2000). O russkoj kul`ture i istorii = On Russian culture and history. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Мария Ивановна
доктор философских наук, кандидат экономических наук
профессор кафедры философии и культурологии
Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozyakova Maria Ivanovna
Doctor of Philosophy, Candidate of Economic Sciences
Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies
Higher Theater School (Institute) named after M. S. Shchepkin

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	18.10.2023	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 12 (880)

Ответственный редактор выпуска
Е. С. Борисова
кандидат филологических наук

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Подписано в печать 15.12.2023
Усл. печ. л. 21,0
Формат 60x90/8
Заказ № 100/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

Network electronic scientific publication

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 12 (880)

Executive editor
Elena S. Borisova
PhD (in Philology)

Editor N. G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Signed for print: 15.12.2023
Conventional printed sheets: 21,0.
Layout format 60x90/8
Order 100/23

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© FSBEI HE MSLU, 2023

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
5.9.6. Языки нароов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».